

ИВАН ЛЮБЕНКО • маскарад со смертjоу •

ИВАН
ЛЮБЕНКО

• маскарад со смертjоу •

•

РЕТРО-ДЕТЕКТИВЫ
АНТОНА ЧИЖА
И ИВАНА ЛЮБЕНКО

•

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ

ДЕТЕКТИВЫ И. ЛЮБЕНКО:

Супо́стат
Маскарад со смертью
Тень Азраила
Тайна персидского обоза
Убийство на водах
Секрет Распутина, или Черная магнолия
Поделу́й анаконды
Кровь на палубе
Лик над прона́стью
Серый монах
Киевский лабиринт

ДЕТЕКТИВЫ А. ЧИЖА:

Пять капель смерти
Жертва чистой красоты, или Аромат крови
Ва-банк для Синей бороды, или Мертвый шар
Ищите барышню, или Безжалостный Орфей
Холодные сердца
Рыцарь с черной лестницы, или Формула преступления
Тайна мадам Живанши, или Смерть мужьям
Опасная фамилия
Тайные полномочия
Смерть носит пурпур
Камуфлет
Убить нельзя простить

И В А Н

ЛЮБЕНКО

• маскарад со смертью •

роман

Москва
2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л93

Художественное оформление *Петра Петрова*

Иллюстрации *Екатерины Асадчевой*

В оформлении переплета использовано фото
из архива автора

Любенко, Иван Иванович.

Л93 Маскарад со смертью : роман / Иван Любенко. —
Москва : Издательство «Э», 2016. — 416 с. : ил. —
(Ретро-детективы Антона Чижика и Ивана Любенко).

ISBN 978-5-699-88053-9

Выйдя в отставку, Клим Пантелеевич Ардашев, бывший начальник Азиатского департамента МИД в России, мечтал о жизни провинциального отшельника-сибарита. Но не тут-то было: неожиданно убивают его знакомого ювелира Соломона Жиха, а тот в предсмертной записке просит Ардашева позаботиться о его красавице-жене Кларе...

Расследование трагической смерти Жиха заводит Ардашева в дебри человеческих чувств и отношений: любовь оборачивается предательством, а предательство — прощением...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-88053-9

© Любенко И., текст, 2016
© Асадчева Е., иллюстрации, 2016
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

*Светлой памяти
Пархомовой Раисы Ивановны
посвящаю...*

1

Налет

Газета «Северный Кавказ», № 84 от 3 августа 1907 года

Происшествие:

Как следует из сообщения в газете «Московский Листок», в четверг, августа 1-го дня, поздно вечером, в Москве, со станции «Палагиада» Владикавказской железной дороги, была получена телеграмма об убийстве в купе первого класса международного общества спальных вагонов директора московского отделения торгового дома «Бушерон» в Париже г-на Жоржа Делавинь и его двадцатилетнего сына Людовика. Преступление совершено с целью грабежа.

В Москве, в дополнение уже сообщенной телеграммы, нам удалось узнать от людей, близко стоящих к фирме «Бушерон», имеющей на Кузнецком мосту громадный ювелирный магазин, не лишённые интереса подробности.

Недели две тому назад покойный Жорж Делавинь получил из Парижа от главы вышеупомянутой фирмы письмо, в котором ему предлагалось отобрать большое количество драгоценных камней и отправить их в соответствии с прилагаемым списком в губернский город Ставрополь, в сопровождении двух доверенных лиц.

Г-н Делавинь, находившийся на службе у фирмы «Бушерон» более двадцати лет, как человек крайне осторожный и недоверчивый, опасаясь препоручить драгоценности чуть ли не на миллион рублей кому-либо, решил лично выехать по месту назначения со своим старшим сыном, тоже состоящим на службе в этой же фирме. Господа Делавинь, имея в ручном, сравнительно небольшом, кожаном саквояже драгоценных камней на очень значительную сумму, тридцатого дня, минувшего июля, выехали в Ставрополь.

К исходу вторых суток поезд благополучно проследовал станцию Кавказскую, где имел остановку в семнадцать минут, и через непродолжительное время снова замедлил ход между разъездами. В этот момент кто-то открыл автоматический тормоз Вестингауза и в вагон международного общества спальных вагонов ворвались двое вооруженных грабителей в национальных горских одеждах и в черных масках. Разбойники стремительно направились в купе № 8, занимаемое французскими подданными. Время было около полуночи. Служащие ювелирной фирмы, видимо, уже спали, и поэтому в один миг были застрелены. В каждого из них попало по несколько пуль, предположительно из маузеров. Раны оказались смертельными. В момент внезапно раздавшихся выстрелов все пассажиры оцепенели от ужаса, и никто даже не попытался броситься им на помощь. Грабители-убийцы, пользуясь общей паникой и темнотою, выбежали из вагона и, никем не задержанные, бесследно скрылись в степи. Кожаный саквояж исчез вместе с драгоценностями.

Вызванные тотчас же казаки бросились в погоню и оцепили окрестную местность. Розыски велись всю ночь и весь следующий день. Результат их пока неизвестен.

После покойного остались жена, сын и дочь-невеста, свадьба которой должна была состояться после возвращения отца.

По получении печальной телеграммы супругу постиг нервный удар. В настоящее время она очень слаба и никого не принимает.

Среди ювелиров г-н Жорж Делавинь слыл большим знатоком брильянтов и мастером редкой огранки».

2

Купе № 8

Теплое южное солнце играло веселыми лучами на лицах публики, ожидающей на перроне прибытия кавказского скорого поезда. Разгоняя усевшихся на рельсах ворон, жадно

подбирающих спелую мякоть оброненного кем-то арбуза, уставший паровоз натужно разразился продолжительным свистком и медленно подкатил к перрону городского вокзала. Его огромные колеса с белой окантовкой и красные дышла с шатунами были намного выше человеческого роста и от этого казались лапами фантастического, инопланетного существа из «Войны миров» Герберта Уэллса. Белый номерной знак, нанесенный на нижней части будки машиниста и на буферном бруске, позволял предположить, что паровоз серии «ОВ» числится за 112-м порядковым номером и приписан к Владикавказской железной дороге. Черный цвет предусмотрительно скрывал толстый налет угольной сажи на длинном стальном туловище и только чумазая, но счастливая физиономия помощника машиниста полностью раскрывала задуманную конструкторами маскировку.

Станционный смотритель трижды ударил в медный, начищенный до блеска колокол. Растянувшийся как гусеница состав вздрогнул и остановился. Встречающие с нетерпением вглядывались в окна, дожидаясь, когда же, наконец, вагоновожатые дадут команду выпускать пассажиров.

Этот опоздавший поезд ждали. Четверо господ в штатском быстро подошли к вагону международного класса, предъявили проводнику полицейские жетоны и, пропустив спешившего по коридору священника с громоздким чемоданом, почти беспрепятственно прошли до восьмого купе.

Начальник местного жандармского отделения Владимир Карлович Фаворский, судебный следователь Фельденкрейц, штатный полицейский фотограф Яблочков и врач Топорков протиснулись в проем узкой двери и...остановились в оцепенении.

На спальных местах мирно покоились два застывших окровавленных тела. Стены и потолок были забрызганы алой мозговой жидкостью. Внешне создавалось ощущение того, что несчастные так и не успели проснуться, в момент когда обезумевшие от собственной дерзости преступники разрядили в них оружие. На столе лежала начатая коробка шоколадных конфет фабрики Абрикосова и две пустые чайные кружки.

Следственная команда принялась за работу. Фотограф, установив треногу, выбирал нужный фокус объектива. Врач ощупывал тела и фиксировал повреждения. Расположившись у боковой полки, следователь методично вносил карандашом данные в протокол, а Фаворский с помощью перочинного ножа старательно выковыривал из полированного дерева глубоко засевшие пули.

– Девятнадцать выстрелов... Стало быть, палили из двух пистолетов. Выходит, в каждом минимум по десять патронов. Да и калибр – почти как у винтовки «Мосина», – рассматривая на свет извлеченную из обшивки вагона, совсем не поврежденную пулю, делился соображениями жандармский ротмистр. – Что ж, господа, не ошибусь, если предположу, что это германский маузер – новое универсальное десятизарядное оружие, сочетает в себе качества пистолета и легкого карабина. Последнее время ими усиленно вооружается турецкая армия.

– Хотелось бы знать, кому досадили эти несчастные и за что их так усердно свинцом нафаршировали. Куда они направлялись и кто их здесь ожидал? – задумчиво проронил следователь.

– Боюсь, господа, что с этим делом нам придется изрядно повозиться. Да и не все здесь так просто, как может показаться на первый взгляд. У меня даже нет точной уверенности в том, что явилось причиной их смерти, – неуверенно выговорил врач.

– Позвольте, Сергей Матвеевич?! И что же вы имеете в виду? Да ведь из них решето сделали, а вы причину не найдете, – удивленно вскинул брови Фельденкрейц.

– Возможно, вы были бы правы, если бы не одно важное обстоятельство – у обоих трупов довольно сильно расширены зрачки. А если учесть, что в момент налета они спали, то, согласитесь, это довольно странно. Одним словом, без вскрытия установить точную причину смерти будет невозможно.

– С нетерпением буду ждать вашего заключения, доктор, – согласно кивнул следователь.

– Смеею предположить, господа, что это иностранцы. Судя по ярлычкам, вся одежда куплена в парижских магазинах, – заключил ротмистр, копаясь в дорожном чемодане одного из потерпевших.

Рутинный осмотр продолжался. Опрошенные проводники пояснили, что найденные мертвыми господа направлялись в Ставрополь. По крайней мере, это следовало из

предъявленных ими билетов. По-русски изъяснялись сносно, хотя и с заметным французским акцентом. В вагоне-ресторане долго не задерживались. С собой постоянно носили небольшой кожаный саквояж. Его-то в купе и не оказалось.

Установить личность того, кто перед нападением дернул ручку Вестингауза, так и не удалось. Но незадолго до экстренной остановки проводник вагона второго класса, где и был сорван тормоз, видел в коридоре даму в белом платье и с вуалеткой. Правда, опознать таковую впоследствии не смог. Опрошенные пассажиры свою причастность к остановке полностью отрицали.

И хотя преступления на железнодорожном транспорте – вотчина жандармского управления железных дорог, дело по двойному убийству было поручено Фаворскому, который формально никакого отношения, как руководитель политической полиции, к вышеназванной организации не имел. Но из-за отсутствия в городе соответствующей структуры отдуваться приходилось именно ему. Правда, в этом было и некоторое преимущество – в распоряжении ротмистра всегда были лучшие следователи судебного департамента, штатные полицейские врачи и даже фотограф. Слава богу, основная работа от этой дополнительной обязанности не особенно страдала, потому как смутьянов в городе уже почти всех повывели и аресты да обыски у разного рода революционеров и анархистов были редкостью. И только высылаемые из столицы поднадзорные студенты еще доставляли хлопоты, забывая вовремя отметить в местном охранном отделении. А иногда, выпив лишнего, они выкрикивали на Александровской базарной площади антиправительственные лозунги. Их тут же задерживали городские и, промурюжив ночь в участке, на утро, как правило, отпускали.

Новое злодеяние выбивалось из ряда обычных железнодорожных краж и пьяной вагонной поножовщины. Поиск преступников мог затянуться надолго. Вопросов у ротмистра было гораздо больше, чем ответов. Опыта в раскрытии такого рода дел у тридцатилетнего начальника не имелось. Да и откуда было ему взяться, ведь за последние три года жизнь офицера сделала несколько головокружительных и неожиданных виражей, полностью изменив его судьбу.

Еще совсем недавно штабс-ротмистр 17-го драгунского Нижегородского Его Величества полка с началом русско-японской войны был всецело охвачен духом самопожертвования и патриотизма. Повинуясь героическому порыву, он сразу же написал рапорт о направлении на фронт и в скором времени был зачислен в Терско-Кубанский полк, ожидающий отправки на Дальний Восток.

Уже через пару месяцев, во время Мукденского сражения, конный разъезд под его командованием, неожиданно оказавшись в тылу врага, с ходу атаковал и уничтожил артиллерийскую батарею новых японских скорострельных пушек «Арисака». Во время боя отважный офицер получил ранение, но несмотря на это, его кавалерийское подразделение в полном составе благополучно вернулось в расположение части. За этот подвиг штабс-ротмистр был удостоен ордена Святой Анны III степени с надписью «За храбрость» и досрочным присвоением очередного воинского звания.

Выйдя из госпиталя и насмотревшись на бездарное командование генералов, Фаворский решил подать в отставку, но в штабе дивизии его нашел прибывший из столицы господин, который и предложил службу в политической полиции. Не долго думая, драгунский офицер дал согласие и был направлен в Санкт-Петербург слушателем специальных курсов при Штабе Отдельного корпуса жандармов. Сразу после их окончания Владимира Карловича командировали в Ставрополь, где он и остался, возглавив местное охранное отделение при Терском жандармском управлении.

Несомненным достоинством нового начальника Ставропольской охранки была его удивительная способность быстро сходиться с людьми. Высокий подтянутый красавец, с открытым лицом, с закрученными в спираль модными усами, с приятным чистым голосом и мягкими манерами, располагал к общению и производил впечатление благовоспитанного, не имеющего ничего общего с грязными полицейскими провокациями человека. Многие ему верили, открывали душу и успокаивались. Но ненадолго... Защищая Добродетель от Дьявола, он и сам стал незаметно превращаться в жестокого и беспощадного «охотника за бунтарями», как иронично величал Владимир Карлович себя и своих сослуживцев.

Благодаря его стараниям за последний год количество тайной агентуры выросло. Вербовочные беседы он проводил лично, встречаясь с «объектами» на конспиративных квартирах.

Учитывая скудные официальные возможности по денежному вознаграждению добровольных помощников, Фаворский оказывал осведомителям разного рода мелкие преференции: помогал устроить на бесплатное обучение в гимназию детей; снимал наложенные полицией штрафы за нарушение правил торговли; смотрел сквозь пальцы на печатание книг в типографии Тимофеева свыше заявленного тиража, что, по сути, являлось незаконным промыслом и могло повлечь уголовное наказание.

К сожалению, картина налета на поезд вырисовывалась достаточно туманная и, сказать по правде, малопонятная. Но, следуя хорошо усвоенному курсу розыскного дела, ротмистр понимал, что надлежало перейти ко второму обязательному этапу – сбору необходимой информации. Для этого предстояло четко поставить задачи осведомителям и грамотно распорядиться полученными донесениями, то есть суметь составить из разрозненных, часто противоречивых сообщений яркую и понятную логическую цепочку человеческих поступков.

Интуиция подсказывала, что ключ к разгадке тайны убийства иностранцев лежит где-то на поверхности, надо лишь его внимательно рассмотреть среди цепи обычных и, на первый взгляд, ничем не примечательных событий.

3

Новая жизнь

Присяжный поверенный Клим Пантелеевич Ардашев был совершенно удовлетворен теперешней, полной домашнего уюта и спокойствия, гражданской жизнью ставропольского обывателя, тем более что сорок лет – возраст, когда мудрость уже пришла, а старость еще не наступила.

Но два года назад, вернувшись в Одессу из заграничной командировки на борту греческого судна с документами на имя австро-венгерского подданного, тайный посланник Российской империи привез с собой не только тяжелую форму тропической лихорадки, но и сквозное ранение обеих ног. Это был результат выполненной, но очень опасной операции по перехвату личного послания премьер-министра Великобритании Артура Бальфура представителю Соединенного Королевства на ожидаемых российско-английских консультациях по разграничению сфер влияния в Персии.

Пули задели и мышцы, и суставы. После трех перенесенных операций диагноз врачей был неутешителен: передвигаться начальник Азиатского департамента МИД России сможет только с помощью пары костылей. К глубочайшему сожалению, о выполнении деликатных поручений за границей не могло быть и речи.

Поблагодарив руководство и лично своего непосредственного начальника, его высочество принца Ольденбургского, Клим Пантелеевич отказался от любезно предложенной ему преподавательской работы на кафедре восточных языков при учебном отделении министерства иностранных дел и вышел в отставку.

Родина по достоинству оценила успешную работу «рыцаря плаща и кинжала» по созданию агентурной сети в Британской Ост-Индии (на Цейлоне, в Карачи, Бомбее и Хайдарабаде) и вербовку высокопоставленного чиновника английской колониальной администрации в Дели.

По особому соизволению государя коллежский советник Ардашев получил из рук Николая Александровича золотой перстень с вензельным изображением «Высочайшего имени Его Императорского Величества», орден Владимира IV степени с бантом, а также единовременную денежную выплату в сто тысяч рублей.

Будучи человеком деятельным и умным, Клим Пантелеевич пришел к глубокомысленному заключению, что на сей момент закончилась только первая фаза его жизни, а новая может стать не менее интересной и захватывающей. Надо только принять правильные решения.

Во-первых, следовало самостоятельно разработать методику лечения поврежденных суставов и начать их тренировку. Здесь могла пригодиться лечебная гимнастика индийских йогов, освоенная как раз перед тем злосчастным ранением.

Во-вторых, оставались так и не оконченные два курса Петербургского университета, где юный и полный энергии студент постигал основы юридических наук, пока не увлекся персидским и турецким языками. Внезапный интерес к Востоку и заставил бросить юридическое поприще, перейдя на факультет востоковедения, который он успешно окончил. Вот тогда-то и пригласили молодого выпускника на неведомую ему работу в недавно организованный специальный отдел при внешнеполитическом ведомстве Российской империи.

Почти военная дисциплина, новые предметы под номерами и без названий, дополнительные иностранные языки, необычные занятия по развитию специальных навыков, изнуряющие физические нагрузки. Но вскоре пришла пора бесконечных заграничных командировок и поручений, одно сложнее другого. Так пролетели годы.

Что ж, теперь предстояло вернуться к давно забытым дисциплинам по юриспруденции. Было необходимо сдать экзамены экстерном и, минуя обязательный пятилетний срок помощника адвоката, получить разрешение на практику присяжного поверенного окружного суда.

Ну а в-третьих, стоило решить, где пройдет эта вторая часть его жизни. Ответ напрашивался сам собой: в тихом и солнечном, раскинувшемся в окружении бескрайних степей городе. Там, где прошли его детство и юность.

– И с какой-то стати мы должны ехать из столицы в этот маленький и захолустный городок? – обиженным тоном спрашивала Клима Пантелеевича жена. – Ну не хочешь жить в Петербурге, есть Москва или, на худой конец, Нижний... Ну почему обязательно в Ставрополь? – непонимающими и от того широко раскрытыми от удивления глазами смотрела на мужа Вероника Альбертовна и ждала ответа.

Ардашев сидел в любимом кожаном кресле и молчал. Он опустил взгляд, видимо пытаясь самостоятельно разобраться в принятом решении, но найдя правильные слова, сразу как-то посветлел и, улыбнувшись, произнес:

– Я там родился.

...Со времени того памятного разговора прошел год. Революционные настроения стали понемногу угасать не только в Москве, но и в провинции. Март 1907 года уже дышал спокойствием. О прошлогодних демонстрациях в Ставрополе стали забывать, и только вырванные из тела мостовых булыжники напоминали о минувших беспорядках.

Весна в этом году пришла рано и до краев наполнила скверы и сады свежестью южных заморских ароматов. Сирень цвела привычными фиолетовыми гроздьями, а ее душистый и дурманящий запах гулял по бульварам и улицам в обнимку с молодым и неокрепшим ветром, волновавшим верхушки кокетливых берез. Земля, остывшая за долгую и суровую зиму, жадно впитывала тепло, опасаясь вполне вероятного в эту пору возврата холодов. Безмятежную картину спокойствия патриархального города дополняли сладко спавшие на ржавых железных крышах дворовые коты. Утомленные ночными похождениями, они с высокомерным безразличием взирали сверху на скрежет злого и беспощадного врага – вязанную толстыми прутьями дворницкую метлу.

А на городском железнодорожном вокзале, снаружи напоминающем архитектуру средневековой крепости, всегда царил суета. И хотя расписание поездов было известно всем, служащие станции в последний момент что-нибудь обязательно забывали сделать. И так изо дня в день. Что поделаешь – Россия.

В окружении услужливых проводников и носильщиков на перрон вышла немолодая пара. Супружеская чета невольно обращала на себя внимание строгими и несколько утонченными манерами. Мужчина среднего роста, с правильными чертами лица и располагающей улыбкой, лет сорока, с едва заметной проседью, в строгом темном сюртуке, слегка опирался на круглую ручку трости. Под руку его держала миловидная женщина лет тридцати пяти в широкой шляпе с вуалеткой. Самый прыткий извозчик из числа столичных, выхватив чемодан из рук проводника,

со словами: «Пожалуйте, господа, в мою карету», – первым устремился к проходу, рассекая людскую толпу.

– А скажи-ка, любезнейший, какая гостиница здесь лучшая? – усаживаясь в фаэтон рядом с дамой, поинтересовался господин в черном котелке.

– «Варшава», что на Казанской площади. Дороже ее нету, ваше благородие, – определил статус клиента опытный возница. – Там на завтрак даже пианина играет, а вечером – всегда оркестр.

– Ну, раз так, тогда конечно. Трогай в «Варшаву», – весело подмигнув спутнице, распорядился хозяин багажа.

На третий день пребывания в Ставрополе семья Ардашевых подписала купчую на новый дом. Построенный в стиле модерн особняк северным фасадом выходил на Николаевский проспект. По соседству располагалась арка Тифлиских ворот – начало главного городского бульвара.

Архитектурные изыски отличались смелостью решений. Входная дверь имела форму громадной замочной скважины. Прямоугольные окна с частыми переплетами визуально расширяли внутреннее пространство гостиной. Карниз, венчающий здание, придавал всему сооружению вид строгой роскоши.

Прошел месяц, и отделанный дубом кабинет принял первого посетителя. А совсем скоро их количество возросло настолько, что присяжному поверенному приходилось отказывать некоторым, не особенно приятным в общении, клиентам.

Жизнь постепенно входила в привычное русло, и незаметно пронеслись два месяца жаркого и ароматного, пахнущего степными травами лета. Дни были теплые, как и должно быть в августе, но ближе к полуночи ясно чувствовалось дуновение слабого, но уже настойчивого прохладного северного ветерка. Еще немного, и начнут отмирать по одному успевшие привыкнуть друг к другу листья. Наверное, именно об этом они скорбно шептались между собой вечерами, тихо шурша в кронах старых кряжистых кленов, раскидистых вязов и стройных лип.

4

Утренний гость

Проснувшись, как обычно, в половине восьмого и закончив приятную процедуру неспешного бритья, Клим Пантелеевич, в ослепительно-белой сорочке с массивными золотыми запонками и в костюме из темно-синего английского сукна, прошел в гостиную.

Самовар уже внесли. Нарезанная аккуратными ломтиками розовая ветчина благоухала свежестью, а принесенный из погреба осетинский сыр успел покрыться легкими, прозрачными каплями влаги. Супруга накрывала на стол. За восемнадцать лет совместной жизни Вероника Альбертовна сильно не изменилась: несколько пополнила, но сохранила обаяние юной доверчивой девчонки.

Разговор за столом не отличался особым разнообразием, а скорее походил на общение прилично воспитанных и уважающих друг друга людей.

– Надеюсь освободиться пораньше, – сказал Клим Пантелеевич, аккуратно намазывая масло на ломтик лаваша. – Может, на днях навестим Высотских? Послезавтра у них журфикс. Давно приглашают... Все обещаем зайти, да не получается. Неудобно как-то... Говорят, последнее время там собираются сливки местного провинциального общества.

– Хорошо было бы, право! Я так и не видела Виолету Константиновну после ее французской диеты, – проворковала супруга, снимая фарфоровый чайничек с верхушки самовара.

– Не спорю – диета штука полезная, но если еще и поститься как положено, то можно совсем себя извести. А мы с тобой, дорогая, тоже хороши: Успенский пост не соблюдаем, – расправляясь с алым куском ветчины, сокрушался Клим Пантелеевич.

– Почему бы нам самим не собрать гостей? А ты, как всегда, их чем-нибудь порадуешь. Помнишь, как долго все обсуждали приготовленный тобою шашлык? А чем на этот раз ты бы смог

удивить ставропольское мелкопоместное дворянство? – будто не слыша упоминания о церковном запрете чревоугодия, подперев щеку рукой, весело интересовалась Вероника Альбертовна.

– Снова шашлыком, но не простым, а чабанским.

– Как это?

– Рецепт насколько прост, настолько и стар: хорошо промытые и посоленные куски свежеразделанного барана складывают в его же шкуру, завязывают оба конца пеньковой веревкой и, положив в яму, на полвершка засыпают землей. Сверху разводят костер и ждут, пока все угли полностью не перегорят. После этого шкуру вытаскивают, вскрывают, достают мясо и подают его гостям на лаваше. Весь фокус в том, что до поры до времени никто, кроме шашлычника, не знает, где находится мясо, и все терпеливо ждут, когда же, наконец, принесут все необходимое для жарки. А хозяин выдерживает паузу и, невозмутимо помешивая кочергой костер, ведет непринужденную беседу.

– Замечательно! Так за чем же дело стало?

– Тут главное, мясо должно быть нежным. Лучше всего, конечно, молодой карачаевский курдючный барашек. Сочная трава высокогорий придает такой баранине специфический аромат. Но... надобно сначала дождаться окончания поста, а то ведь люди не поймут, – наливая чай с мятой, предположил хозяин дома.

Внизу зазвонил дверной колокольчик, что означало не только прерванный завтрак, но и, возможно, новости, которые иногда резко меняют нашу жизнь и не всегда в лучшую сторону.

Приветливая горничная уже впустила немолодого господина. В нем легко узнавался известный в Ставрополе делец в трех ипостасях: ростовщик (два собственных ломбарда), ювелир (мастерская и ювелирный салон на паях) и аптечный магнат (аптеки в Ставрополе, Кисловодске и Пятигорске) – Соломон Моисеевич Жих.

– Покорнейше прошу извинить, уважаемый Клим Пантелеевич, что так рано потревожил ваш покой и заранее не договорился о приеме, но дело, о котором пойдет речь, для меня очень важно. Могу ли я рассчитывать на аудиенцию? – слегка заискивающим тоном вымолвил Соломон Моисеевич. Белая рубашка визитера была не первой свежести – с полосками желтого высохшего пота по краям воротничка. Сильно нафиксатуренный пробор делил его голову на две равные части.

– Не вижу препятствий, пройдемте в кабинет, – сдержанно ответил адвокат, и по его спокойному лицу пробежала едва заметная тень легкого неудовольствия. Сказать по правде, Жиха в городе не особенно жаловали, но обойтись без него тоже не могли.

Посетитель и хозяин удобно расположились в мягких кожаных с широкими подлокотниками креслах. Низкий столик из красного дерева разделял собеседников. Все детали кабинета были выполнены в английском стиле, характерном для начала уже безвозвратно минувшего девятнадцатого века.

– Видите ли, уважаемый Клим Пантелеевич, с самого детства мой покойный папа меня учил: «Сынок, работай и откладывай, и ты всегда будешь иметь кусочек хлеба и даже немного кошерной говядины на праздник». Я долго и усердно трудился, по крохам собирал капитал, во всем себе отказывал и только сейчас начал понемногу жить так, как давно живут почтенные люди нашего города, – вытирая платком пот дрожащими толстенькими пальчиками, быстро лепетал Соломон. – Вы, должно быть, видели мою Кларочку, она намного моложе, но ей удалось вернуть мне радость после смерти жены. Первое время наши чувства расцвели магнолией! Я мечтал о большой и дружной семье, а для будущих детей даже купил пианино работы одного известного мастера из Данцига. Но Клара просила подождать. Прошло три года. Я заметил, что ее стала одолевать скука, и она все чаще выражала неудовольствие по любому поводу. Мое существование стало невыносимым, но я продолжал мириться с ее прихотями. А что я мог поделать? – безостановочно прерывая себя глубокими нервными вздохами, почти задыхаясь, лепетал негоциант.

– Мне кажется, что вам не стоит так переживать. Разрешите угостить вас рюмочкой великолепной вишневой наливки. Вероника Альбертовна, моя жена, готовит ее по старому, очень редкому рецепту, из местной шпанской вишни. – Адвокат неторопливо подошел к стоящему у окна узкому, высокому шкафу из красного дерева, открыл резную дверцу, достал хрустальный,

почти полный графин и две рюмки на изящных ножках. – Этот нектар прекрасно согревает кровь и успокаивает душу, – наливая напиток, гостеприимно и по-доброму произнес Клим Пантелеевич, проникаясь жалостью к этому несчастному человеку.

– Дай бог здоровья вам и вашей очаровательной хозяйке. Как учит нас Талмуд – добро рождает добро, – отпив глоток, ответил на любезность Жих.

– Благодарю вас, – слегка причмокнув от удовольствия и возвращая рюмку на столик, проронил хозяин дома.

– Я великодушно прошу вас сохранить наш разговор в секрете. Дельце, которое я вам поведаю, матримониальное и носит сугубо конфиденциальный характер, – осторожничал визитер.

– Хранить чужие секреты – неременный атрибут моей профессии. Это называется адвокатской тайной, – не сводя глаз с лица собеседника, сухо проронил Ардашев.

– Я в этом и не сомневался... Это я так, на всякий случай... Вы уж не обессудьте... Однако же я продолжу... Не так давно мы были в гостях у очень уважаемых и порядочных людей – у графа и графини Высотских. Вы хоть и новый здесь человек, а с ними, наверное, уже познакомились... – Ардашев утвердительно кивнул. – Так вот, когда после десерта я с Аристархом Илларионовичем вышел прогуляться в сад, то застал там Кларочку, беседующую с молодым человеком. Его лица я толком не разглядел, да и он как-то сразу ретировался. Клара объяснила, что это доктор, у которого она лечится. Надо признать, последнее время она чувствовала себя неважно и довольно часто посещала врача. По-правде говоря, я большого значения этому не придавал. Но не прошло и трех дней, как по почте некий аноним прислал цветную карточку, знаете, такие иногда продают в лавках, особенно на первое апреля, с рисунками срамного свойства. Вот, полюбуйте. – Соломон Моисеевич достал из внутреннего кармана надорванный сбоку конверт и передал адвокату. Внутри оказалась глянцевая открытка далеко не пуританского вида. На ней был нарисован доктор, приложивший ухо к обнаженной спине дамочки и страстно сжимающий ее пышный бюст. При этом мадам говорила: «Доктор, я лечусь у вас уже полгода, но по-прежнему чувствую стеснение в груди».

Лицо Соломона приняло багровый цвет и, раскрасневшись от обиды и постоянно промакивая носовым платком выступающую на лбу испарину, он продолжал:

– Мое больное сердце не выдержало, и я потребовал у жены объяснений. И она созналась. На самом деле это никакой не врач, а офицер кавалерии. Вы можете себе представить! Кларочка призналась, что она давно с ним знакома! Как она плакала! Моя девочка! Этот прощельга окрутил юное создание и, оказывается, добился ее! Он уже давно живет за ее счет, а точнее, за мой. Вы представляете? То есть он не только спит с моей женой, но, что еще более возмутительно – он ест мой кусок хлеба! – нервно теребя цепочку золотого брегета, свисавшую из кармашка жилетки на положенную длину, все более расходился Соломон.

– Да, вы правы, действительно сублильное дельце, – болезненно поморщился адвокат и, вытащив из внутреннего кармана жестяную коробочку монпансье «Георг Ландрин», протянул гостю.

– Премного благодарен. Однако я берегу зубы и от всякого рода леденцов воздерживаюсь, – извинительным тоном изрек хозяин ломбардов и аптек.

– А мне, знаете ли, помогают настроить мыслительный процесс. Пристрастился, после того как бросил курить, особенно к этим, московским. – Помедлив, Клим Пантелеевич отправил в рот конфетку зеленого цвета.

– Но это еще не все. Проблема в том, что некоторое время назад я сделал супруге подарок: оформил на Кларочку свою долю в ювелирном деле. Пусть, думаю, учится коммерцией заниматься. Человек-то я не молодой, страдаю сердечными спазмами... Вот и решил, что в случае моей смерти Кларочка без куска хлеба не останется. Жена-покойница была бездетной. Наследников других у меня нет. Я даже разрешил ей вояжировать в Москву и Санкт-Петербург для посещения ювелирных выставок. Но всплыла измена, опустились руки, и тогда я спросил себя: «А может, продать все? Уехать куда-нибудь на север Франции, например в Бретань, и любоваться из окна маленького и уютного дома Атлантическим океаном, а потом открыть там свое дело и жить новой, чистой, не запятнанной жизнью... с Кларой». А тут как раз кстати подвернулся один заказчик. – Жих умоляюще посмотрел на присяжного поверенного и, понизив

голос, снова попросил: – Клим Пантелеевич, пожалуйста, сохраните в тайне то, что вам сейчас станет известно...

– Изволь заметить, Соломон Моисеевич, об этом мы уже говорили, – с ударением на «уже» напомнил адвокат.

– Да-да. Конечно, я ни в коей мере не сомневаюсь в вашей добропорядочности. Но... Вы уж простите великодушно, но последние два дня меня постоянно преследует какой-то непонятный страх. – Жих, забыв о платке, вытер потный лоб рукой. – Да ладно, не это главное... В общем, имеются у меня некоторые покупатели, назовем их – государственные чиновники, которые, по понятным причинам, свой капитал не афишируют. А чтобы деньги не обесценивались, они приходят ко мне инкогнито и скупают, часто на очень внушительные суммы, драгоценности. Пару месяцев назад я получил большой заказ на покупку камней и подумал: «А что, если к сумме, на которую покупатель собирается приобрести ценности, добавится и мой собственный заказ? Таким образом я получу товар с большей скидкой, потратив сначала собственные средства, а затем, перепродав часть камушков, недурно заработаю на этой сделке. Самое главное – я получу возможность перевести весь свой капитал в чрезвычайно ликвидную субстанцию не только в России, но и за границей». Останется лишь сбить ломбарды, коими давно интересуется начальник акцизного управления, господин Гайваронский, а потом найти покупателя на аптеки. И все. Я обсудил это с Кларочкой, и она согласилась... На следующий день на адрес ювелирного дома я отправил соответствующее письмо о скором нашем приезде, и уже через неделю мы с женой отправились в дальнейшее путешествие, дабы непосредственно в Париже оговорить условия сделки со старыми партнерами из торгового дома «Бушерон». Во Франции директор этой фирмы показал мне разного рода дорогостоящие камни и брильянты с новой огранкой. Я решил купить достаточно большое количество обработанных таким способом камней и одну прелестную вещичку. Сумма сделки была оговорена, и я оставил задаток. Мы также условились, что в скором времени по телеграфу я оповещу о готовности купить эти крохотные ювелирные шедевры. Какое удивительное было время! Кларочка веселилась как ребенок! Но мы вернулись домой. Мне понадобился месяц, чтобы получить нужную сумму под залог ломбардов и аптек. Как и условились, я послал телеграмму о готовности приобрести заказанный товар. Уже через неделю ответной телеграммой меня уведомили, что ожидаемая поставка произойдет в Ставрополе, и указали точную дату. А тут, знаете, я снова заметил перемену в поведении жены. В отношениях со мной она стала холодной и весьма раздражительной. А что касаясь интимных отношений, то таковые отсутствуют уже два месяца и двенадцать дней... по причине ее постоянной усталости. Но это еще не все. Последнюю неделю мне иногда кажется, что моя подушка пахнет табаком, а я ведь никогда не курил! Боже милосердный! Я не могу себе даже представить, что кто-то спит на моей кровати. И что же мне делать, если она снова мне изменяет? К чему было тогда затевать всю эту историю с продажей всей собственности и переводом денег в драгоценные камни? Я иногда не знаю, как дальше жить! – Жих в отчаянии закрыл ладонями лицо.

– Прежде всего, надобно здраво оценить ситуацию. В конце концов, как говорят англичане, «не стоит долго плакать над пролитым молоком». В вашем случае семейная жизнь слишком тесно переплелась с коммерцией. Это всегда плохо. Вы должны сделать выбор: что вам важнее – дела торговые или семья? Насколько я понимаю, чаша весов склоняется ко второму, и, стало быть, ответ ясен. Да вы и сами его только что произнесли – все продать. Ломбарды – Гайваронскому, а долю вашей жены в ювелирном деле, смею предположить, господин Доршт выкупит с огромным удовольствием. И на аптеки покупатель уже есть – из Варшавы приехал некто Яков Аронович Пейхович, и он собирается составить вам конкуренцию. – Адвокат спокойно выводил «сына палестинских степей» из тупика.

– Я об этом знаю. Две недели назад этот бессовестный человек даже пытался переманить к себе моего управляющего – Ивана Байгера. Спасибо господу, Иван Генрихович честный человек – отказался. Этот Пейхович полностью лишен добродетели. Слышал я, что уехал он из Варшавы неспроста; что-то было там нечисто, вот он в Ставрополь и пожаловал.

– Так что, даст бог, поживете с женой за границей, душевные раны затянутся и все снова станет на свои места. По поводу продажи заложенного имущества не беспокойтесь. Я помогу вам составить трехстороннее соглашение.

Коммерсант на минуту задумался, достал из кармашка жилетки золотой брегет, посмотрел время и, закрыв щелчком часы, вновь обратился к своему визави:

– Клим Пантелеевич, я хотел бы заключить с вами некоторое соглашение... М-м... Причем действовать оно должно даже в случае... м-м... моей смерти. Никаких бумаг мы подписывать не будем, но ваши услуги я оплачу прямо сейчас. – Раскрыв бумажник как толстую книгу, Соломон Моисеевич почти полностью его опустошил, и на столике рядом с графином и двумя рюмками выросла стопка банкнот солидного достоинства.

– Позвольте поинтересоваться, Соломон Моисеевич, что же в таком случае будет входить в мои обязанности?

– Сейчас ничего. Разве что время от времени я буду иметь удовольствие пользоваться вашими советами. Но, упаси Господь, если мое сердце остановится, вы уж, пожалуйста, будьте тогда милосердны и найдите возможность помочь Кларочке. А главное – сохраните честь семьи и доброе имя моей супруги. Ведь она такая беззащитная и совсем еще... – Жих запнулся, с трудом сдерживая выступающие на глазах слезы, но быстро справился с нахлынувшими чувствами.

– Ну что ж, я согласен. Помогать людям – моя профессия. Надеюсь, смог быть вам полезен, – вежливо ответил Ардашев и, обратившись к горничной, попросил проводить гостя.

Вдруг Соломон Моисеевич повернулся и, слегка склонив голову в знак почтения, снова проговорил:

– Премного вам благодарен. – И добавил: – Пожалуй, вот и все, Клим Пантелеевич. – В его налитых кровью глазах читалось беспокойство, смешанное с тревогой и печалью, а в словах оставалась какая-то недосказанность.

– Всегда рад помочь, – любезно откликнулся присяжный поверенный.

Прислуга отворила стеклянную дверь с массивными ручками. Гость благодарно кивнул и вышел. Юное утреннее солнце весело забавлялось, осыпая лучами прохожих, и не обращало никакого внимания на появившиеся неизвестно откуда грозовые тучи.

Присяжный поверенный вернулся в кабинет. На столе осталась лежать забытая открытка и конверт. Адвокат интуитивно, сам не зная зачем, костяным канцелярским ножом письменного прибора аккуратно вскрыл конверт по всей клеящей стороне и обнаружил несколько рыжих волосков, очевидно от чьих-то усов. А в самом углу застрял сигарный пепел.

5

Rendez-vous со смертью

Понедельник, по обыкновению, у Ардашева проходил всегда вполне предсказуемо: участие в судебных слушаниях до часу дня, неспешный обед и снова заседания часов до шести, по окончании которых обмен мнениями с коллегами в коридорах или у дверей окружного суда. Работа завершалась медленной пешей прогулкой по Николаевскому проспекту до самого дома. Неторопливый променад с любимой, отделанной серебром английской тростью был значительно приятней, нежели тряска по булыжной мостовой в пыльной коляске извозчика.

Высокая круглая тумба для всякого рода объявлений, установленная у самого начала проспекта, на этот раз со всех сторон была заклеена кричащими ярко-красными афишами Русского драматического театра из Варшавы: комедии, трагедии и даже один водевиль предлагались на вкус не избалованной заезжими знаменитостями публики южного города.

Бесполезные днем электрические лампы на высоких столбах еще не зажглись, да и освещали они только Николаевский проспект от дома губернатора до Тифлиских ворот, во всех же остальных местах службу несли проверенные временем, издающие легкое шипение, надежные керосинокалильные фонари.

Летом темнеет поздно. Легкомысленные парочки медленно прохаживались под густыми кленами, ивами и каштанами, заботливо закрывающими горожан как от палящего солнца, так и от проливного летнего дождя. Бульвар, на две версты протянувшийся по всей центральной части

города, был не только любимым местом вечернего променада, но и являл собой местную достопримечательность. Ставрополь без Николаевского проспекта – не Ставрополь.

Когда Клим Пантелеевич уже прошел «Красную аптеку» и почти поравнялся со ступеньками Соборной лестницы, до него донесся истошный женский вопль. Ускоряя шаг практически до бега, адвокат увидел прямо перед собой обезумевшую от страха и рыдающую навзрыд уличную разносчицу сладостей.левой рукой она прикрывала в ужасе рот, а правой показывала в сторону чугунной лавочки, слабо различимой в густых ивовых ветвях.

На скамейке, облокотившись на кованую спинку, сидел человек с отброшенной назад головой. Из тонкой багровой борозды, опоясывающей шею, капала и растекалась кровь, заливая белый воротник сорочки, темно-синий сюртук и даже брюки. Из левого уголка рта торчал окровавленный кончик языка. На искаженном предсмертными судорогами лице мученика застыла жуткая гримаса. Глазные яблоки с закатившимися зрачками вылезли из орбит. В несчастном с трудом узнавался нежданный гость, посетивший адвоката в прошлую среду, – Соломон Моисеевич Жих. Под лавкой валялся открытый и совершенно пустой саквояж.

– Он только что был жив! Я продала ему коробку леденцов! У меня не было сдачи, он сказал, что подождет. Я сходила... пришла... смотрю, а он мертвый... Боже милостивый! А-а-а! – голосила баба в завязанном на малороссийский манер платке.

– Какая коробка? – переспросил адвокат, уставившись на труп.

– Да вот такая, кругленькая, как у меня на лотке, – плача гнусавила женщина, протянув монпансье «Москва».

Через некоторое время, обгоняя трель казенного свистка из нейзильберового сплава, побрякивая орденами и медалями, с нашитой на воротнике кафтана петлицей гвардейского образца, примчался запыхавшийся городской 1-го разряда Степан Силантьевич Переспелов, всей округе известный как Силантьич. На посту – напротив губернаторского дома – он стоял уже пятнадцатый год. О том, что нынешний страж порядка в прошлом заслуженный воин, кроме боевых наград, свидетельствовал нашитый унтер-офицерский поперечный погон.

– Так, укокошили, значит, сердешного, земля ему пухом... Я попрошу вас, господа, отойти в сторонку, пока полицейская пролетка не прибудет. И ничего не трогать! Дело горестное, но наша работа все изучить. Так, Аверьян, быстро дуй на гору в полицейское управление и скажи там, что душегубство сотворилось на бульваре. А я пока здесь побуду, до прибытия начальства, – покашливая в кулак и поправляя от волнения козырек фуражки, приказал появившемуся дворнику городской. Любопытная публика обступала лавочку со всех сторон.

Еще через четверть часа стук копыт по булыжной мостовой заставил толпу собравшихся зевак повернуться. С ипподромной скоростью приближался полицейский фаэтон. У лошадей, как у мифического Пегаса, казалось, выросли крылья. Соскочив на ходу, начальник сыскного отделения Ефим Андреевич Поляничко уверенно направился к месту происшествия, за ним, перебирая короткими ножками, «катился» круглый, как бильярдный шар, его первый помощник – Антон Каширин. Широким шагом уверенного в себе человека шел молодой судебный следователь в форменном сюртуке, а за ним, спотыкаясь о булыжную мостовую, едва поспевал врач, недавно прикомандированный к полицейскому управлению. Замыкал процессию штатный фотограф, о чем красноречиво свидетельствовали лежащая на плече деревянная тренога фотографического аппарата «Конрад» и парусиновая сумка с кассетами и объективом в правой руке.

Первым дали работать фотографу. Он быстро приготовил камеру на штативе, набросил на голову накидку из черного, светонепроницаемого плотного материала, вспыхнул магнием и сделал снимок, потом другой, третий... Поляничко мерил карманной рулеткой какие-то расстояния и отмечал их мелком, диктовал что-то своему заместителю, который, пожевывая губы, старательно заносил данные в блокнот.

Судебный следователь внимательно осмотрел убитого и складной карманной лупой скрупулезно обследовал лавочку, затем стал на четвереньки и, не обращая никакого внимания на ехидные усмешки зевак и безнадежно испорченные брюки, добросовестно излазил вдоль и поперек все пространство на пару саженей вокруг. Успокоившись, он занялся своей главной обязанностью – составлением протокола осмотра места совершенного преступления.

Тем временем доктор, склонившись над трупом, молча записывал огрызком химического карандаша только ему понятные «иероглифы» в небольшую книжцу. Закончив осмотр,

полицейские вполголоса обменялись мнениями, сели в карету и отбыли назад в управление. На крытой повозке приехали санитары. Уложив труп и накрыв его рогожей, они отбыли в морг городской больницы. После их отъезда любопытная толпа полностью потеряла интерес к горестному событию и стала расходиться.

Оставаться на скорбном месте смысла не было, и Клим Пантелеевич собрался было удалиться, но его внимание вдруг привлек едва заметный и немного спутанный кусок толстой проволоки, торчащий из разросшегося куста барбариса. Легко просунув трость в середину зарослей, Ардашев вытащил находку. «Ну конечно, обычная струна от фортепьяно», – подумал адвокат и, аккуратно завернув ее в белоснежный носовой платок, положил в карман сюртука.

Мало надеясь на удачу, присяжный поверенный все же решил попытаться счастья в поиске других улик. Но это было не просто. Молодой следователь добросовестно «вспахал» прилегающий к скамье участок, и после него найти что-нибудь, казалось, будет делом невозможным.

«Повезло однажды – повезет и дважды», – Клим Пантелеевич вспомнил знакомую еще с детства поговорку и, присев на корточки с обратной стороны лавочки, раздвинул примятую траву как раз в том месте, где в момент убийства предположительно мог находиться злоумышленник. На мокрой после ночного ливня земле ясно отпечатались четкие следы каблучных набоек. А в левом углублении, острием вверх, виднелся глубоко утопленный в грязи крохотный сапожный гвоздик со шляпкой в форме треугольника. И вторая находка, завернутая в клочок брошенной кем-то конфетной обертки, перекочевала на дно того же бокового кармана, где уже покоилась найденная струна.

Теперь благодаря легко узнаваемым характерным приметам обуви можно было попытаться поискать следы преступника с уже известными признаками. У самой кромки дороги, куда, слава богу, не успел добраться следователь, адвокату удалось обнаружить четыре никем не затоптанных, почти параллельных и находящихся на достаточном расстоянии друг от друга следа с характерными подковками, подбитыми гвоздями со шляпками треугольной формы. Потоптавшись немного подле еще «не остывшего» скорбного места, Ардашев наконец продолжил прерванный путь домой.

Несмотря на то что бывшему коллежскому советнику приходилось в жизни видеть многое, все же это убийство потрясло его. Еще в прошлую среду он встречался с человеком, который был полон скромных надежд и простых намерений, не зная, что судьба отмерила ему только пять суток. И кто-то там, на небесах, уже решил поставить в его жизни трагическую точку, а здесь, на земле, всего лишь исполнили приговор. От осознания людской беспомощности перед фатальной неизбежностью смерти становилось грустно.

Человек спокойный и уравновешенный, Клим Пантелеевич хоть и повидал в жизни многое, но совсем избавиться от тягостных мыслей не удавалось. Сцена гибели Соломона стояла перед глазами. На помощь могло прийти старое и действенное средство – смена обстановки, тем более что еще утром супруги планировали навестить Высотских, и хотя журфиксы, как правило, устраивались в конце недели, изнывающие от безделья хозяева гостям радовались всегда.

Уставшая от провинциальной скуки Вероника Альбертовна с радостью приняла предложение. Правила этикета все-таки предписывали предупредить о визите. К счастью, теперь не было необходимости посылать прислугу с визитной карточкой и справляться о времени. В этом году адвокат попал в число новых абонентов телефонной станции. Супруга приставила к уху слуховой рожок телефона и ласковым голосом проговорила в черную воронку амбушюра:

– Будьте добры, номер один, двенадцать.

– Соединяю, – пропел знакомый голос телефонистки центральной станции.

После нескольких гудков трубку взяла сама Виолета Константиновна и восторженно сообщила, что сегодня они ожидают гостей числом не более десяти и она была бы рада встрече с Вероникой Альбертовной, а супруг хозяйки с удовольствием составит Климу Пантелеевичу партию в шахматы или на бильярде.

Ардашевы собирались недолго. Извозчик, по обычаю, подкарауливал пассажиров на перекрестке у мануфактурной лавки и, как обещал, домчал быстро и с комфортом.

Многочисленные фотогеновые фонари, точно гвардейская стража, обступили со всех сторон особняк Высотских, а модные голубые ели, украшавшие фасад, придавали серому зданию ощущение таинственности и какого-то зловещего безмолвия.

Городские обыватели размеренно и чинно прогуливались мимо по живописной липовой аллее. Беззаботно и радостно публика собиралась провести очередной августовский вечер 1907 года, и только смутная, необъяснимая тревога продолжала разъедать остатки душевного спокойствия адвоката.

6

Тревожные будни полиции

Утром в полицейском управлении всегда царила повседневная и слегка напряженная рабочая неразбериха. Нижние чины с папками носились вверх и вниз по лестницам, а начальство размеренно и чинно шествовало по коридорам первого этажа. Обычно так продолжалось до обеда. Затем все расходились по кабинетам или отправлялись в город.

Полуденное солнце окончательно разморило начальника Ставропольской губернской полиции Ипполита Константиновича Фен-Раевского. Прогнать внезапно нахлынувшую дремоту лучше всего было стаканом хлебного кваса, приготовленного из ключевой воды, бежавшей по глиняным трубам из лесного родника, что в предместье Ставрополя. Старики считали этот источник целительным и спасающим от многих болезней. Как утверждал местный доктор Конради, вода из урочища Карабин действовала как успокоительное средство и отличалась повышенным содержанием йода. Главное – отпив несколько глотков удивительного напитка, всегда удавалось найти нужные слова и аргументы для очередного отчета вышестоящим начальникам. Да и здоровье, подорванное нервной работой и многолетними вредными привычками, мятному квасу никак не противилось.

Наполнив хрустальный стакан, Ипполит Константинович стал набрасывать план срочной депеши в Санкт-Петербург о готовящихся мероприятиях по обезвреживанию банды Рамазана Тавлоева, головореза и убийцы, по кличке Рваный. Прозвище свое он получил еще в семнадцать лет, когда, несмотря на разорванную чабанской собакой кровоточащую лопатку и прокусанную руку, проскакал на лошади до своего родного аула почти двадцать верст.

Спустя месяц, когда раны затянулись, а русские пастухи успокоились, Рамазан купил у соседа винтовку, вернулся и, перестреляв всех собак, угнал чужую отару. А досадившего ему чабана привязал к стволу сухого дерева, что лежало поперек волчьей тропы на водопой. С наступлением темноты за несколько верст были слышны крики мученика, перекрывавшие даже шум быстрой реки Кумы. Обглоданный труп нашли только через три дня.

Бежавший с этапа на Читинскую каторгу, приговоренный к семнадцати годам за убийство, воровство и разбой, уроженец Башиганских песков, сын даргинца и черкешенки вселял ужас всем почтарям губернии. Последние три месяца курьеры отказывались отправляться в уезды без охраны. Большое Дербетовское приставство, Трухменское и даже спокойный Медвеженский уезд стали зоной действия шайки. В этой ситуации помочь могли только решительные и продуманные действия. Медлить было нельзя. Уже на 1 августа насчитывалось четыре вооруженных нападения на почтовые фэтоны, перевозившие наличность для выплаты жалованья земским чиновникам, учителям и врачам. Во всех случаях свидетели безжалостно уничтожались.

Разграбив карету, сопровождающих отводили в сторону от почтового тракта и убивали из маузера выстрелом в голову. А двум несчастным фельдъегерям, чей мундир напоминал полицейский, перерезали горло от уха до уха. Оставшихся лошадей с помощью перекупщиков продавали цыганам. Благодаря сведениям от осведомителя в ресторане гостиницы «Варшава», полового Федьки Кожемяки, был установлен, задержан и помещен в тюремный замок Ставрополя один из скупщиков ворованных коней. Через него планировалось выйти на Рваного. Однако старый прощелыга отказался сотрудничать с полицией, уверяя, что он всего лишь «хотел купить пегую пару подешевле, а продать подороже и знать не знал и духом не ведал, что лошади

были казенные», а что до клейма – так он сразу его и не разглядел, потому как стар да зрением слаб. А купил их у какого-то черкеса, фамилию у него не спрашивал. Никакого Рваного или Рамазана он не знает. «Обманул мазурик, сказал, что кобылы его. Теперь вот и лошадок забрали, и гроши потерял. Вы уж, господин полицейский, помогите да найдите жулика», – фальшиво кривляясь, лепетал оказавшийся дважды судимым за воровство Степан Безуглов.

Другие облавы на Рваного тоже закончились неудачей. В самом начале года стало известно о нелегальном доме терпимости, открывшемся под вывеской «Массажный салон» на Мещанской улице. Некая Фатима Загилова поселила в снятых ею апартаментах девиц легкого поведения. До поры до времени полиция лишь наблюдала за деятельностью «красного фонаря» и никаких мер не предпринимала. Когда же сводница зашла слишком далеко и попыталась через портье гостиницы «Коммерческая» предложить постояльцам услуги своих подопечных, с нею провели беседу, по окончании которой она «добровольно» согласилась на тайное сотрудничество с полицией.

В первых числах июля новоявленная осведомительница сообщила, что повадился к ней один даргинец. По описаниям, как раз Рваный. Появляется он ближе к полуночи, в номерах не остается, а берет белокурую Ингу и, оплатив ее услуги, уезжает вместе с ней на извозчике куда-то в район бывшего солдатского поселения, именуемого в простонародье Форштадтом. Наутро девушка возвращалась сама.

Это городское захолустье никак не освещалось, и с наступлением темноты в нем немудрено было и заблудиться. Полиции с трудом удалось найти турлучную хату, где проводила время парочка. Засады, устроенные в салоне на Мещанской и в доме на Форштадте, результатов не дали. Рваный как в воду канул.

Поскольку все предпринятые усилия по поимке Рамазана провалились, у Ипполита Константиновича все более крепло убеждение, что у преступников имеются осведомители среди либо полицейских, либо иных лиц, непосредственно соприкасающихся с носителями закрытой информации.

Исходя из проверенной временем истины «что знают двое, то знает и свинья», старый и опытный чиновник решил не описывать руководству все подробности плана, а ограничиться лишь общими фразами. Весь текст было поручено зашифровать и отправить телеграфом.

Незаметно рабочий день приближался к концу, и шеф ставропольских полицейских мысленно предвкушал вкусный ужин с селедочкой под уксусом, настоящим на базилике, а к нему обязательное приложенье – запотевший от холода графин со «Смирновской»... Но неожиданно двери шумно распахнулись, и в кабинет вихрем влетел обеспокоенный начальник сыскного отделения. За ним неслышно ступал его заместитель Антон Каширин. Встревоженный вид главного сыщика губернии свидетельствовал о том, что стряслось что-то из ряда вон выходящее.

– Ваше высокоблагородие, на Николаевском Жиха убили, только что. Мы обследовали место происшествия и пока можем говорить лишь о том, что смерть наступила примерно час-полтора назад. Задушили его прямо на лавочке. Видать, кто-то сзади подкрался и затянул петлю у бедолаги на шее. Первой убийство обнаружила разносчица сладостей, она конфетами на углу всегда торгует, – деловито объяснял Ефим Андреевич. – Мы допросили ее. «Смотрю, – говорит, – подходит ко мне прилично одетый господин, дает червонец и покупает коробку монпансье. А сдачи не нашлось. «Ступай – говорит, – милая, поменяй в трактире, а я тут на лавочке пока твои леденцы отведаю». Через пять минут она вернулась, чтобы отдать сдачу, а он уже мертвый. Понятное дело, у нее истерика началась. Вокруг народу собралось... Тьма! Ведь место это особой любовью у парочек гуляющих пользуется.

– Смею донести до сведения вашего высокоблагородия, – несколько смущаясь своей смелости, подобострастно начал Антон Каширин, – у покойного во внутреннем кармане лежал пузырек с микстурой «Капли от мигрени» и квадратная коробочка с леденцами «Георг Ландрин». А у торговки он купил монпансье «Москва», но уже в круглой коробке. Так вот их при нем почему-то не оказалось.

– Где же они? – спросил начальник.

– Исчезли. Вряд ли бы их кто-то из прохожих подобрал, – поделился сомнением Поляничко.

– Получается, что их убийца забрал, что ли? Чепухенция непонятная, господа. А деньги целы? – задал обязательный вопрос Ипполит Константинович.

– Все на месте. Триста пятьдесят рублей находились в портмоне, да и часы золотые швейцарские брегет с цепочкой – в целости и сохранности. Еще пустой кожаный саквояж под скамейкой валялся. Все, что было при нем, сдали в участок по описи. Да, вот еще. Куда нам деть сдачу, что торговка принесла? – доставая из кармана деньги, поинтересовался Ефим Андреевич.

– Все вносите в опись, а потом вдове передадим, – указал полицмейстер и добавил расстроенным тоном: – Вот это новость так новость. Хуже не придумаешь. Придется губернатору утром докладывать. Одного понять не могу, кому этот Жих не угодил? Ведь человек был тихий, никого не трогал. Женился недавно. Что-то здесь не так. – Ипполит Константинович поднялся из-за стола, подошел к окну и, глядя на склонившуюся под зрелыми плодами яблоню, про себя заметил: «А Жиха-то убили аккурат на Яблочный Спас». Из раздумий его вывел голос Поляничко:

– Если позволите заметить, надобно расспросить всех, кого видел Соломон за последние дни. Может, поссорился с кем или дорогу кому перешел? Я уже разузнал, что молодая жена покойного, Клара Сергеевна Жих, была замешана в адюльтере с поручиком 15-го драгунского полка, – козырнул умением добывать быстро нужную информацию лучший сыщик губернии.

– Ну-ка, ну-ка... поподробней... И кто же он? – осведомился полицейский чиновник, а в глазах у него вспыхнул какой-то хитрый огонек.

– Бронислав Арнольдович Васильчиков. Говорят, отчаянный храбрец. Добровольцем ушел на японскую войну. Конный разведывательный дозор под его командованием захватил японского генерала со всей свитой и документами. Сам же поручик остался прикрывать отход и увел погоню в ложном направлении. Спасся чудом. За это был награжден именными часами и георгиевским крестом. Досрочно присвоен чин штабс-ротмистра. Вернувшись обратно в полк, пытался соблазнить жену местного предводителя дворянства, но потерпел фиаско. Затеял ссору на рождественском ежегодном балу и вызвал на дуэль кого-то из местной польской знати. За этот поступок снова был понижен до поручика и переведен в Ставрополь.

– И как она, Клара Сергеевна, хороша? – подмигнул полицмейстер.

– Весьма! – парировал сыскарь.

– Ну, и удалось ли ему окончательно ангажировать сию мадам? – с некоторой долей азарта осведомился Ипполит Константинович.

– Этого знать не могу, да и не хочу. Как говорит наш батюшка Филарет, «незаконные интимные связи богопротивны суть».

– А зря, зря. Ты все знать должен. Для того мною здесь и поставлен. Ну ладно, значит, так: пьянь эту завтра же утром арестовать, – тяжело опустившись в кресло, приказал полицмейстер.

– Осмелюсь заметить, для этого мы не имеем достаточных оснований, да и его полковое начальство сразу же начнет скандалить, – возразил Ефим Андреевич.

– А это, господин коллежский асессор, не вашего разума дело. Постановление на арест подготовьте, а я подпишу, – раздраженно заметил начальник полицейского управления.

– Прикажете допросить подозреваемого? – осведомился Поляничко.

– Вы что, циркуляр забыли или, может, напомнить вам обязанности при производстве ареста? Вы где обучались? – теряя самообладание, все больше выходил из себя хозяин кабинета.

– Виноват, ваше высокоблагородие, на медные деньги учен-с. Исполню как прикажете-с, – не желая дальше «дразнить гуся», вытянулся во фронт Ефим Андреевич.

– То-то же. Вы, Поляничко, не зарывайтесь. А то вот поставлю на ваше место Каширина, тогда у вас хватит времени с инструкциями ознакомиться, – кивая в сторону молчавшего все это время Антона Филаретовича, слегка подбревшим голосом вполголоса пробубнил начальник. – Ступайте работать! – закончил беседу Фен-Раевский и хлопнул слегка ладонью по зеленому сукну письменного стола.

Откинувшись в кресле и глядя вслед удалявшимся подчиненным, полицейский начальник самодовольно хмыкнул: завтра он сможет доложить губернатору о поимке опасного злодея, осмелившегося учинить смертоубийство чуть ли не под окнами губернаторского дома. Останется только документально изобличить мерзавца и получить собственноручно написанное признание. А уж это в Ставропольском полицейском управлении делать умели всегда.

«Зря я все-таки обидел этого старого служажу, – с горечью сожаления подумал полицмейстер. – Уж как ни как, а двенадцатый год верой и правдой... При нем розыск преступников достиг несомненных успехов. А фотографирование и ведение картотеки на каждого задержанного? Ведь

это опять же Поляничко организовал. Чуть свет – он уже на службе, а уходит затемно... Оно, конечно, мужичонкой-то неотесанным от него несет... Ну а куда деваться? Отец-то его из крепостных в купцы выбился, да и отдал младшего сына на обучение... Ну да ладно! Чего уж там! Вся страна такая! Вот недавно привели одного мазурика. На стул посадили, на грудь, как положено, повесили дощечку с фамилией, с годом съемки и номером. Фотограф магний жечь стал. Накидку набросил. Вроде бы все быстро и без затей: раз – *en face*, два – в профиль. Да куда там! Вор, чтобы его фотографическое изображение не удалось, начал гримасы корчить! Ефим Андреевич смотрел на его выкрутасы, смотрел, молчал, все табачок нюхал, а потом надоело ему, и приказал он этого супостата увезти. Утром охрана рассказывала, что этот самый вокзальный воришка всю ночь в дверь камеры стучал. «Хочу, – говорит, – на эту карточку сниматься, и как можно скорее». Спрашиваю на следующий день у Поляничко, как это он его так быстро сумел уму-разуму научить. А тот молчит и только хитро в ус посмеивается... Ну, вообще, рассказал. Оказывается, посадил он его в камеру к одному буйно помешанному преступнику. Жена его в заезжем цирке арену подметала да изменила мужу с клоуном. Но «люди добрые» ему об этом донесли. Домой пришел, как мог, себе лицо размалевал, Арлекином нарядился и стал ждать благоверную. Не успела она войти – он ей нож в сердце... А потом голову ей отрезал и вместе с этим искаженным от страха женским лицом стал заглядывать в окна домов и самолично корчить рожи. Полгорода чуть заиками не сделал. Насилу его городской догнал да в камеру запер. Мужик-то умом тронулся, но гримасы строить продолжал. Вот к нему-то и подсадили вора, чтобы не скучно было, да только он такого соседства не вытерпел... Ну, а что до православных правил, то, конечно, лучше Ефима Андреевича только один батюшка, наверное, церковную службу знает. Тут уж ему равных нет! Да и то, бывало, сетует, что молодые священники служат с пропусками, торопливо и небрежно. А как он молится! Истово, усердно крестясь с поясным поклоном, как старый опытный монах, и большую часть службы простаивает на коленях. С главной задачей – раскрытием преступлений – Поляничко справляется, но делает это не столько благодаря логике рассуждений, сколько житейской мудрости и огромному жизненному опыту. Даст бог, до пенсии дослужит. А там, году в двенадцатом, выйдет в отставку с шестым разрядом – коллежским советником. Ну, это потом будет, а пока только двести рубликов в месяц – особенно не разгуляешься. Шутка ли, шестеро детей и всем образование дал! Четверых сыновей выучил! А две его девочки-близняшки с отличием гимназию окончили. Теперь вот барышни на выданье. Такой вот у меня начальник губернского сыска – другого не надо».

Жалобно застрекотал телефонный аппарат. Оказалось – жена. Наталья Никитична сообщила мужу, что Высотские сегодня приглашают к себе. Идти в гости не хотелось. Придется утешать любопытство присутствующих и отвечать на вопросы о сегодняшнем происшествии, чего должностное лицо, да еще такой важный полицейский чин, делать не должно. С другой стороны, не меньше прельщала возможность получить дополнительную информацию о фигурантах шумевшего преступления. В таком деле даже сплетни могут оказать неоценимую услугу, а потому приглашение было принято, и через час Фен-Раевские уже поднимались по ступеням мраморной парадной лестницы, охраняемой с боков каменными львами.

7

Нежданный журфикс

Особняк Высотских стоял на Александровской улице и вполне бы сошел за средневековый замок, если бы не современный стиль. Здание казалось еще выше благодаря классическим греческим вазам, венчающим весь передний декор. Двухэтажный дом выходил на улицу фасадом, отделанным голубой голландской плиткой и украшенным узорчатыми входными дверьми. Его внутреннее убранство было под стать внешнему. Парадная лестница разбивалась об ослепительно яркую переднюю, пол которой был выложен белоснежным мрамором, покрытым персидским ковром овальной формы. Холодный камень прихожей уступал дорогу благородному дубовому паркету с восточным орнаментом. Потолок, несмотря на тяжесть массивной золоченой

лепнины, отличался легкостью и наполнял светом все помещение огромной залы, которое из-за расположенных в самом верху зеркал казалось бесконечным.

Гостиная, бильярдная, музыкальный салон, кофейная и курительная комнаты – все было обставлено хорошей подделкой под антикварную мебель периода Людовика XIV, а развешанные по стенам гобелены многократно усиливали ощущение реальности раритетов.

Непосредственно за домом раскинулся фруктовый сад с прудом, питавшимся хрустально чистой водой из Желобовского ручья.

Как правило, собирались по пятницам. Пропускали только пятницу 13-го. Гостей здесь жаловали в любое время, и завсегдатаи могли являться без приглашений. Но, как люди воспитанные, они каждый раз осведомлялись у хозяев об удобном для них времени приема.

Каждую входившую пару встречала всегда улыбающаяся Виолета Константиновна. В свои сорок она очень хотела выглядеть на восемнадцать. Этим все и объяснялось: еженедельная смена цвета волос и причесок, бесконечно глубокие разрезы и декольте, всевозможные прозрачные воздушные накидки и экстравагантные турецкие юбки-шаровары. Сначала это немного шокировало, а потом к ней стали относиться как к еще одному из диковинных украшений огромного дома, вроде екатерининского кресла или старого бухарского ковра. Эпатировать публику нарядами Виолете Константиновне сам бог велел – она содержала модный и дорогой салон-ателье тканей, ввозимых из Парижа. В «Maggi» работало два десятка белошвеек, и к сердцу каждой успевал подобрать ключик супруг графини – Аристарх Илларионович. Жена знала об этих связях и прощала. Да и граф частенько отпускал ее одну на Воды.

Всегда в хорошем настроении, небольшого росточка, пузыреобразный, с бегающими туда-сюда глазками, граф Высотский имел не очень приятную привычку при разговоре с дамами делать губы бантиком, умиленно заглядывать в глаза и причмокивать при этом. Но и к нему привыкли и перестали удивляться и обращать внимание. В конце концов, эти господа могли позволить себе жить как им хочется и оплачивать не только свои потребности, но и многочисленные прихоти. Многие из гостей не были настолько платежеспособны, как хозяйка особняка, а потому с некоторой завистью смотрели на нескончаемые праздники богатой семьи.

Вокруг бильярдного стола царило оживление. На зеленом сукне сражались присяжный поверенный Ардашев и полицмейстер. Обе сыгранные партии закончились для Фен-Раевского плачевно, и две бумажные купюры достоинством в десять рублей каждая, одна за другой, уже тихо перекечевали из портмоне полицейского в кожаный бумажник адвоката. Шла заключительная третья партия. Клим Пантелеевич не спеша готовился к удару: тщательно мелил кожаную пробку кия и, вращая его левой рукой, ловко наносил мелом спиралеобразную ленту по всей его круглой поверхности.

– Восьмым десятку налево в угол, – заказал Ардашев и молниеносным ударом вогнал шар в лузу.

– Всегда восхищаюсь вашей игрой, уважаемый Клим Пантелеевич. Как вам удастся так виртуозно владеть этим благородным искусством? Шары у вас будто прирученные.

– Папашу¹ четверкой от борта на себя в середину, – пропуская мимо ушей хвалебные речи, объявил удар адвокат.

– Ну, это уж слишком, такие «чужаки» из области фантастики, – тихо возмущался отстающий по очкам Фен-Раевский, но шар снова послушно «забежал» в середину.

– Ну, вот и партия. Спасибо за игру. – Победитель пожал руку сопернику, который, огорченно вздохнув, расстался еще с одной красной купюрой.

– Да, сегодня не мой день. Вот и вам проиграл... Последнее время одни неприятности то и дело сыпятся на мою голову... Не везет... К застреленным французам добавился еще и задушенный коммерсант. А столичное начальство все торопит, все шлет бесконечные телеграммы и спрашивает, когда же мы наконец эту бандитскую шайку поймаем, – сокрушался начальник полиции.

– Позвольте, не понял, о чем вы?

¹ Папаша (жарг.) – шар № 15.

– Да я про поезд, что к нам с трупами пришел. Вам доверяюсь, как порядочному человеку и, можно сказать, коллеге. А что, если те двое грабителей, совершившие налет, действовали по чьей-то указке? И где гарантия, что этот человек сейчас с нами чаи да кофеи не распивает? – полушепотом, доверительно сообщил Ардашеву свои опасения полицмейстер.

– Не исключено, конечно. Я читал об этом происшествии и обратил внимание на то, что иностранцев застрелили из маузеров, так ли это? – как бы между делом поинтересовался Клим Пантелеевич, открывая коробочку монпансье.

– Именно так и есть. Оружие новое, в Россию не поставлялось. Откуда оно у грабителей? Ума не приложу... Одни загадки... И хоть этим делом занимается Фаворский, все равно с меня спросят. А убийство Жиха? Тоже ведь много непонятного, прямо чертовщина какая-то... Среда бела дня... то ли петлю накинули, то ли веревку, – развел в недоумении руками Ипполит Константинович.

– В данном случае, Ипполит Константинович, я думаю, смогу вам немного помочь, – с этими словами адвокат достал из внутреннего кармана запечатанный бумажный конверт и передал его Фен-Раевскому. – Это гаррота, или удавка по-нашему. Излюбленный способ казни в Испании. Там жертву, приговоренную к смерти, умерщвляли с помощью накрученной на палку веревки. Теперь в этой стране петля трансформировалась в металлический обруч, который приводится в движение винтом с расположенным сзади рычагом. Перед казнью осужденного привязывают к стулу и надевают на голову мешок. Как ни парадоксально, но испанский способ казни значительно гуманнее (если это слово здесь вообще приемлемо), нежели наша русская виселица, от которой страдания дольше. Но вернемся к убийству на Николаевском: для того чтобы избавиться от орудия убийства, преступник засунул его в куст барбариса, растущий рядом с лавочкой. Могу сказать, что злоумышленник очень торопился расправиться со своей жертвой и поэтому не подготовился как следует. Роль удавки выполнила обычная фортепьянная струна. На ее концах отсутствуют ручки, облегчающие сам процесс затягивания, или хотя бы петли для пальцев. Я случайно проходил мимо и обнаружил эту находку, но уже после того, как место преступления осмотрели полицейские, – закончил объяснять адвокат.

Полицейстер от изумления не мог вымолвить ни слова, беспрестанно хлопая себя руками по бедрам, чем напоминал ожиревшую домашнюю птицу, собирающуюся вспорхнуть.

– Ну, Клим Пантелеевич, дорогой мой, спасибо. А Поляничко у меня по первое число получит. Только ведь с учебы вернулся из столицы. Собрали всех начальников сыскных отделений России, оказалось, этих бездельников у нас аж восемьдесят девять. Месяц стажировался. Гулял небось за казенный счет. Учить мне их не переучить. Всем же свои мозги не вставишь! А работать надо. Ничего не попишешь, – извинялся за промашку подопечных недавний соперник по игре. – Вы бы, Клим Пантелеевич, к нам на службу. А? Милости просим! Да только знаю, откажетесь, – разочарованно махнул рукой государственный чин и направился в курительную комнату.

У Высотских, надо признать, собирался весь цвет ставропольского общества. Люди были преинтереснейшие. Взять хотя бы Вениамина Яковлевича Доршта. Блондин, роста среднего, с аккуратными, но рыжими усами в форме бабочки, от спокойной и размеренной жизни успевший к тридцати пяти годам значительно располнеть. Отец троих детей нигде не служил и конторы своей не имел. Вениамин Яковлевич занимался финансовыми консультациями, которые давал у себя дома. Принимал не всех, а только по рекомендациям.

Как родным, он владел немецким, французским и английским языками и еще на трех мог свободно читать. Корреспонденцию ему доставляли в почтовой карете, по причине того, что в сумке почтальона столько газет и журналов со всего света уместиться не могло. Постоянное чтение привело к близорукости, и без очков он напоминал только что проснувшегося слепого крота.

Доршт никогда не спрашивал проходящих к нему за советами людей о природе появления денежных сумм, что предполагались к вложению в ценные бумаги. Это его не касалось. Главное было объяснить посетителю степень риска и спрогнозировать доходность по процентам на строго определенный отрезок времени. А дальше, извините – новая консультация и новый гонорар. Прогнозы его, надо признать, почти всегда сбывались. Если он и ошибался, то только в лучшую сторону. За свои советы Вениамин Яковлевич брал обычно один процент от планируемых инвестиций и всегда покупал на эти деньги те же процентные бумаги, что и его клиент, тем самым показывая пример. Такой ход очень импонировал его визитерам.

Была у финансиста одна страсть – драгоценные камни. Блики маленьких, разных по оттенку удивительных творений природы он мог разглядывать часами. Увлеченный ювелирным искусством, Доршт посещал все без исключения заезжие выставки камней, но скупал только самые интересные экземпляры. Больше всего ему нравилось постигать тайны исполнения тонких филигранных золотых напаяк и обрамлений. Ювелир-любитель сам придумывал форму будущего украшения, делал наброски на бумаге и создавал эскиз. Творил художник ночью.

А утром, с красными, но счастливыми глазами, он звал жену взглянуть на еще не готовый полуфабрикат, в котором угадывались черты будущего творения.

Свои, прямо скажем, необычные шедевры обрусевший потомок тевтонских рыцарей раздаривал друзьям или знакомым, но никогда не продавал.

В гостях Вениамин Яковлевич все вечера просиживал за карточным столом, выигрывал часто и небольшими суммами. На язык Доршт был чрезвычайно остер, что веселило приглашенных персон, хотя некоторые шуточки имели очень обидный оттенок для тех, кому предназначались.

В комнате царила несколько напряженная обстановка. Было видно, что все внимание приковано к полицмейстеру. Этот вечер только и говорили о происшествии на Николаевском. Покойный сам был частым посетителем журфиксов, и многие его хорошо знали.

– И все же, господа, Соломона Моисеевича убили неспроста. Тут дело серьезное, – сдавая карты для преферанса, проронил начальник почтовой службы.

– Что вы хотите этим сказать, Константин Виленович? – напрягся Фен-Раевский, перестав тасовать вторую колоду на новую игру.

– Да слышал я, что господин Пейхович собирался купить его аптеки, но он наотрез отказался их продавать. «Не вижу, – говорит, – смысла терять это дело. Выручка только наладилась». К тому же Жих получил права на поставки медикаментов в драгунский полк. Он и в Кисловодске собирался новую аптеку открыть. – Сдавая карты, почтмейстер искоса поглядывал на просвечивающуюся сквозь легкий шифон, еще не утратившую соблазнительность фигуру хозяйки дома.

– Рано или поздно он все равно купит аптеки Жиха. Это вопрос времени. За ним стоят миллионы Варшавского банка «Польский кредитный дом». Управляющий – брат Якова Ароновича откроет ему любой кредит, – показывал свою осведомленность начальник акцизного управления Гайваронский.

– И откуда у вас такая подробная информация, Аполлинарий Матвеевич? – удивился полицмейстер.

– Прошлым летом мы гостили у родственников в Варшаве и нас пригласили на торжество, посвященное юбилею местного генерал-губернатора. Вот там мы и познакомимся с Иосифом Абрамовичем, который поведал нам, что его брат собирается в Ставрополь.

– Пики, господа, – начал торговаться Клим Пантелеевич.

– Трефы, – парировал Гайваронский. – Клара Сергеевна оказалась владелицей огромного состояния: аптеки, ювелирный салон с мастерскими, ломбарды. Ходят слухи – она без ума от поручика Васильчикова, и теперь, после смерти мужа, ничто не сможет помешать вдове обрести свое счастье.

– Да, наверное... – проронил полицмейстер, задумался и после неловкой, слишком затянувшейся паузы продолжил: – Так вот... вы сказали о счастье... А кто знает, что это такое? Проходит время, и оказывается, что ты уже был счастлив, когда твои родители были живы, а маленькие дети бегали босыми ногами по мокрой от росы траве, радуясь теплоте весеннему солнцу. Рядом с тобой каждое утро просыпалась молодая и красивая жена, но ты не обращал на это никакого внимания, а все бежал вперед, пытаешься получить следующий чин или заработать еще одну тысячу. А через много лет, когда в небытие ушли старики и выросли дети, состарилась и потускнела жена, ты оглянулся и понял, что именно тогда, в прошлом, лет двадцать назад, счастье находилось рядом с тобой, но оставалось незамеченным и тихо покинуло твой дом. А потому, господа, счастье – это когда нет несчастья, – философски заключил Фен-Раевский. – Бубны играем.

– Держу бубны. – Желая возвысить игру, Ардашев продолжал сохранять непроницаемый вид. Он умел самым незаметным образом прятать в душе движения, выражающие радость при выигрыше и скуку при невезении. «Фортуна – дама капризная, – часто говаривал он за карточным

столом, – и не особенно любит видеть неумную радость от тех благодеяний, которыми она неожиданно одаривает нас, и горе ждет того, кто пьянеет от внезапной удачи».

Преферанс продолжался. Только Доршт сегодня не играл. Обрусевший немец слушал в музыкальном салоне граммофон, рассеянно и невпопад отвечая на вопросы о том, какие векселя в ближайшее время поднимутся в цене.

8

Тяжелое похмелье

В квартире поручика драгунского полка Васильчикова Бронислава по батюшке Арнольдовича царил беспорядок, типичный для холостяцкой берлоги.

Сам хозяин в одном сапоге и белом исподнем спал сном невинного младенца, свесив голову с кушетки вниз. Солнечный луч бил прямо в глаза, отчего Броня жмурился и шевелил усами. Длинная пьяная слюна свисала перпендикулярно поверхности пола. Разбросанная по прокуренной квартире пустая винная и коньячная тара говорила о том, что гостей было много. Присутствие некоторых деталей женского туалета: одинокой резинки от чулка, корсета, забытого какой-то уж очень рассеянной или сильно нетрезвой дамой, явно свидетельствовало о том, что как минимум в невинную гимназическую бутылочку здесь уж точно играли. В это можно было бы поверить, если бы не отъезжавший от Брониного дома под утро кортеж из двух карет, набитый под завязку бравыми офицерами и стайкой милашек Фатимы.

Именно такую картину недавнего разврата открыла милой Кларочке скрипучая незапертая дверь. От обиды хотелось кричать, а от жалости к себе плакать. Пьяное чудовище, на которое потрачено столько драгоценной женской нежности и пламенной любви, безмятежно храпело, не чувствуя вины. Квартира узнавалась с трудом. Недавно купленное розовое покрывало было испохаблено и залито красным вином, а ее любимое одеяло служило кому-то подстилкой под столом. В другом углу комнаты беспорядочно валялись недавно купленные подушки из лебяжьего пуха.

– Подлец, негодяй, предатель! – захлебываясь слезами, рыдала красивая молодая женщина, одновременно не переставая методично хлестать любовника по щекам.

Первым на четверть приоткрылся правый глаз. Через секунду он снова закрылся, будучи уверенным, что все это сон. То же произошло и с левым. Постепенно реальность отвоевывала все больше пространства, и воспаленный алкоголем мозг офицера медленно начинал работать. Оглядевшись, Броня стал цеплять, прежде всего, почему-то шашку. Затем, видимо окончательно прозрев, стал надевать мундир. Башка трещала, в мозгах карамболило, доносящийся с улицы стук деревянного молотка жестянщика артиллерийской канонадой отдавался в ушах.

– Соломона вчера убили, прямо среди бела дня. Тело сейчас в морге. Я теперь не знаю, что делать и как дальше жить. А ты пьянствуешь да с потаскушками всякими спишь! Как я тебя ненавижу! – присев на краешек большого кожаного чемодана, навзрыд голосила вдова.

– Да, я выпил – отрицать не буду. А что до этих мамзелей, то я ни-ни... – с трудом шевеля пересохшими губами, пролепетал любовник. – Даже пальцем ни одну не трогал, а не то чтобы... Я только тебя... люблю. Это друзья веселились. У корнета Аверьянова мальчишник. На днях венчается, а чтобы не смущать его родственников, решили собраться у меня. Как тут откажешь? А кого, ты говоришь, убили? Соломона? – наморщив лоб, спросил Васильчиков.

– Да. Законного моего мужа. Слышал, распутник? – всхлипывая, поясняла Клара.

– Так, стало быть, конец мезальянсу и ты теперь свободная женщина? – отыскивая глазами недопитое вино, спросил измученный жаждой офицер.

– Я – да, а вот ты – не знаю. Все говорят, что это ты его... Люди думают, что из-за меня, – с некоторой долей гордости выговорила Клара. При этих словах шампанское, которое жадно пил поручик прямо из горлышка, потекло мимо рта. Отбросив в сторону бутылку «Вдовы Клико», возмущенный последними словами Бронислав проронил:

– Нет, я все понимаю. Сначала ты назвала меня негодяем – возможно. Потом пьяницей – ладно. Дальше сказала, что я изменяю тебе – это уже циничный и неприкрытый навет, а закончила тем, что я, боевой офицер, убил... убил твоего рогатого Соломона! – Как раз во время произнесения этих последних слов и распахнулась дверь, и на пороге появились два нижних полицейских чина во главе с приставом 1-й части Арефьевым.

– Ну, вот и сознались, мил человек. Еще покаешься да помолишься, глядишь, совсем душу очистишь, а тело твое грязное, ты уж не переживай, каторга отстирает. Собирайся... Ах, а тут еще и дамочка! И что же это вы здесь забыли? Вам бы надобно у смертного одра слезы лить да с покойным супругником прощаться, – расправляя усы, стыдил новоиспеченную вдову пристав.

– Ты посмотри, Кларочка, как этот сатрап и душитель свободы разговаривает с боевым офицером! Арестовывать меня пришли? А известно ли вам, господа, что посадить под арест меня можно только в присутствии моего полкового начальства? – поправляя ремень, с достоинством пытался защищаться поручик.

– Ваше начальство мы известим, то не вашего беспокойства дело. А сейчас советую вам не препираться более, а проследовать с нами и ответить на вопросы. А здесь будет проведен обыск. Бумаги имеются. Вот извольте взглянуть. – Полицейский протянул лист с печатью и писарским каллиграфическим почерком.

– Ну, если и документы подготовили, то ищите. Да, господа, одна просьба – только соблюдайте в квартире чистоту и порядок. А то потом перед горничной неудобно будет-с. Все-таки оставил чистую квартиру, а после обыска, говорят, такой кавардак бывает! – закуривая папиросу, иронизировал офицер.

Прикрывая заплаканное лицо рукой, женщина, словно ошпаренная крутым кипятком кошка, стремительно выскочила из квартиры и, стуча каблуками по деревянной лестнице, выбежала на улицу. Разминувшись с ней, в дом вошел Поляничко и начал проводить обыск.

По прошествии получаса Васильчиков, уже без ремня и шашки, сидел в кабинете начальника полиции, безучастно рассматривая висевший на стене портрет Столыпина.

В присутствии полицмейстера допрос вел старший судебный следователь, опытный Глеб Парамонович Кошкидько.

– Ну-с, любезнейший, можем ли мы расценивать ваши слова, а именно: «я убил твоего рогатого Соломона» – как чистосердечное признание вашей вины в предумышленном смертоубийстве Жиха Соломона Моисеевича? – начал допрос следователь.

– Я приставу еще в карете русским языком пояснил, что я имел в виду. Согласиться могу лишь частично, а именно в том, что Соломон был рогатым, – ехидно заметил поручик.

– Бронислав Арнольдович, желаю спросить вас форменно о вашем точном местонахождении между семью и семью тридцатью вечера прошлого дня.

– Был там же, где и между девятью, десятью, двенадцатью, часом и тремя... У себя дома.

– Кто может это подтвердить? – въедливо допытывался Глеб Парамонович.

– Так... дай бог памяти... значит... между пятью и десятью только Вероника, а ближе к утру Жозетта, пардон, вместе с Вероникой. Все девочки работают у Фатимы, – отвечал поручик с наигранно серьезным видом.

Следователь вначале старательно записывал имена, но потом поймал на себе неодобрительный взгляд полицейского начальника и остановился.

– Если я вас правильно понял, с пяти вечера вчерашнего дня и до нашего прихода вы находились в своей квартире и не покидали ее? – не унимался Кошкидько.

– Нет, выходил, как же.

– И куда же, позвольте заметить, и сколько раз?

– Пару-тройку, не больше... Видите ли, господа, в доме, где я живу, пока еще отсутствует такое завоевание прогресса, как ватерклозет, и поэтому я вынужден пользоваться простым уличным сортиром, – нагло хохотнул Васильчиков.

Терпение у молчавшего до поры начальника полиции лопнуло. Подскочив с кресла, он вплотную подошел к задержанному и, наклонившись, выговорил ему прямо в лицо:

– Я бы посоветовал вам, господин поручик, вести себя так, как подобает офицеру драгунского полка, а не кривляться, как избалованная цирковая обезьянка! Перед вами не гимназисты, а государственные служащие... Должен также уведомить вас, что вы подозреваетесь в учинении

предумышленного смертоубийства, и я, пользуясь данной мне властью, постановляю: арестовать вас до выяснения всех обстоятельств дела и проверки вашего алиби.

Сказанное ровным счетом не произвело на Броню никакого впечатления, и он спокойно проговорил:

– Вас, милостивый государь, за такие неумелые аллегории следовало бы безотлагательно вызвать на дуэль. Однако же в данный момент в силу определенных причин я этого сделать не могу. И потому попрошу вас выбирать выражения.

Отвернувшись к окну и заложив руки за спину, Фен-Раевский молчал.

– Какие напоследок будут у вас пожелания? – следуя установленным правилам, сухо осведомился Глеб Парамонович.

– Кофе с шартрезом и сигару, будьте любезны, – съязвил поручик.

– Охрана, препроводите арестованного в тюремный замок, – распорядился полицмейстер.

Офицер встал, демонстративно заложил руки за спину и, насвистывая мелодию популярного ставропольского композитора Василия Беневского «Плещут холодные волны», сопровождаемый конвоем, покинул кабинет.

Почти следом явился Ефим Андреевич Поляничко с докладом о проведенном обыске в доме № 5 по Европейскому переулку. В списке найденных вещей на квартире господина Бронислава Арнольдовича Васильчикова, находящегося в чине поручика драгунского полка, числились: бутылки винные и коньячные пустые, числом 19 штук, разрозненные предметы женского туалета, календарь-ежегодник частью с вырванными листами за прошлый 1906 год, игральные карты с изображением обнаженных дам, журналы с картинками непристойного содержания: «Тайны жизни» и «Всемирный юмор», а также исполненная на заказ глиняная фигурка нагло улыбающегося толстопузого кота далеко не пуританского вида, на причинном месте которого красовалась надпись: «Бронька – кот бесстыжий!» Протокол заканчивался словами: «запрещенных к обороту предметов не найдено и не изъято».

9

Под высочайшим надзором

К утру известие о гибели аптечного магната и ростовщика облетело стотысячный город. Такого здесь не помнили давно. В губернском центре, случалось, убивали. Главным образом это происходило в пьяной драке или из-за ревности – горячими выходцами с Кавказских гор. Намеренное, хладнокровное и расчетливое душегубство среди бела дня являло собой вызов тихому патриархальному укладу южной провинции России. Неслыханная жестокость и дерзость возмутила православный город двух монастырей и семнадцати церквей. Народ негодовал.

Недавно назначенный государем императором губернатор Петр Францевич Рейнбот до сих пор чувствовал себя не на своем месте главным образом оттого, что его постоянно сравнивали с предшественником, правившим хлебным краем целых семнадцать лет, которого помнили и до сих пор любили. Личностью покойный генерал-губернатор был незаурядной. Человек-скала. Город и вся губерния расцвели при нем, как роза в благородном вине. Тишь да гладь, да божья благодать. Спасибо ему большое и мир праху его.

Только благополучие это было показушным, а на самом деле проблем покойник после себя оставил предостаточно. Взять хотя бы улицы и дороги. Весной и осенью чуть ли не в самом центре грязь да темень, а про Ташлу и Форштадт вообще говорить нечего. Городские трущобы. А трактиров, домов питейных, штофных, подвальчиков, закусовых да обжорок понаоткрывал столько, что скоро монахини и гимназистки к бражничеству пристрастятся. А запретить – только попробуй! Раскричатся: «Мы акцизы исправно платим, закон не нарушаем!» Вот и закрой теперь.

Об уездных больницах да школах лучше и не вспоминать. Поэтому-то и приходилось вставать чуть свет и засиживаться за полночь, когда тушили электрические фонари на проспекте. Ко всем проблемам не хватало только участвовавших ограблений почтовых карет и прибывшего почти

неделю назад вагона с двумя трупами французских подданных. А тут еще и вчерашнее циничное убийство.

Губернатор тронул колокольчик. За дверью правитель канцелярии молча кивнул в сторону полицмейстера. Дверь бесшумно отворилась, и полицейский начальник, достав из бювара какие-то бумажки и надев пенсне, путаясь от волнения в строчках, тихим, неуверенным голосом начал зачитывать доклад о происшествиях, случившихся в губернии за последние сутки. Но тут же был остановлен:

– Мне, уважаемый господин полицмейстер, арапа заправлять не надо. Всякие там свои мелкие кражи скота да птицы оставьте себе. У губернатора под окнами людей среди бела дня убивают, а вы мне околесицу всякую несете! Сегодня мне лично звонил сам председатель Совета министров и очень интересовался успехами по расследованию налета на поезд! Каждую неделю обязал меня сообщать о положении дел. «Что-то, – говорит, – много у вас последнее время громких преступлений совершается. На всю Россию прогремела Ставропольская губерния». А мне ему ответить нечего! И это по причине вашей нерасторопности, господин коллежский советник! Что имеете доложить по основным происшествиям? – нервно постукивая обратной стороной карандаша по полированной поверхности стола, продолжал разнос Рейнбот.

– Ваше превосходительство, считаю, что нападение на почтовых курьеров и убийство в международном вагоне совершено одними и теми же лицами. Поскольку делом о налете на поезд занимается жандармское отделение, им же было бы целесообразно передать и дела по расследованию грабежей фельдъегерских карет и соответственно...

– А может, заодно передать Фаворскому и вашу должность? – перебил полицейского Рейнбот. – Значит, так: моим сегодняшним распоряжением будет создана комиссия по расследованию вооруженных грабежей и убийств как почтовых служащих, так и этих двух иностранцев. Саму комиссию возглавлю я, но отвечать за результат всего следствия будете лично вы, а уж потом Фаворский. Кого еще, кроме меня, вас и начальника жандармского отделения, считаете необходимым включить в ее состав?

– Начальника сыскной полиции Поляничко, его помощника Каширина, а также судебного следователя Фельденкрейца, так как он непосредственно ведет следствие по разбойному нападению на поезд.

– Ладно, с этим разобрались. Ну а теперь докладывайте по вчерашнему происшествию, – нахмутив брови, ледяным голосом выговорил губернатор.

– Преступление, можно сказать, раскрыто, подозреваемый задержан и препровожден в тюремный замок. Все силы сыскной полиции брошены на выявление улик, и в скором времени буду иметь честь доложить вашему превосходительству об окончании следствия. Со вчерашнего дня весь наличный состав управления на ногах, – дрожащим, вкрадчивым голосом тараторил, в страхе быть прерванным, Ипполит Константинович.

– Кто он?

– Поручик 15-го драгунского Переяславского императора Александра III полка – Бронислав Арнольдovich Васильчиков. Воевал с японцами. Из-за дуэли был понижен в звании. Замечен в любовной связи с женой покойного. Проверяем алиби. В убийстве пока не сознался, но характеризуется плохо: дебошир, бретер и пьяница. Службой манкирует, – сыпал модными французскими словами старый полицант.

– А какими еще свидетельствами его виновности вы располагаете? – слегка прищурился правый глаз, осведомился Петр Францевич, явно подготавливая собеседнику ловушку.

– Других подтверждений пока не имеем, но в скором времени, я надеюсь, что смогу... – лепетал, втянув голову в плечи, полицейский начальник.

– Послушайте! Вы арестовываете боевого офицера драгунского императорского полка без каких-либо серьезных доказательств. Да как вы смеете так бездарно вести расследование! Я даю вам на окончание всех ваших полицейских штучек десять дней. И если по истечении названного срока преступление не будет раскрыто, сошлю вас исправником в самый глухой уезд. Не извольте сомневаться, любезный Ипполит Константинович, мое слово, сами знаете, что банковский вексель, – сказал, как отрезал, губернатор.

– Разрешите исполнять? – лепетал синий от страха коллежский советник.

– Ступайте. За вас эту работу никто не сделает.

Полицмейстер робко попятился задом и неслышно растворился в дверном проеме.

До самого Полицейского переулка он ступал на ватных ногах, ничего не замечая вокруг. С затуманенным взором вошел в кабинет и тихо сел в любимое, выдавшее виды кресло. Рванул шитый золотыми позументами ворот, налил из высокого хрустального графина любимой водицы и залпом выпил два стакана. И только после этого успокоился и приказал вызвать начальника сысского отдела.

Поляничко не заставил себя долго ждать. Из его доклада следовало, что пока больших прояснений в деле нет.

Начальник полиции выдвинул верхний ящик письменного стола и достал переданный ему присяжным поверенным конверт:

– Соблаговолите принять, глубокоуважаемый начальник сысского отделения, – с заметной долей ехидства выговорил полицмейстер. – Мне струну эту адвокат Ардашев подарил. Он один нашел, а весь сысской отдел – нет. Умеете работать! Молодцы! – И, тяжело вздохнув, махнул рукой. – Да ладно, чего уж там! Был у губернатора. Вы, я и Каширин включены в состав комиссии по расследованию нападений на почтовые экипажи и поезд. Дело об убийстве двух иностранцев находится под личным контролем Петра Аркадьевича Столыпина. Губернатор обязал докладывать каждую неделю. Но это еще не все: его превосходительство дал десять суток на поимку преступника, убившего Жиха. Не уложимся – каюк.

Ипполит Константинович устало поднялся из-за стола, подошел к шкафу, открыл крохотным ключиком деревянную дверцу, достал бутылку хорошего греческого коньяку, наполнил две небольшие рюмки и, глядя в окно, проронил:

– Выпьем за упокой души раба божьего, Соломона Моисеевича. Да поможет нам господь найти убийц его. – И маленькими глотками с удовольствием выпил терпкий напиток.

– Земля ему пухом, – почти прошептал Поляничко и разом опрокинул содержимое.

– Эх, Ефим Андреевич, разве ж так пьют коньяк. Сколько ни учу вас, а вы все по старому, покупчески... Ну да ладно, как нравится, так и пейте... Я вот что думаю: на всякий случай надо проверить вероятность того, что душегубство это сделано в интересах кого-то другого и, понятное дело, за деньги, – засунув руки в карманы и качнувшись с носков на пятки, глядя в полукруглое окно, задумчиво проговорил начальник. – Помните дело Марии Фоминой? По судебному разбирательству она проходила со своим любовником и в минувшем году получила семь лет каторжных работ. Вот этот тайный ее сожитель и уговорил пришлого батрака зарезать «ейного» законного мужа за пять червонцев.

– Там-то понятно, баба была замешана. Сама убить не смогла, вот и попросила. А здесь, если только мы не говорим о молодой жене покойного, а подозреваем еще чей-то интерес, зачем же постороннего человека в такие темные дела вмешивать? – недоумевал Ефим Андреевич.

– А затем, чтобы алиби у вас было. Вот представьте, третьего дня вы с молочником на рынке повздорили, а сегодня вам пулю в затылок всадили. Причем заметьте, стрелял не молочник, он как раз в это время на базаре торговал. У него алиби железное. А убийца ваш, прости меня господи, лишь исполнитель чужой воли. А смерть вашу, как вальдшнепов в красном вине, заказали. Что? Страшно? – хлопнув подчиненного по плечу, грустно улыбнулся Фен-Раевский.

– До чего же люди дойдут, если они смерть, как ужин в ресторациях, заказывать будут? И деньги за это получать? Как же потом к Господу обращаться? Ведь он отвергнет, и тогда проклятье перейдет на детей и внуков твоих. Грех этот не смываемый, – как истинный православный, возмущался Поляничко.

– Дай-то бог, мы с вами до того времени не доживем, когда русский русского убивать будет. Да и не может такое время никогда наступить! Слава богу, мы не дикие североамериканские переселенцы. Государству нашему Российскому, почитай, уже тысяча лет! Да и царь-батюшка поставил нас с вами здесь для того, чтобы выродки всякие нашим горожанам жизнь не портили. А если говорить по делу, то надо бы проверить должников и кредиторов покойного коммерсанта. В этом деле мотив важен. Узнайте, кому он дорогу перешел. Глядишь, ниточка и потянется. Да и о поручике забывать не следует. Настойчиво попрошу вас, Ефим Андреевич, докладывайте, пожалуйста, мне каждый день, не стесняйтесь, – деловито закончил беседу начальник.

– Не сомневайтесь, извещать буду ежедневно! Разрешите идти?

Получив согласие, безгранично преданный Поляничко тихо и аккуратно, как бы извиняясь за неприятности, упавшие на голову его начальника, закрыл обе двери.

С недавнего времени после такого рода философских рассуждений о будущем великой и уже неизлечимо больной империи делалось грустно. К старости, а шел ему уже пятьдесят восьмой год, Ипполит Константинович становился все более сентиментален. Он как никто другой знал истинное положение дел на южной окраине империи. Ему, как консерватору, воспитанному в старых православных традициях, претили многие модные новшества, а особенно изобретение братьев Люмьер.

Огромные афиши сообщали ошарашенным обывателям об остросюжетных фильмах: «Путешествие на Луну», «В джунглях Южной Америки», «Убийство герцога Ризе», «Ночь возмездия», «Запоздалая смерть».

Смиренный и богобоязненный крестьянин, распродав товар на городском рынке, покупал билет на фильм и целый час спокойно наблюдал, как на экране происходили коварные злодеяния, предательские измены и жестокие убийства. С помощью кино самый страшный человеческий грех казался чем-то обыденным и в некоторых случаях мог быть даже оправдан. Так постепенно рушилась воспитанная веками русская православная мораль.

«Картины демонстрируются под аккомпанемент пианино, – сообщалось в афишных рекламках. – Ложа – 3 руб., бельэтаж – 75 коп., стулья – 10 коп.» Местный синемаграф «Биоскоп» подсчитывал сумасшедшую по тем временам выручку.

10

На нарах

Старший следователь Глеб Парамонович Кошкидько готовился к допросу поручика Васильчикова. Перво-наперво надо было вызвать «капарника». Так на языке арестантов звался тот, кто «капает» властям об остальных сидельцах. В шестнадцатой камере таковым был недавно задержанный за кражу выручки из кассы заезжего московского антрепренера театральный парикмахер Задрыгин.

Оказавшись среди разного людского сброда, Тарас Авдотьевич быстро уразумел, что в арестантском мире, где человек человеку волк, где веры никому нет, он сможет выжить только в одном случае – если станет доносчиком и автоматически попадет под защиту тюремного начальства. Конечно же, он понимал, что рано или поздно о нем могут узнать, и тогда... накинутый на голову тюремный халат, бесконечное количество ударов от сокамерников, отбитые почки, поломанные ребра, кровь ртом, несколько дней в тюремном лазарете и безымянная могила, на которую, по обычаю, плюнет каждый из копавших ее острожников.

Но всякий надеется, что это может произойти с кем угодно, но только не с ним, потому что о нем следователь никогда не проболтается, потому что его уж точно выпустят раньше срока и о его постыдном поведении никто не узнает. Вся грязь останется там – в сырой опостылевшей темнице, а воля примет его в свои объятия уже как нового, чистого и порядочного человека. Да только так не бывает. Став негодяем однажды, им остаются на всю жизнь. На груди у такого существа можно было бы повесить табличку: «Здесь когда-то жил порядочный человек».

Вот таковым и был доставленный охраной для допроса арестант – сорокалетний коротышка, с залысынами и бакенбардами, обладатель носа-картошки, губастый толстяк Тарас Задрыгин. Любой мрачный меланхолик умер бы со смеху при виде этой нескладной и удивительно нелепой фигуры. Конвойный удалился, оставив его наедине со следователем.

Бывший театральный парикмахер сел на кончик стула, конфузливо достал белую тряпицу, исполняющую роль носового платка, натужно прокашлялся и с готовностью заглянул в глаза полицейскому чиновнику. Было заметно, что на допрос Тарас пришел с видимым удовольствием. На лице читалось выражение: «готовый к услугам».

– Как поживаете, Тарас Авдотьевич? – с притворной заботой поинтересовался следователь.

– Знамо дело, плохо. Второго дня посылку от жены принесли, так эти аспиды все забрали, даже фантики от конфет растащили на всякие поделки. А Иван, главный вор, принудил «барыню» попервоначалу станцевать. Я сплясал, а что толку. Так несолоно хлебавши и остался, – горько вздохнул парикмахер.

– А как там сиделец новый-то поживает? Ну, этот, Васильчиков?

– Оно мне надо – мозоли на глаза набивать? – отвернувшись в сторону и потирая когда-то бывший сменным воротничок, с нарочитым безразличием произнес арестант.

– На вот, возьми. – Кошкидько протянул Задрыгину шоколадку.

– На милости покорнейше благодарим! Фабрика «Эйнем»! Любимая сладость знаменитой актрисы Шопенбах! – Быстро запихнув в себя лакомство, Тарас, смакуя, поочередно облизал каждый палец. От этой картины следователя едва не стошнило. – А Васильчиков этот, скажу я вам, скипидаристый мужик оказался! К нему Иван третьего дня вольтыжника, забияку по-ихнему, подослал. Тот и говорит: «Дай, офицерик, сапожки примерить. А то боюсь, что китель в плечах мал да рубаха великовата будет». Так этот «гусарик» и задал ему феферу: с нар слез, задиру обеими руками обхватил, заревел наподобие раненого льва мадагаскарского, к потолку его поднял и аккуратно в парашу вниз головой вставил. Тот только ногами вензеля выделявал. А потом развернулся и говорит вору: «Что ж, уважаемый каторжанин, если тебе мое обмундирование приглянулось, давай партию в штосс сыграем. Проиграю – амуниция по частям твоя, а повезет – вы этого вольтыжника мне тоже частями на растерзание отдадите». Камера напряглась, тишина стоит – слышно, как мухи летают. А Ивану-то что, не свое проигрывать, а надоевшего всем Петьку с Форштадта. «Ладно, – говорит, – присаживайся, бросим карты». Иван колоду достал и давай туда-сюда фертикулясы всякие выкидывать: и так и этак тасует. Вот, дескать, какой я фокусник. Вояка молчит да спокойненько своей растасовочкой занимается. Понтер, то есть Иван, ставку сделал – уши Петькины на карту поставил. А служивый начальным кушем объявил свой китель. Жулик колоду подрезал, а Васильчиков-то, банкомет, свою-то перевернул и сдвинул верхнюю на полкарты. Ну и, значит, вор открывает – семерка бубен, зато у офицерика – семерка пик. Вот кавалерист и выиграл. Потом снова ставки сделали. Смотрю, поручик в кураже весь и штосс мечет. Первый абцуг, второй, третий, и снова офицер выиграл. Каторжанин продул Петькины уши, нос и даже зубы. Расстроился, конечно, но не очень. Тут «гусар» ему и говорит: «Возьми от меня на память китель. Я ведь все равно здесь не надолго. А от Петькиных ушей мне все равно никакого профиту нет». А варнак в ответ: «За китель благодарствую. Но отныне и довеку тюрьма тебя окрестила «игроком». А Петька – твой вечный поддувала», – ну это лакей по-ихнему. С того дня они с Иваном с утра до вечера в карты режутся. Корешами стали. Арестанты Васильчикова уважительно кличут Арнольдичем. Свой он для них теперь. Спит у окна на соломенном матрасе и даже имеет собственный арестантский сундук. Футы-нуты – важная птица. Не то что я – за всякую вину виноват. И воруга этот заставляет меня теперь каждый день песни для них петь, – хлопая маленькими свинными глазками, обиженно жаловался заключенный.

– Какие такие песни? – удивленно вскинул брови следователь.

– А всякие, в основном арестантские. Например, вот эту. – Парикмахер подскочил, заученно вытянулся во фронт и, качая головой в разные стороны, затянул:

Идет арестант, только цепи гремят,
Закованы руки и ноги.
И грустный он взгляд в горизонт устремил,
Дышать ему трудно от боли... —

или вот можно другую, повеселей:

Прощай, Одесса!
Славный карантин!
Мы уплываем
На остров Сахалин...

Капарник старательно выбивал чечетку и колотил себя ладошками по коленям, а потом пустился вприсядку.

– Ну будет тебе, будет... Тоже мне кафешантан устроил, – недовольно махнул рукой чиновник.
– Думаете, мне, ваше благородие, петь нравится? Знали бы вы, как тяжело мне с матерыми убийцами да беглыми каторжниками в одной камере сидеть. Вы уж поспособствуйте, чтоб меня курьером при тюремной канцелярии оставили. Слышал я, место там недавно высвободилось. На днях старый посыльный преставился, – мучаясь одышкой и вытирая засаленным рукавом пот, выпрашивал бывший театральный служащий.

– Похлопочу, любезный, похлопочу. Ну да ладно. Поговорили, и будет. Ступай себе с богом. – Глеб Парамонович колокольчиком вызвал караульного, и Задрыгина увели.

Опытный и хитрый Кошкидько понимал, что при таких обстоятельствах новый допрос Васильчикова был бесполезен и даже следственному делу вреден, тем более что Поляничко ничего серьезного против поручика так и не накопал. Полнейший афронт.

11

Сообщники

Костер достаточно хорошо разгорелся. Рамазан достал из кожаного непромокаемого мешочка немного кукурузной муки, размочил в воде, раскатал на плоском камне тонкий слой теста и поближе придвинул к огню, чтобы снова почувствовать знакомый с детства вкус пресной кукурузной лепешки. Кусок вяленой баранины и ломоть соленой брынзы отлично дополняют привычный для каждого воина походный ужин, после которого можно и заснуть. Постель была почти готова. Оставалось надрезать кинжалом душистый травяной покров, скатать дерн со всего ложа, сгрести в образовавшееся углубление горячие головешки и снова накрыть их развернутой земляной «перинкой». Угли под таким «матрасом» будут тлеть до самого утра, не давая земле остыть.

Многие считали Тавлоева абреком – ярим приверженцем ислама, давшим клятву посвятить жизнь участию в набегах. Абрек никогда не жалеет врага и не прощает даже малейшей обиды ни своему брату, ни другу. Он не боится преследования русских властей и не страшится мести своих земляков. Он может быть врагом для каждого, кто не принадлежит к его семье, и, готовый напасть на первого встречного, сам рискует быть убитым в любую минуту. В аулах они самые опасные соседи, с ними всегда надо «держаться руку на кинжале» и оставаться готовым отразить их нападение. И хотя Рамазан и называл себя абреком, но понимал, что этого звания он недостоин из-за несоблюдения главной клятвы – как истинный мусульманин, воин ислама обязан сторониться всяческих увеселений и наслаждений. А до развлечений Рваный был большой охотник.

Горец подбросил в ослабевшее пламя еще пару толстых веток, чтобы огонь отпугивал ночью волков и шакалов. Закрыв глаза, он быстро уснул. Тепло приятно грело спину. Он проделал длинный путь к морю и благополучно вернулся через перевал обратно. Там, дождавшись ночи, он встретил баркас с оружием и двумя турецкими муллами. Он помог им добраться по тайным тропам на эту сторону Кавказских гор, минуя посты русской пограничной стражи, с тем чтобы проповедники ислама могли обойти каждый аул и приобщить к своей вере тех горцев, которые заблудились на пути к Аллаху и пока еще почитали Иисуса. Рамазан теперь сам покупал оружие и с большой выгодой перепродавал чеченцам, среди которых ценились в основном германские винтовки. Пистолеты ждали других покупателей. Эти странные русские называли Рваного новым для него словом «товарищ» и щедро расплачивались золотом. Товар для них приходилось доставлять в Ставрополь на городскую окраину, где после удачной сделки Рамазан и давал волю мужским слабостям.

Но для того чтобы покупать безотказные немецкие винтовки, нужно было много денег. Грабить почтовые кареты становилось все опаснее. По приказу из Ставрополя их экипажи стали вооружать револьверами, а по дорогам разъезжали казачьи патрули. Но если раньше он убивал гяуров просто так, то теперь каждое убийство приносило большие деньги.

С Михаилом они познакомились в тюрьме. Арестантов сблизил общая ненависть к империи, которая вот уже целое столетие безжалостно унижала честь маленьких, но гордых народов и, как говорил Михаил, несправедливо разделила человеческие блага среди своих подданных. Такое государство должно умереть. На смену ему придет царство труда и справедливости с железной дисциплиной. В стране не будет религии, потому что люди станут поклоняться не Богу, а возведенным в священный статус наиболее достойным старшим соратникам. Их назовут вождями и станут почитать: дети вместо закона божьего и жития святых должны будут заучивать выдуманные истории их детства, а взрослых будут награждать орденами и медалями их имени. Делить блага, судить людей за их грехи и исполнять наказание на местах будут специальные комиссии из выбранных товарищей, подчиняющиеся вышестоящим центральным комитетам. Именно такие, как он, за всех и будут решать: какие книги стоит читать, а какие – нет; чьи кинематографические фильмы можно показывать, а чьи – запретить; сколько детей должно быть в каждой семье и по каким жизненным дорогам они пойдут. Все решат они – «товарищи» Михаила по партии. Но завладеть властью можно только путем вооруженной борьбы. На первом этапе следовало уничтожать тех, кто стоял на страже интересов существующего порядка, а на втором – необходимо избавиться от той части населения, которая прямо или косвенно содействовала процветанию несправедливого буржуазного государства.

В этом маленьком и хрупком парне Рваного поражало все: ум и холодный расчет, фанатичная целеустремленность и ледяная жестокость, с которой он резал горло соотечественникам только за то, что их мундир издали напоминал полицейский.

Рамазан слышал от верных людей, что несколько лет назад во время уличных беспорядков в Москве Михаила, тогда еще безусого гимназиста старших классов, арестовали. Всю ночь пьяные жандармы в участке издевались над ним, а потом насильно переодетого в женское платье розовощекого юношу затолкнули к рецидивистам. Воры его не тронули, но наутро из камеры вышел уже другой человек.

Вторично Михаил Евсеев был арестован через год по обвинению по делу «О преступном сообществе, имевшем целью революционную пропаганду и злоумышление против Государя». При обыске у него нашли литографированную прокламацию, представляющую якобы речь Жореса под заголовком «Смерть царизму»; полулист почтовой бумаги, озаглавленный «Основной закон Российской империи (краткое содержание)», а также дневник с записями крамольных мыслей. По приговору Московского окружного суда молодой человек был сослан в Восточную Сибирь, в селение Нижняя Кара, на пять лет. Из ссылки Евсеев бежал, убив по дороге двух полицейских, и в данный момент находился в розыске. Общая опасность сблизил двух совершенно разных людей и теперь у них одна общая стезя.

В жаркий воскресный день сообщники договорились встретиться на городском ипподроме. Еще издали Рамазан приметил рядом с Михаилом человека в черных брюках и светлой рубашке. Благодаря его информации они точно знали, когда везут деньги, а когда казенные документы и почту. Недавно он сумел вовремя предупредить их о полицейской засаде. Весь день пятеро вооруженных до зубов «фараонов» бессмысленно тряслись в душной двухместной карете по ухабам и кочкам Черкасского тракта.

Все бы хорошо, но вот доля нового члена банды была слишком высокой, – ему отдавали половину добычи. Вот и опять, едва завидев Рваного, он быстро скрылся в толпе, оставив после себя легкий запах одеколона. Ох уж эти господа! Пахнут, как дешевые женщины! С каким удовольствием он бы вспорол этому упитанному поросенку брюхо! Но нельзя – он им пока нужен. Правда, его последняя наводка удачи не принесла, и ночное нападение на поезд оказалось безрезультатным... Их кто-то опередил.

Евсеев обрадовался Рамазану, и по старому кавказскому обычаю соратники трижды слегка обняли друг друга, едва касаясь щеками.

– Аллах снова пэрэсек нащи дароги, брат мой, – слабо улыбнувшись, приветствовал друга Тавлоев.

– Я тоже рад встрече. Послушай, Рамазан, завтра отсюда в Медвеженский уезд пойдет карета с двумя вооруженными охранниками. Капиталу в ней почти на пятьдесят тысяч. Теперь будем работать по новому плану. Старый способ никуда не годится. На этот раз возьмем с собой Полину. Она, как ты знаешь, мой надежный партийный товарищ. Участвовала в эксах в Тифлисе и

Екатеринодаре. Владеет браунингом, как ты кинжалом. Упаси тебя боже затевать с ней всякие шуры-муры. Пристрелит и здрасте не скажет. Я уже отослал ее в Медвежье. Она будет ждать нас на восьмидесятой версте. Там, почти у самого Преградного, дождемся казенный тарантас. Сделаем работу и вернемся обратно. В Ставрополе тоже есть два дельца. На днях одна знакомая белошвейка проболталась, что ее новый ухажер – артист из Варшавы хвастался ей, что недавно сыграл самую высокооплачиваемую роль – французского ювелира, передав кому-то драгоценных камней почти на миллион рублей. За это он получил солидную сумму денег и выпросил на память какую-то брошь в виде бабочки. Надо бы выяснить, кто и зачем его нанял. Я думаю, ты сможешь заставить его заговорить.

– Нэ сомневайся. Все сдэлаю правильно. Соловьем запает. А какоэ втароэ дэло?

– Наш друг считает, что стоит навеститься к вдове убитого на Николаевском проспекте еврея. Он говорит, что те иностранцы в поезде собирались продать драгоценности именно ему. Значит, дома полно денег и дамочка станет легкой добычей, – глядя на мчавшихся по кругу рысаков, не поворачивая головы, монотонно, почти без пауз, цедил сквозь зубы похожий на уездного лекаря молодой человек в очках.

– А она красивая? – спросил Рамазан, почесывая давно не мытое тело.

– Не девица, а мармелад. Тебе такие нравятся.

– О Аллах, ты снова слышал мои молитвы! – радостно простер руки к небу горец.

– Ладно, ладно. Потише. А то смотри, «селедки» сбегутся. Нам это ни к чему.

Мимо веселой гурьбой катилась людская беззаботная толпа. Многие приходили посмотреть на скачки целыми семьями. Для маленького города это зрелище могло сравниться лишь с цирком, что осенью разбивал свои брезентовые шатры на Ярмарочной площади.

Но два человека не испытывали никакой радости ни от теплого летнего солнца, ни от сотен людских улыбок, наполнивших ипподром. Все остальные были для них жертвами. Вопрос состоял только в том, когда же наступит черед каждой из них. Они чувствовали свое превосходство над безликой людской толпой так же, как его чувствует волк, когда бежит резать беззащитную отару. В такие минуты от осознания силы и некоего тайного предназначения у Михаила темнело в глазах и бешено колотилось сердце.

А Рамазан, кажется, уже обо всем забыл и горячо переживал за потерянную ставку, сделанную на вороного под пятым номером, который, из-за ошибки жокея, так и не сумел прийти к финишу первым.

12

Последняя роль

Актер Русского драматического театра из Варшавы Аполлон Абрашкин личностью был пустой и бесполезной, хотя сам считал себя человеком необыкновенных способностей. Но вся его хваленая исключительность заключалась лишь в умении находить легковых простаков и за их счет утолять свои низменные потребности. Сказать по правде, внешности Абрашкин был самой что ни на есть обычной: полный и невзрачный человек лет сорока пяти, несмотря на безвкусный наряд, в нем присутствуют некоторые элементы франтовства: атласный малиновый жилет, из кармашка которого по животу бежит серебряная цепочка недорогих часов «Павел Буре». От всей его особы ужасно веет даже не артистом, а скорее каким-нибудь ветеринаром или письмоводителем, недавно получившим скромное наследство от умершей тетушки в далеком Лесозагорском уезде.

При встрече он подходит к собеседнику почти вплотную, и вам невольно приходится зажмуриваться от летящих из его рта брызг. В то же время, будучи человеком воспитанным, вы терпите эти временные неудобства и желаете только одного – поскорее с ним распрощаться. Но это не так просто. Особенно если вы попались Абрашкину, когда он «сильно зашибил муху». В такие минуты из-за своей крайней беспардонности и необузданной назойливости он становится особенно невыносимым.

Он без лишних церемоний напросится к вам в гости или потащит вас в соседний кабак, чтобы угоститься за ваш счет. Отведав новую порцию живительной влаги, этот господин «трещит» без умолку и в разговоре принимает положения одно пикантнее другого: то развалится, вытянувшись в полный рост на стуле, то хлопнет вас по плечу, а то вдруг, как ни в чем не бывало, вытащит папироску из вашего портсигара или неожиданно бросит использованную салфетку прямо к вам в тарелку. И все это он делает непринужденно, с некоторым показным амигошонством и театральной манерностью.

Конечно же, у него не хватает достаточно ума и галантности, чтобы добиться ласки от высокооплачиваемых театральных красавиц, зато молодые актрисы эпизодических ролей и костюмерши – всегда его. А когда не хочется тратить время на ухаживания, есть и желтобилетницы – русские жрицы платной любви.

Беззаботным лондонским денди и обольстительным казановой он чувствовал себя по воскресеньям, когда отыгрывал роль конторщика Епиходова в комедии Антона Чехова «Вишневый сад», и по средам, исполняя роль Добчинского в «Ревизоре». После окончания спектакля Абрашкин вваливался в трактир средней руки, гулял там до полуночи и, если не находил себе пары, возвращался на съемную квартиру один. Хотя правильнее было бы ее назвать комнатой с отдельным входом в крытой камышом хате на второй Заташлянской улице – в самой глухой и богом забытой части Ставрополя.

Извилистая и неширокая река Ташла текла под Крепостной горой, где строились первые казачьи хаты и откуда, собственно, и пошел расти город. Весь склон, улепленный глинобитными убогими домишками, представлял собой множество кривых, пересекающихся друг с другом и опять уходящих в разные стороны улочек.

Летом Ташлянское предместье, или Ташла, как его называли в народе, представляло сплошной сад со своим микроклиматом. Благодаря тому, что весь этот район располагался в низине, температура примерно на два градуса была выше, чем в городе, а закрытость от ветров с юго-востока и северо-запада создавала ощущение спокойного райского уголка. Только вот появляться в этом «раю» лишний раз полиция особым желанием не горела.

Улицы на Ташле никак не освещались и осенью погружались в грязное и непролазное бездорожье, а зимой сугробы по крышу засыпали одноэтажные саманные хатенки. Извозчики ездить туда не любили и если соглашались доставить клиента, то выторговывали дополнительный барыш. Зато маргинальные личности всех мастей чувствовали себя там как мухи в сахаре. Конокрады же уводили ворованных коней еще дальше – за Иоанно-Мариинский женский монастырь, где обычно останавливался и разбивал шатры цыганский табор.

Абрашкин расплатился с возницей и, слегка путаясь в собственных ногах, со второй попытки открыл внутренний замок, который, как ему показалось, был вовсе открытым, и, весело насвистывая, зашел в комнату. Чиркнув несколько раз спичкой, он зажег огарок свечи, прилипший к треснутому блюдцу. Фотогеновую лампу разжигать не хотелось. Для его теперешнего состояния это была очень сложная процедура: снять стеклянный колпак, слегка выдвинуть язычок фитиля, зажечь его и аккуратно, вставив в расположенные по кругу пазы, надеть прозрачную колбу. Это ведь только на первый взгляд кажется, что сделать легко, а вот попробуй управиться со всем этим хозяйством после бесчисленного количества выпитых штофов, рюмочек и фужеров. Со свечой же – много проще...

Обувь артист снимал своеобразно. Двумя руками он уперся в обе стороны дверного косяка и, зацепившись каблуком за порог, потянул правую ногу на себя. Следуя законам механики, туфля отлетела вперед и потерялась где-то у окна. Та же участь постигла и левую. Истратив на сложную процедуру последние силы, он задул свечу и плюхнулся на железную кровать. Через секунду дом дрожал от похожего на извержение Везувия храпа.

Четыре сильные руки быстро и по-деловому перевернули спящее тело навзничь, привязали руки и ноги к спинкам кровати прочными веревками и, заткнув открытый во сне рот куском подобранной тут же тряпки, начали пытку. Орудовал один человек. Острой опасной бритвой он сделал несколько надрезов на коже выше локтя правой руки. Кровь брызнула и потекла на простыню.

От внезапной, невесть откуда взявшейся острой боли Аполлон проснулся и оторопело огляделся. Какой-то сумасшедший абрек с бритой головой, не обращая никакого внимания на

него, с деловым видом молча сдирает кожу с его собственной руки. Во рту торчал кляп, а сам он был надежно привязан к кровати. И это был не кошмарный сон!

Прикушенный от боли язык, как живой, вздрагивал и пульсировал во рту. Безумно хотелось прокричать изо всех сил одно-единственное слово – «ма-ма!». Слезы, кровь, пот и моча текли из человеческого тела одновременно. Но палачу до этого не было никакого дела. Он старательно скатывал срезанные куски человеческой плоти и делал новые надрезы. Но потом вдруг остановился, взглянул на жертву и сел на стул.

В эту самую минуту тусклое пламя свечи выхватило из темноты лицо еще одного незваного гостя славянской внешности. Криво улыбаясь, он подошел к распятому на кровати Абрашкину и тихим и вкрадчивым голосом вежливо произнес:

– Я был бы вам несказанно признателен, если бы вы, сударь, согласились ответить на некоторые мои вопросы. – И, передернув плечами, добавил: – А если откажетесь, мы порежем вас на ремни.

Несчастный согласно закивал головой и содрогнулся в глухих и прерывистых рыданиях.

– Скажите, милейший, откуда у вас прекрасная брошь, о которой вы рассказывали несколько дней назад одной юной девице? – любознательно поинтересовался интеллигентного вида молодой человек в очках. Тем временем горец выдернул изо рта мученика кляп.

С трудом передвигая опухшими и окровавленными губами, заикаясь сквозь всхлипывания, артист произнес: – Я по-олучил его от одно-о-го зна-а-когого за то, что сыграл роль фра-а-нцузского ювелира.

– Кто он?

– Это стра-ашный человек. Он убьет меня, если узнает, что я ра-а-сказал вам о нем.

– А мы нэ убьем тэба, нэт, мы толко будэм тэба рэзат на щашлик, – встав со стула, проговорил палач и дернул несчастного за свисающий с предплечья лоскут кожи.

Аполлон все-таки успел вскрикнуть заветное слово. И его «ма-а – ма-а!» разнеслось по округе прощальным криком подраненной, отставшей от перелетной стаи птицы. Он закрыл глаза, вздрогнул и разом испустил дух.

Рванный оторопел и снова резко потянул за израненную плоть страдальца – никакой реакции, только вдруг широко открылись остекленевшие глаза жертвы, а рот растянулся в ироничной усмешке.

– Он что, умэр? – удивленно спросил Рамазан.

– Слишком слабый человек. Должно быть, скончался от сердечного удара, – по-будничному спокойно заключил Евсеев. – Надо бы внимательно осмотреть его берлогу.

Сообщники выдвинули ящики ветхозаветного скрипучего комода, зачем-то оторвали дверцу, выбросили одежду из шкафа, распоролы обшивку мягкого стула, долго шарили на полках в кладовой, но ничего, кроме мертвых тараканов и одной засохшей прошлогодней мыши, не нашли. Горец, расстроенный неудачей, в сердцах швырнул на пол стоявшую на маленьком столике пустую чернильницу, расколовшуюся на мелкие кусочки зеленого стекла.

Не обращая внимания на внезапный припадок гнева напарника, Михаил стал откручивать резные металлические набалдашники, венчающие собой спинки железной кровати. Под одним колпаком он обнаружил свернутые в трубочку денежные купюры крупного достоинства, а под другим нашел маленький бумажный кулек.

– Аллах акбар! – тыча пальцем, восторженно прокричал горец.

Находка оказалось достаточно ценной. В куске серой оберточной бумаги была завернута украшенная россыпью бриллиантов, изумрудов и сапфиров брошь, выполненная в виде небольшой бабочки.

Евсеев посадил чудное творение на руку, подошел к догорающей свече и залюбовался изяществом линий и филигранной техникой исполнения. Казалось, близкий огонь опалит крохотному созданию крылья.

– Я оставляю ее себе. А все деньги – твои, – не поворачивая головы в сторону напарника, очарованный игрой оттенков, хорошо различимых в тусклом свете, тихо проговорил интеллигентного вида молодой человек. Рамазан кивнул, не выразив особого удовольствия.

Они ушли, хлопнув дверью, оставив за собой еще одну смерть и новое горе. Кривые и темные улочки Подгорной слободы надежно скрывали два неясных силуэта, быстро растворившиеся в

смоляном пространстве жаркой августовской ночи. А в треснутом блюде, пустив белую струйку дыма, измученная увиденным, погасла свеча.

13

Письмо с небес

После убийства на Николаевском проспекте жизнь у присяжного поверенного вышла из размеренной, ровной колеи и понеслась во весь опор безудержно и непредсказуемо, как во времена прошлых заграничных командировок. К нему снова вернулось уже слегка позабытое состояние спокойной готовности к любым неожиданностям и внезапным поворотам событий. Вот и сейчас, еще не открыв глаза, в полусне, он пытался уловить на слух доносившиеся из передней звуки.

Варвара, молодая и красивая экономка двадцати с небольшим лет, о чем-то горячо спорила и действительно объясняла что-то вошедшему. Стараясь не разбудить супругу, Ардашев тихо встал с постели, накинул халат и прошел в коридор. Человек с конвертом в руках настойчиво просил у горничной разрешения переговорить с адвокатом. Увидев последнего, он замолчал. Варвара обернулась.

– Вот, Клим Пантелеевич, этот господин утверждает, что он направлен к нам по поручению какого-то господина Нотариуса. А я говорю ему, что хоть уважаемый господин Нотариус и есть иностранец, все равно мог бы и подождать, пока вы, Клим Пантелеевич, проснетесь, – возмущалась преданная прислуга.

– Извините, господин Ардашев, я помощник нотариуса, который ведет дела покойного Соломона Моисеевича Жиха. Я должен вручить вам лично некоторую корреспонденцию. – Круглолицый и курносый, начинающий лысеть высокий человек в потертом, но чистом сюртуке подал хозяину дома конверт. В левом верхнем углу стояла надпись: «Передать лично К.П. Ардашеву на следующее утро после моей смерти. С.М. Жих». – Соблаговолите расписаться в получении. – Он протянул адвокату небольшой огрызок желтой бумаги, и Ардашев, присев за маленький столик и черкнув пером, вернул квитанцию обратно. Курьер откланялся и покинул дом.

Клим Пантелеевич прошел в кабинет. Вскрыв конверт, присяжный поверенный быстро прочитал письмо благодаря самостоятельно разработанной методике скорочтения. Еще в юности он обратил внимание на то, что в русском языке слова, как правило, длинные, и достаточно лишь увидеть первые и последние буквы, не читая всего слова целиком, чтобы угадать его значение. Когда у него это стало получаться, он начал так же поступать с предложениями, абзацами и даже страницами. И все-таки содержание этого послания заставляло задуматься.

Адвокат медленно открыл металлическую коробочку любимых леденцов «Георг Ландрин», достал красную конфетку, положил ее в рот, откинулся в кресле и прикрыл глаза. «Ну вот, – подумал Клим Пантелеевич, – теперь спокойная и размеренная жизнь провинциального адвоката и начинающего литератора сменится на тревожную и полную опасности долю охотника за преступниками. Видимо, придется на некоторое время сыграть роль Пинкертона и окунуться в сложности разыскного дела. Господи, кем я только не был: чайханщиком в Константинополе, советником русского посла в Персии, торговцем драгоценными камнями на Цейлоне, хозяином ателье по пошиву европейского платья во французском Тунисе, консультантом начальника полиции Дамаска и даже австрийским археологом в Порт-Саиде. А вот теперь – частный детектив. Значит, так угодно Господу».

Ардашев давно понял одну истину: не стоит идти наперекор тем обстоятельствам, которые воздвигает перед тобой судьба. С ними надо мириться до поры до времени, но, принимая предложенные правила игры, следует постепенно подстраивать сложившуюся ситуацию под себя. Тот же принцип, что и в джиу-джитсу – сила противника обернется против него самого.

Письмо, написанное за день до смерти, казалось, было заряжено мыслями и духом покойного и даже продолжало еще пахнуть мужским брокаровским одеколоном. Нельзя было терять ни минуты.

Клим Пантелеевич выдвинул ящик письменного стола, взял неприметный маленький ключик, снял с книжной полки несколько толстых фолиантов и, открыв потайную дверцу, достал 9-мм самозарядный браунинг модели 1903 года в украшенном исполнении. Ардашев привычным движением вытащил обойму, проверил патроны и, вставив в специально пришитую к внутренней части поясного ремня лямку, прикрыл пистолет модным коротким курткуком с отложным воротником и застегивающимися полами. Теперь такую одежду называли пиджаком, от английского «pea-jacket».

Слегка выкидывая вперед трость, адвокат твердой походкой уверенного в себе человека направился в расположенное неподалеку здание театра.

14

По следу

Антрепренер, отвечающий за расселение театральных гастролеров, любезно предоставил присяжному поверенному адрес съемного жилья Аполлона Абрашкина: 2-я Заташлянская улица, дом 34.

Дорога бежала вниз к оврагу, сливалась с деревянным мостом, перекинутым через быструю речку, а потом снова поднималась вверх по косоугору и, превратившись в едва заметную тропинку, терялась между деревьями буковой рощи.

Дома на второй Заташлянской улице нумеровались своеобразно: не по порядку, а скорее от желания их хозяев иметь те или иные цифры. Поэтому седьмых строений было пять, десятых – два, третьих – тоже два. Городская управа на чудачества жителей забытой богом Подгорной слободы смотрела сквозь пальцы, ведь фактически никакой путаницы и не было – все и так прекрасно знали, где и кто живет. Достаточно было назвать фамилию или профессию того, кто был нужен. Например: «Как найти пятый дом Пархомовых?» Или: «Где проживает кузнец Капустин?» И не сомневайтесь – хату покажут сразу. А вот 34-й дом был один. К тому же он сдавался внаем, и поэтому на углу белой оштукатуренной стены красовалась написанная нетвердой рукой двузначная цифра. У забора толпились люди, стояла санитарная кибитка, полицейский экипаж с откидным верхом. Важный городской то и дело разгонял стайку мальчишек, пытающихся забраться на плетень и заглянуть в окна.

Понимая, что страж порядка все равно не пропустит без разрешения начальства, адвокат представился и попросил вызвать кого-нибудь из вышестоящих чинов. Первым появился, судя по его форменному курткуку, судебный следователь. За ним – немолодой высокий господин с большими рыжими, явно напомаженными усами. Мундир полицейского играл на солнце, и по знакам отличия и манере держаться следовало, что это и есть тот самый легендарный начальник сыскного отделения Поляничко. Наслышанные о способностях каждого, они некоторое время молча рассматривали друг друга. Рядом, выглядывая из-за спины начальника, высунулась голова человека очень маленького роста, которому приходилось то и дело придерживать саблю рукой, потому как в противном случае этот атрибут мундира вынужден был бы волочиться по земле. Неожиданно толстый коротышка разразился длинной и едкой тирадой:

– Смотрите, господа, какой интересный гость пожаловал. Его величество столичный адвокат – собственной персоной. Теперь нам с вами, Ефим Андреевич, здесь вообще делать нечего, ведь этот присяжный поверенный и есть самый настоящий следопыт. Он все кусты вмиг обшарит, орудие убийства найдет, а потом, глядишь, и преступника отыщет.

– Я вижу, господин полицейский, вы заранее расписываетесь в своей беспомощности. Нет уж, на этот раз попробуйте сами, без меня. К сожалению, я не располагаю достаточным количеством свободного времени, чтобы вступать с вами в бессмысленную словесную перепалку. При моей-то занятости это слишком большая роскошь. К тому же вы недостаточно хорошо со мной знакомы,

чтобы так опрометчиво начинать разговор... Кто знает, чем может для вас закончиться внешне безобидная словесная дуэль? Знаете, Ипполит Константинович просил меня оказать некоторое содействие сыскной полиции в раскрытии недавнего убийства на проспекте, и я согласился. Но если вы против – готов откланяться сию же минуту.

Сложная для понимания, витиеватая словесная комбинация поставила сыщика в тупик, и от этого он только злился и все сильнее краснел, судорожно пытаясь отыскать подходящую ответную фразу, которая так и не приходила на ум. А тут еще и упоминание полицмейстера... Каширин умоляющими глазами преданной собачонки смотрел снизу вверх на шефа, ожидая помощи.

– Разрешите отрекомендоваться, начальник сыскного отделения Поляничко Ефим Андреевич, а этот не очень вежливый господин – мой заместитель Антон Каширин. – Полицейский, сняв перчатку, протянул руку. Ардашев повернулся вполборота так, чтобы помощник Ефима Андреевича оказался за спиной, и, то же представившись, ответил рукопожатием:

– Ардашев, Клим Пантелеевич, присяжный поверенный окружного суда.

– Отчего же не воспользоваться помощью, тем более безвозмездной. Милости просим. – Судебный следователь с готовностью пожал руку адвокату. – Чебышев Александр Никанорович. Ну вот и познакомились.

– Господа, я понимаю, что в этом доме совершено преступление, и, как вы понимаете, тоже нахожусь здесь не случайно. Вероятно, вам было бы интересно узнать некоторые сведения, ставшие мне известными в связи с выполнением поручения одного моего доверителя. В свою очередь, я был бы крайне признателен вам, если бы вы объяснили мне подробности случившегося.

– Не вижу препятствий, Клим Пантелеевич. Пройдемте в дом – сами и увидите, – предложил Поляничко.

Картина была удручающая. В небольшой, но светлой комнате на железной койке лежал привязанный за руки и ноги человек. Перед смертью он подвергся ужасным пыткам, и, как объяснил находящийся тут же врач, несчастный умер, скорее всего, от разрыва сердца часов десять назад. Точная причина будет установлена после вскрытия.

В комнате царил разгром. В самом углу неприметным, но раненым великаном стоял шкаф для одежды, из светлого дерева, с болтающейся на одной петле почти оторванной дверцей. В нем, видимо, раньше висели раскиданные по полу скомканные белые сорочки с потертыми воротниками, изодранный сюртук и полное облачение православного священника, тоже местами порванное. Разбитый комод сиротливо таращился глазницами почти пустых ящичных отделений. Мазанный желтой глиной земляной пол, застланный грубыми домоткаными половиками, был залит чернилами и лужицами успевшей подсохнуть крови.

У окна валялась лакированная правая туфля. Ардашев поднял ее и, внимательно осмотрев, вернул на место. Затем его внимание привлек одиноко стоящий в углу фанерный чемодан, обтянутый коричневой тканью, с никелированными креплениями по углам. Он попытался открыть его: один замок поддался легко, другой, как оказалось, был и вовсе неисправен. В боковом кармашке внутреннего отделения лежал кожаный багажный ремень. Чемодан был пуст.

– Хозяйка, как обычно, утром зашла пригласить жильца на завтрак и обомлела от страха. До сих пор водой отпаивают. А ее муж рассказал нам, что хоть квартирант и заплатил за еду, но столовался очень редко. За эти две недели всего несколько раз, – продолжал говорить Чебышев. – Непонятно, зачем здесь ряса? Мы нашли накладную бороду, панагию, клобук – в общем, все облачение священника. Да вот, Клим Пантелеевич, убедитесь сами. – Следователь показал на один из ящиков.

– Вероятно, это часть театрального реквизита. Однако совершенно неясно, почему этот костюм хранился дома? – проронил Ефим Андреевич.

– Да что тут гадать – все просто: он дома репетировал роль попа, – включился в обсуждение обойденный вниманием Каширин.

– Судя по всему, преступники искали что-то определенное, – указывая на разбросанные по всему полу вещи, предположил следователь, никак не отреагировав на высказывание сыщика.

– И, вероятно, нашли, – подытожил адвокат.

– Позвольте узнать, на чем основывается ваше утверждение? – поинтересовался Чебышев.

– Вы, надеюсь, заметили, что две верхушки кроватной спинки откручены, а оставшиеся – на месте, а это значит, что после того, как находка оказалась в руках, в дальнейших поисках отпала необходимость.

– Да, действительно – так просто. А мне эта мысль почему-то не пришла в голову, – рассеянно заметил Чебышев.

– Но все-таки, Клим Пантелеевич, что же привело вас сюда? – задал все время витавший в воздухе вопрос Поляничко.

Ардашев достал из внутреннего кармана распечатанный конверт и передал его начальнику сыскальной полиции. Ефим Андреевич спешно развернул лист и, надев пенсне, углубился в чтение.

«Милостивый государь! Обстоятельства особого порядка вынуждают меня обратиться к вам с просьбой о помощи. К сожалению, я попал в одну очень неприятную историю. И если вы читаете это письмо, значит, меня уже нет среди вас, среди живых.

Как вы уже знаете из нашей недавней беседы, честь и спокойствие моей семьи оказались под угрозой. Именно по этой причине я решился на продажу всего того, что так долго собирал по крупицам, превратив в надежный и постоянный источник дохода моей семьи. Единственный выход – все продать, обо всем забыть и покинуть Россию вместе с Кларочкой. Как вам известно, я мечтал поселиться где-нибудь во Франции, с тем чтобы мы смогли бы наконец обрести свое счастье. Но... Раз вы читаете это письмо, значит, судьба распорядилась иначе...

Если вы помните, я ожидал прибытия товара московским поездом. На следующий день после нашего разговора ко мне в контору явился господин приятной внешности, который отрекомендовался представителем фирмы «Бушерон». Изъясняясь с легким французским акцентом, он передал мне официальное письмо с приложенным прејскурантом драгоценностей на всю стоимость оговоренной сделки. Кроме того, он вернул мне мое ранее отправленное в Париж письмо – своего рода условленный пароль. Отсутствовала только заказанная мною брошь (я хотел купить ее для Кларочки), несмотря на то, что она числилась среди описи доставленного товара. Все проверив, я передал посыльному деньги за минусом стоимости не доложенного украшения. На мой вопрос, почему приехал один человек, а не два, как было сообщено в ответной телеграмме, этот иностранец объяснил, что его приятель неожиданно заболел и не смог выехать вместе с ним.

На следующий день я прочитал в газете, что накануне в поезде на пути в Ставрополь были убиты два представителя фирмы «Бушерон». Кто же тогда был у меня? Получается, что убийцы этих двух несчастных людей знали, что я собирался купить камни и, завладев ими, продали их мне по номинальной стоимости?! Мне стало страшно.

Я понял, что теперь меня могут принять за человека, организовавшего это нападение! В такой ситуации я был вынужден отказаться от перепродажи части драгоценностей и предупредил об этом моего постоянного покупателя. Был ужасный скандал! Но согласитесь, не мог же я бросить тень подозрения на еще одного ни в чем не повинного человека?! Имея камни, я не мог их продать! И к тому же я лишился почти всей наличности! Мне было нечем погасить заем, и банк мог лишиться меня всего заложенного имущества. Это означало крах. Я находился в отчаянии!

Чтобы хоть немного отвлечься от тягостных мыслей, в воскресенье мы с Кларочкой отправились в театр на пьесу «Вишневый сад». В это трудно поверить, но уже в первом действии на сцену вышел... тот самый курьер. Мы сидели в пятом ряду, и я заметил, что он тоже узнал меня.

Едва дождавшись антракта, я пробрался в его гримерную и потребовал вернуть назад все полученное по сделке. Сначала он изображал, что не знает меня, но когда я пригрозил полицией, то ему пришлось согласиться с моим требованием о возврате уплаченных мною денег в обмен на драгоценные камни. Он предложил провести обратный обмен вечером следующего дня в Воронцовой роще на скамейке тиссовой аллеи. Позднее время и уединенное место показались мне опасными, и я выдвинул свои условия встречи: Николаевский проспект, лавочка напротив Соборной горы, в понедельник, в семь вечера. Но, видимо, все произошло по другому сценарию...

Вы, уважаемый Клим Пантелеевич, обещали мне в случае моей смерти не оставить Кларочку одну и обезопасить ее от каких-либо возможных угроз. Надеюсь, вы, как благородный человек,

сдержите данное слово, а также не позволяйте кому-либо опорочить честь моей семьи. Если сможете, найдите тех, кто лишил меня жизни.

Ваши услуги мною оплачены, и я свято надеюсь на вашу поддержку.

С совершеннейшим почтением, ушедший от вас навеки, Соломон Моисеевич Жих.

P.S. До встречи осталось всего два часа, и я на всякий случай решил написать это письмо, оставив его у нотариуса с надлежащим указанием. Понедельник, августа шестого дня, одна тысяча девятьсот седьмого года».

– Да, премного вам благодарен, Клим Пантелеевич, за такую помощь. Теперь многое становится на свои места. Вы, надеюсь, понимаете, что я вынужден оставить это письмишко у себя в качестве вещественного доказательства и приобщить к материалам уголовного дела по убийству Жиха? – передавая конверт изнывавшему от нетерпения Каширину, спросил чиновник.

– Безусловно. Единственное, о чем бы я вас попросил, господа, это не предавать гласности личную жизнь моего доверителя, пусть даже и умершего.

– Не извольте сомневаться, господин присяжный поверенный, у нас в таких случаях завсегда рот на замке, – весело пробалагурил Каширин, довольный, что ему передали письмо раньше, чем оно попало следователю.

– И еще один момент. Ефим Андреевич, вы, конечно же, понимаете, что мне далеко не безразлично, кто и почему убил Соломона Моисеевича, и поэтому я вынужден проводить самостоятельное, скажем так, неофициальное расследование. К тому же теперь, после его смерти, я должен соблюсти финансовые интересы Клары Сергеевны Жих, поскольку брильянты и другие камни, купленные ее мужем у ювелирной фирмы, получены законным путем. Другими словами, выражаясь сугубо юридическими понятиями, Жих являлся добросовестным приобретателем и в момент выплаты аванса еще в Париже, и здесь, когда он отдал оставшуюся сумму. Естественно, я приложу все усилия, чтобы драгоценности попали к вдове. Ну а выйти на них мы с вами сможем лишь через непосредственного убийцу, – поигрывая тростью, закончил Ардашев.

– Сдается мне, Клим Пантелеевич, что убийца Соломона Моисеевича находится как раз перед нами. Знаете, это предсмертное послание не только расставляет точки над убийством Жиха, но и раскрывает тайну гибели французов в кавказском скором поезде. Совершенно ясно, что Аполлон Абрашкин – один из налетчиков. Позже со своим напарником они что-то не поделили, вот он и убил артиста. Думаю, уже сегодня мы доложим свои соображения начальству, и два дела будут закрыты. В скором времени, конечно, нам придется извиниться перед Васильчиковым и освободить его. А что до брильянтов – это уже ваше дело или той ювелирной французской фирмы. Судитесь между собой сколько хотите. Мы тут ни при чем. Даст бог, отыщем второго жулика, вот тогда и поинтересуемся у него, где камушки зарыты. – И, повернувшись к подчиненному, с хитрой улыбкой спросил: – Как думаешь, братец, расскажет он нам, где спрятаны брильянты, или нет?

– Как пить дать все выложит, змей подколодный! Вы его, Ефим Андреевич, мне только на ночь дайте! Я его, ирода каторжного, не одним только каленым железом, а еще и...

– Ладно, угомонись, Антон Филаретович, а то, не ровен час, адвокат бог знает что о нас подумает, – осадил ретивого помощника Поляничко. – Ну, бывайте, Клим Пантелеевич. А нам надо бы еще «веселую вдову» проведать.

Распрощавшись с чиновниками, присяжный поверенный отправился обратно. У Нижнего базара он увидел вывеску с надписью «Сапожная мастерская» и, улыбнувшись внезапно посетившей его догадке, зашел внутрь.

15

Вдова скорбящая

Похороны Соломона Моисеевича, принявшего православие всего год назад, намечались на завтра. А сегодня безутешное горе переполняло израненную Кларочкину душу. Нет, она не рвала

на себе волосы и не заламывала в истерике руки, а просто молчала, опустив глаза, так и не понимая, что же теперь с ней будет и как ей дальше существовать.

При живом Соломоне все казалось надежным и незыблемым: большой дом, заботливый муж, завидный достаток, переходящий в роскошь. Во всем был хорош благоверный, да вот только слишком бережлив, чересчур практичен, легко предсказуем и страсти любовной лишен напрочь.

Другое дело Бронислав, пылкий и напористый, как гусарский эскадрон. От одного его наглого взгляда кружилась голова и сердце чайкой вылетало из груди. Он сразил ее наповал, когда во время танца стал нашептывать откровенно смелые комплименты. И зачем она пошла гулять с ним по саду? Стоило только скрыться за густой листвой раскидистой вишни, как он обнял ее за воздушную талию и осыпал дождем поцелуев. Что было потом, она помнила слабо, да и вспоминать это можно было только в том случае, если рядом никого не было. Клара нисколько не жалела о грехопадении, а вкус у того греха казался сладким и незабываемым.

Второе свидание состоялось в холостяцкой обители офицера. Он был славный, этот поручик. Рассказывал анекдоты и смешил до слез. А потом взял в руки гитару и, бережно перебирая струны, задушевно исполнил очень печальный романс:

У церкви стояла карета,
Там пышная свадьба была,
Все гости нарядно одеты,
Невеста всех краше была.

На ней было белое платье,
Венок был приколот из роз,
Она на святое распяте
Смотрела сквозь радугу слез.

Горели венчальные свечи,
Невеста стояла бледна,
священнику клятвенны речи
сказать не хотела она.

Когда ей священник на палец
Надел золотое кольцо,
Из глаз ее горькие слезы
Ручьем потекли на лицо.

Я слышал, в толпе говорили:
«Жених неприглядный такой,
Напрасно девицу сгубили», —
И вышел я вслед за толпой.
У церкви стояла карета,
Там пышная свадьба была,
Все гости нарядно одеты,
Невеста всех краше была.

Она беззвучно роняла слезы, жалела себя и в такие минуты страстно ненавидела толстого, широкозадого, с вечно покрытым потной испариной лицом, Соломона. Чем больше ей нравился Броня, тем ненавистней становился муж.

Особенно противен он был ей в тот момент, когда отмыкал в спальнной комнате сейф, чтобы спрятать в него еще одну стопку кредитных билетов. Благоверный озирался по сторонам и, прикрывая код на дверце, боялся, как бы жена его не подсмотрела. «Курочка по зернышку... а мы по червончикам!» – хихикал супружник.

Клара оправдывала измену тем, что она таким образом мстила мужу и ради этой своеобразной мести готова была терпеть и выполнять все прихоти любовника. И однажды, после нескольких часов безумного «мщения», Броня в шутку окрестил ее «маленькой страстной кошечкой», а она, залившись легким румянцем, в ответ нарекла его «бесстыжим усатым котом». В день его рождения она преподнесла имениннику глиняную фигурку одноименного

четвероногого существа с ярко выраженным мужским началом и своеобразной надписью, позже упомянутой в протоколе обыска.

Только вот ответить на вопрос, что же плохого ей сделал Соломон, Клара не могла. И получалось, что все ее рассуждения о несчастливом браке и муже-скряге – чистой воды профанация, а на самом деле ее поведение характеризовалось всего лишь одним, избитым до пошлой банальности французским словом – *adultere*.

Но сейчас и любовника рядом не было. От этого вроде бы хотелось плакать, но в то же время не мешало бы попричитать и по убиенному супругу. Терзаемая этим неразрешенным противоречием, вдова так и не смогла начать прилюдно горевать и, опустив глаза, теребила изящными пальчиками пестрый шелк отделанного кружевом носового платочка.

Гроб с телом покойного, будто зловещий постамент, возвышался посреди светлой и просторной гостиной. Вокруг сидели специально приглашенные ведьмоподобные старушки в накинутых черных, как вороньи крылья, платках. В перерывах между чтением молитв они начинали нестерпимо голосить: «На кого ж ты нас покинул, сердешный!», «Зачем жену одну оставил!», «Да почему же ты ушел от нас так рано!». От этого создавалось впечатление, что убиенный по собственной воле отправился на тот свет.

«А все-таки Соломона жалко. Лежит смиренный такой... А какие он мне делал подарки! Помню, в Париже он чуть не скупил весь магазин женской одежды. Любил ли он меня? Еще бы! Что за глупый вопрос? Боготворил и души не чаял, а когда узнал об измене – страдал, изводя себя душевными терзаниями, а потом... простил и, стоя на коленях, умолял забыть о поручике... о Брониславе... о Броне... Ах, Бронечка, где же ты, милый?!» – «Убитая горем» вдова незаметно потерялась в лабиринтах нахлынувших счастливых воспоминаний.

– Примите мои глубочайшие соболезнования, сударыня, однако же мне необходимо передать вам некоторые вещи усопшего, бывшие при нем в момент убийства. Позволительно ли будет нам пройти в другую комнату? – проговорил скрипучий, как несмазанные детские качели, голос, принадлежащий уже немолодому господину с длинными нафиксатуренными усами. За ним стоял городской с саквояжем в руках.

– Да, да, конечно, – с готовностью ответила Клара. Она, похоже, обрадовалась возможности хоть на какое-то время покинуть печальное место и провела полицейских в теперь уже бывший кабинет мужа.

– Разрешите представиться, Ефим Андреевич Поляничко, начальник отдела сыска. – Слегка склонив голову, полицейский тем временем внимательно осматривал интерьер, схватывая цепким взглядом мельчайшие детали. – Вот соблаговолите получить, Клара Сергеевна, вещи супруга вашего. – Сыщик повернулся в сторону городского, который достал из саквояжа большой пакет из плотной бумаги, быстро развернул его и положил на письменный стол. – Все передается согласно описи. Ежели возражений не имеется, то распишитесь в получении вышеупомянутых предметов, в совокупном количестве шесть наименований: деньги в сумме триста сорок девять рублей семьдесят пять копеек, портмоне, часы швейцарские золотые с цепочкой, пузырек с надписью «Капли от мигрени» и коробка монпансье «Георг Ландрин», ну и саквояж, – сухо отрапортовал начальник и протянул приготовленную загодя бумагу.

– Что за монпансье? – удивленно приподняла голову вдова.

– Извольте посмотреть, – ответил низший полицейский чин, открывая крышку.

– Да, действительно леденцы, – с некоторой долей растерянности произнесла Клара.

– Разрешите отведать? Я только одну, вон ту, красненькую... – ни с того ни с сего вдруг попросил городской и, не дожидаясь разрешения, положил конфетку в рот. Неожиданно полицейский вскрикнул, и, схватившись за щеку, неучтиво выплюнул конфету под стол. Скорчившись от боли, он достал изо рта двумя пальцами отломанный кусок зуба и сквозь слезы прошепелявил: – Я зуб шломал.

Даже выдавший многое Поляничко, безглаголиво поморщившись от такой наглости, произнес:

– Всякому безобразию есть свое приличие. Вот, голубчик, и тебя Господь за бесстыжество твое наказал. Клара Сергеевна места в сей скорбный день себе не находит... испереживалась вся, а ты, как дитя малое, леденцами усопшего решил полакомиться. Негоже нахальство свое людям напоказ выставлять, – осуждающе качая головой, отчитывал подчиненного Ефим Андреевич.

– Вы уж простите меня великодушно, – извинился городской.

– Итак, господа, не смею вас больше задерживать, – раздраженно проговорила вдова и, поставив свою подпись на документе, протянула бумагу главному сыщику губернии.

Не привыкший к такому обращению, Поляничко выразительно расправил усы, внимательно посмотрел даме в глаза и только потом взял переданный ему лист.

– Что вы так на меня смотрите? Собираетесь о чем-то спросить? – теряя самообладание, нервничала Клара.

– Признаться честно, кой-какой разговорчик у меня к вам имеется. Да вот только не знаю – уместно ли на сей момент беседы всяческие переговаривать? Вы, я смотрю, горем убиты, так что лучше уж мы откланяемся. Кстати, поручик просил вам привет передать. «Очень, – говорит, – скучаю». Знамо дело, на тюремных полатах бока набивать – это вам не на пуховых перинках кувыряться, – с ядовитой усмешкой изрек сыскарь.

– Да уходите же вы, право! – тихо выговорила хозяйка и, ничего не видя сквозь пелену слез, захлопнула за визитерами дверь кабинета. Она села на жесткий кожаный диван и первый раз за день облилась слезами.

Любой сторонний человек, увидев в эти минуты безутешно плачущую миловидную женщину лет двадцати пяти, прелестную, как видение: с выразительными карими глазами и очаровательным капризным ротиком, в строгом траурном облачении, наверное, задался бы вопросом: а будет ли по нему лить слезы его благоверная? И как быстро они высохнут? Получив откровенный ответ, он станет, как бы глупо это ни звучало, завидовать тому, по ком так искренне горюет вдова. Эти маленькие соленые капли, осенним дождем поливающие еще не успевшую растрескаться на морщинки нежную кожу лица, дорогого стоят и поэтому вызывают сострадание, скорбь и уважение к памяти безвременно ушедшего от нее мужа. Да только в эти скорбные минуты жалела Кларочка себя.

Все печальное когда-то заканчивается. Подошел к концу и следующий день, когда дубовый, с посеребренными ручками гроб с телом незабвенно дорогого Соломона Моисеевича Жиха отнесли на Даниловский погост и опустили в могилу. Проводить известного негодяна пришел почти весь цвет городского купечества: владельцы чугуно-меднолитейных заводов господа Руднев, Шмидт, банкир Попов, зерноторговец Гулиев, обувной король Зайдман и недавно приехавший из Варшавы провизор Пейхович, представитель городской управы и даже жандармский ротмистр Фаворский.

Поминали Соломона в снятом трактире недалеко от Тифлиских ворот. Людей было так много, что пришлось ставить дополнительные столы.

Вдова молчала и лишь легким кивком благодарила тех, кто не забыл помянуть мужа добрыми словами. Народ собрался чинный, и, наверное, поэтому поминки не превратились в продолжительное застолье и уже через час приглашенные вежливо откланялись. Расплатившись с хозяином заведения, Клара вышла на улицу и с удовольствием вдохнула свежий, после короткого летнего дождя, воздух.

– Прошу извинить за бесцеремонность, однако мне необходимо поговорить с вами, уважаемая Клара Сергеевна, – немолодой, но подтянутой господин в котелке и строгом, идеально отутюженном черном костюме и белоснежной сорочке с муаровым галстуком.

Странно, но уже с первых секунд она почувствовала к нему явное расположение. Открытое, гладко выбритое лицо, пронзительный взгляд карих глаз, правильный прямой нос, едва заметная ямочка на подбородке, губы, будто застывшие в слегка ироничной улыбке, и аккуратная стрижка придавали внешности незнакомца облик европейца, волею случая оказавшегося в степной провинциальной глуши. Шарма добавляли ласкающий слух мягкий голос и аромат дорогой туалетной воды.

– Кто вы? – спокойно спросила госпожа Жих, отчего-то задержав взгляд на его безукоризненных лакированных туфлях явно не местного производства. Правой рукой он опирался на круглую ручку трости.

– Имею честь представиться, присяжный поверенный окружного суда Клим Пантелеевич Ардашев, – просто, без тени надменности отрекомендовался адвокат.

– Очень приятно. И что заставило вас, уважаемый Клим Пантелеевич, прервать прогулку несчастной и теперь одинокой дамы? – грустно проговорила Кларочка.

– Видите ли, за несколько дней до трагедии Соломон Моисеевич нанес мне визит и попросил оказать ему некоторую услугу. Видимо, предчувствуя опасность, он хотел, чтобы я, в случае его гибели, побеспокоился о вашем благополучии, ну и затем разыскал убийцу. Ваш супруг заранее оплатил мои услуги. Кроме того, я располагаю некоторой информацией, и она, на мой взгляд, поможет найти преступника. Однако учитывая, что полиция не всегда правильно оценивает сложившуюся ситуацию, я попрошу вас сохранить наш разговор в тайне, – негромко пояснил Клим Пантелеевич.

– Ар-да-шев – какая интересная фамилия, наверное, имеет древнее и аристократическое происхождение? Да? – спросила Кларочка, пытаясь перешагнуть через канаву, и слегка приподняла край длинного платья. Она медлила, ожидая, пока спутник не поддержит ее за локоть. Клим Пантелеевич учтиво помог даме. «Он еще и галантный», – мысленно оценила любезность вдова.

– Описание моего генеалогического древа не включалось в условия соглашения с вашим покойным мужем. Однако вы правы. Мой отец, отставной полковник от инфантерии, хоть и был дворянином, но таковым себя не чувствовал, если не брать в расчет сам титул. Другое дело матушка – потомственная дворянка. В Ярославской губернии у нее имелось родовое имение в деревне Апальково. Она – урожденная Апалькова. Но мои познания в этой области простираются лишь на двести лет. Ну да полно... Было бы гораздо полезнее, если бы мы говорили о деле.

– Например?

– Скажите, вам уже передали личные вещи Соломона Моисеевича?

– Ну да. Еще вчера пришли два полицейских хама. Один старый усатый таракан с какой-то малороссийской фамилией и неотесанный мужик городской.

– Должно быть, сам Ефим Андреевич Поляничко пожаловал? – предположил адвокат.

– Ну да, как раз он самый.

– А что городской?

– Дело в том, что у Соломона вдруг оказались с собой конфеты, леденцы... знаете, ну такое французское слово...

– Монпансье?

– Да, да. Правда, я никогда не видела, чтобы муж их покупал. А этот невежа полицейский взял одну конфетку попробовать да ненароком сломал зуб. И что вы думаете? Он выплюнул леденец в кабинете прямо под стол. Ну не хамство? – возмущенно затараторила Кларочка.

– Слава богу, вам не довелось познакомиться с заместителем господина Поляничко – Кашириным. Вот уж действительно субъект невоспитанный и злонравный. Но ума недалекого, и потому опасности такой человек представлять не может. Так, «слякоть», стоит лишь «надеть калоши» – и его не заметишь.

– Ну вот, мы и пришли, – вздохнула вдова.

– Я понимаю, что сейчас далеко не лучшее время для визитов, но мне надобно непременно осмотреть переданные полицией вещи, – серьезно проговорил присяжный поверенный.

– Ну что ж, прошу. – С легкой улыбкой Клара отворила калитку и прошла во двор.

Дом, из которого недавно вынесли покойника, и сам кажется мертвым. Некоторое время в нем еще остаются слова, поступки, привычки и запахи ушедшей из мира души. Но пройдет девять дней, прогорят свечи, испарится вода из стакана, засохнет и выгнется краюха ржаного хлеба и станет постепенно забываться горе. Вот тогда и оживет снова дом.

Именно таким предстала перед Ардашевым еще недавно счастливая обитель, выстроенная Соломоном для молодой жены. Большое, в массивной посеребренной раме зеркало, занавешенное темной тканью, производило впечатление замурованного потайного хода в иное, потустороннее пространство, где время уже невластно над людьми. Запах ладана пропитал воздух настолько, что, казалось, каждый предмет обстановки источает аромат этого средиземноморского дерева.

По старому обычаю, пол был уже вымыт и воду вылили далеко за порог, чтобы смытая беда не вернулась назад.

– Пройдемте в кабинет мужа, – на ходу проговорила хозяйка, проследовав в большую и просторную комнату, отделанную деревом лишь отчасти. Основную площадь занимали разного рода шкафы, этажерки и полочки с инструментами и приспособлениями разного аптекарского

свойства. Книг на полках было немного. В основном французские женские романы. Ардашев с интересом снял с полки одну изрядно потрепанную книжицу и прочитал вслух: «Свиданья на тиссовой аллее», роман, в двух частях. – И добавил: – Моя жена тоже, знаете ли, увлекается любовными душщипательными историями. Бальзак, Мопассан... куда там Льву Николаевичу с его «Войной и миром».

– Да, книги – единственное развлечение в здешней глуши, – с печальным вздохом произнесла Клара.

На большом письменном столе лежали оставленные полицейскими чинами предметы и лист с описью. Саквояж оказался абсолютно пустым. «Да, надо же, монпансье «Георг Ландрин», – подумал адвокат, открывая жестяную коробочку. Он внимательно осмотрел леденцы, после чего отложил их в сторону, наклонился, а потом, извинившись, встал на четвереньки и вовсе залез под стол. Через несколько секунд он уже отряхивал брюки и улыбался, держа в руках, очевидно, кусочек того злосчастного леденца, о который сломал зуб городской. «Вот теперь почти все ясно...» – пронеслось в голове у Ардашева. Затем из внутреннего кармана пиджака присяжный поверенный вытащил складную лупу и стал тщательно исследовать этикетку пузырька с микстурой. Закончив осмотр, он спросил:

– Разрешите ли вы мне забрать монпансье и капли для более детального изучения?

– Да, конечно, они мне не нужны, – запросто согласилась госпожа Жих.

– А что, покойный страдал мигренью?

– Да нет, никогда. Так что эти капли так же непонятны, как и леденцы. Зачем он все это покупал? Не знаю.

– Вы окажете мне неоценимую услугу, если подробно расскажете о взаимоотношениях, сложившихся между вашим мужем и господином Дорштом.

– Хорошо. Но это займет некоторое время. Может быть, распорядиться горничной принести чаю?

– Нет, благодарю вас, не беспокойтесь.

– Пару лет назад, когда муж был единственным хозяином ювелирного салона и мастерской, на мой день рождения он пригласил Вениамина Яковлевича, о котором все говорили как о человеке разносторонних познаний. Соломон часто пользовался его советами по поводу ценных бумаг. Я слышала, что купцы записывались к нему за неделю, потому что принимает он исключительно по понедельникам. А в остальное время изучает биржевые сводки. Бывает, по телеграфу столько закажет посланий, что служащие с ума сходят. Я сама однажды видела, когда отправляла на почте телеграмму в Париж для ювелиров, как Вениамин Яковлевич почти на сто рублей сообщений отослал. А в них одно и то же: закладные такие-то покупаю по столько-то, векселя товарищества такого-то продаю по такой-то цене... Но все-таки это его работа, а есть и увлечение – он создает собственные эскизы и потом изготавливает по ним ювелирные украшения. Так вот, подарил он мне серьги. Знаете, я видела достаточно много всяких ювелирных изысков, и удивить меня, а тем более восхитить, не просто, а тут... глаз не могла отвести. Да что там... Сейчас я их вам покажу. Одну секунду. – Клара вышла из кабинета и почти тотчас же вернулась с красной коробочкой. Открыла ее и передала адвокату.

Серьги, выполненные из крупного жемчуга, с использованием техники эмали, украшенные россыпью брильянтов неодинакового размера, с подвесками в виде элегантных бантиков, производили впечатление изысканной роскоши. Они улавливали свет и передавали его от одной грани камня к другой, пока он не исчезал в игре едва уловимых бликов. А недавно изобретенное в Европе крепление-застежка, позволяющее носить серьги, не прокалывая уши, была удачно исполнена и уже применена здесь.

– Да, это настоящий шедевр, – вполголоса восхитился Ардашев.

– Примерно так же оценил и Соломон. Одним словом, после десерта муж пригласил Доршта в этот кабинет и предложил войти в его ювелирное дело на равных. Ему поручалось рисовать эскизы, а наши мастера должны были над ними работать. По условиям договора, Вениамин в течение полугода обязался внести определенную сумму, что он в дальнейшем и сделал. И только после этого они могли делить прибыль поровну. Ударили по рукам. Все было хорошо, но этот кризис и беспорядки подорвали торговлю в прошлом году. Соломон предложил перейти на самые дешевые изделия с использованием горного хрусталя, бирюзы, агата... А Вениамин считал

его предложение ошибочным. «Отсутствует, – говорит, – Соломон Моисеевич, в вашем суждении здравый смысл. Предлагаю, наоборот, количество дорогих изделий увеличить, ассортимент разнообразить, а цены опустить. Вот тогда мы с вами настоящий профит и получим». Но муж не согласился, и отношения между ними разладились. Это повредило делу, и доходы в тот год резко упали, вот тогда-то супруг и решил подарить оставшуюся свою долю мне. – Клара замолчала и уставилась в окно, в которое бессильно билась подраненная птица. Ардашев заметил, как по ее лицу пробежала мелкая нервная судорога.

– Наверное, воробей спасается от кошки, – постарался успокоить вдову присяжный поверенный. – А что потом?

– Ну, я занялась этим делом с огромным желанием. Посещала разные выставки: в Москве, Петербурге, Нижнем и даже ездила в Ригу. С Вениамином я быстро нашла общий язык, но с мужем отношения у них не сложились. Супруг все чаще говорил, что скоро им придется делить мастеров. Доршт как-то сказал, что он слишком много сил отдал этому делу и не позволит его сгубить, растаскивая лучших умельцев. Соломон всегда хотел получить быструю прибыль и совсем не думал о нашем собственном ювелирном имени. А мы уже только в этом году приняли участие в двух выставках, в Екатериноударе и Ростове, под собственной маркой.

– И как же она называется?

– Ювелирный торговый дом «Южный крест». У нас даже есть собственное клеймо, состоящее из буквы «Ю» и креста.

– Премного благодарен за подробности. К сожалению, тот, кто убил вашего мужа, еще находится на свободе и потому очень опасен, а значит, ожидать от этого человека можно чего угодно. Надеюсь, в скором времени преступник предстанет перед судом. Во всяком случае, я постараюсь этому поспособствовать. Однако считаю своим долгом предупредить, что в данный момент вам необходимо соблюдать некоторые меры предосторожности: на ночь обязательно закрывайте ставни, а двери непременно затворяйте на засов. Горничную пока домой не отпускайте. Пусть ночует у вас. Без надобности из дома не отлучайтесь, а если такая необходимость появится, то следуйте в сопровождении прислуги. Номер моего телефона: 1-27. Если вам кто-либо назначит встречу или протелефонирует и куда-то вызовет, обязательно сначала известите об этом меня. Но самостоятельно никаких шагов не предпринимайте. Ну и о том, что я забрал предметы, переданные вам властями, говорить кому-либо пока не стоит. А если ими опять заинтересуется полиция, скажите, что выбросили их вместе с мусором. Вот, пожалуй, и все... Так... Пойдите... Если я не ошибаюсь, вы только что упомянули о том, как отправляли телеграмму на почте для каких-то ювелиров в Париж, не так ли?

– Ну да. Для тех, которые должны были приехать потом московским поездом, по-моему, в начале этого месяца, наверное, первого числа.

– Скажите, а кто мог знать об их приезде, ну, конечно, кроме вас и теперь уже покойного вашего мужа?

– Не знаю. Да, наверное, никто. А что?

– Нет-нет, ничего. Так, знаете, просто некоторые размышления, извините. Вот теперь позволю себе откланяться. Разрешите еще раз принести вам мои соболезнования.

Клара благодарно кивнула и подумала: «Вот уж кому повезло, так это его жене. Еще бы! Спокойная и богатая жизнь за спиной такого приятного, состоятельного и воспитанного человека. Разве таким изменяют? – И сама же ответила: – И таким тоже, но только полные дуры».

Адвокат прошел в переднюю, взял трость, слегка поклонился и вышел. День еще не уступил место сумеркам, и солнце хотя и опустилось ниже верхушек старых вязов и лип, но все еще грело и без того не остывшую от зноя землю. На Николаевском начался неспешный променад беззаботно гуляющей публики. О недавнем убийстве старались не вспоминать, и поэтому городские власти распорядились убрать ту злосчастную лавочку. Другую поставили в пяти саженях выше.

Этюд с тремя неизвестными

Еще находясь в кабинете Жиха, Ардашев понял хитрый замысел Соломона, и теперь оставалось лишь опытным путем подтвердить предположение. Обосновавшись на кухне, Клим Пантелеевич попросил жену и горничную его не беспокоить и с увлечением принялся за дело.

Прежде всего, он зажег керосиновый примус, поставил на него небольшую сковороду, куда и выложил все содержимое коробки монпансье «Георг Ландрин», переданное ему Кларой Жих. Помешивая деревянной ложкой, адвокат вскоре увидел, как, постепенно растекаясь по поверхности, плавилась карамель, а из нее возникали драгоценные камни удивительной огранки – один прекраснее другого: рубины, сапфиры, изумруды, гранаты и топазы.

Присяжный поверенный высыпал содержимое в тарелку, обмыл водой и, переложив на полотенце, дал бесценным творениям природы обсохнуть. Затем он распечатал сургучную пробку пузырька под названием «Капли от мигрени», вылил жидкость на блюдце, понюхал... и ничего особенного не обнаружил – обычная микстура.

Стройная и последовательная версия внезапно «разбилась» об эту маленькую злосчастную бутылочку лекарства.

Остаться на кухне больше не было никакого смысла, и присяжный поверенный определил драгоценные камни в ту же пустую жестяную коробочку и, прихватив пузырек, вернулся в кабинет.

Клим Пантелеевич заметил, что думалось ему почему-то всегда лучше вечером, когда спадала жара и ветер колыхал верхушки деревьев, по которым перекачивался красный мячик уставшего от полуденной работы солнца. В такие минуты, сидя в кресле, он, казалось, бесцельно созерцал блуждающим взглядом все, что могли охватить глаза: синее небо, птиц, вычерчивающих в бесконечном пространстве замысловатые геометрические фигуры, и даже ветви могучего дуба, наполненные шумным многоголосьем пернатых. Ардашев применял способ фокусирования внимания через его внешнее рассеивание – один из методов йоги, освоенной еще во время заграничных странствований.

Вот и сейчас, когда издали подкрадывались сумерки, он смотрел на закат, пытаясь поймать ту пространственную точку, где последний солнечный луч сливался воедино с горизонтом, образуя на небосводе багровое зарево. Сконцентрировав внимание на постороннем объекте, Клим Пантелеевич незаметно для себя переходил к логическим рассуждениям: «Итак, Соломон Моисеевич Жих, как следует из его письма, собирался обменять полученные ранее от лже-курьера камни обратно на деньги. Для этого даже прихватил с собой саквояж. Но боялся, что его могут обмануть, и перестраховался: драгоценные камни разных цветов залил карамелью и сложил в коробочку от монпансье «Георг Ландрин». Но для чего-то в последний момент перед назначенной встречей купил еще одну, круглую коробку с надписью «Москва». Так вот она исчезла... Теперь эта микстура... Куплена у Минца в «Красной аптеке». Зачем он приобретал их там, если у него своих аптек хватает? На этикетке указано, что травяной настой был приготовлен пятого августа – как раз в день убийства. Выходит, он перед смертью зашел в ближайшую от места встречи аптеку, чтобы купить лекарство от головной боли? Чуть! Полная и беспросветная бессмыслица! Итак, на сегодняшний день я нашел только часть партии драгоценных камней, и далеко не самые дорогостоящие экземпляры. Львиную долю стоимости составляли бриллианты, которые либо находятся где-то в доме Жиха, либо путешествуют в неизвестном направлении. Но сдаётся мне, что Соломон все-таки обхитрил злоумышленника не только с цветными камнями, но и с алмазами. Их местонахождение вероятнее всего возможно вычислить логическим путем. Ключ к разгадке – пустой пузырек аптечной микстуры... Пока непонятно... Придется вернуться к этой теме позднее... До сих пор нет ответа и на главный вопрос: кто же убил Соломона? Полиция считает, что это Аполлон Абрашкин. Сомнительно. А кто, кроме него, мог убить Соломона? Мотив был и у Доршта, с его конфликтом из-за ювелирного дела, и у Пейховича, мечтавшего купить аптеки Жиха. А начальник акцизного управления Гайваронский? Почему бы и нет? Тоже ведь пытался за бесценку получить ломбарды? А содержащийся под арестом Васильчиков? Ну и,

наконец, этот богатый неизвестный чиновник, инкогнито скупающий оптом камни. Кто он? Пока не знаю. А Клара? Вряд ли, хотя... Наконец, последний кандидат на злодея – тот, кого я даже не могу сейчас представить в роли убийцы! Хорошо, ну а кто же тогда убрал самого артиста? Его мог убить либо сообщник, либо неизвестные заурядные грабители».

Панорама злодеяний все больше принимала расплывчатые очертания, то появляясь, то вновь ускользая от Ардашева, и казалось, какой-то невидимый коварный художник забавляется, затушевывая только что проявившиеся на полотне реальные контуры произошедших недавно событий.

Часы пробили десять. Клим Пантелеевич задул фитиль настольной керосиновой лампы и вернулся на кухню, чтобы за кружкой любимого травяного чая еще раз неторопливо обдумать все версии и одну, только что пришедшую на ум, невероятную догадку...

17

«Лунная соната»

Вениамин Яковлевич Доршт жил на Ольгинской улице. Старый купеческий дом он приобрел всего несколько лет назад и, перестроив его на европейский манер, превратил в яркое и необычное в архитектурном отношении здание. Снаружи оно было обложено кирпичом и оштукатурено. Новый фасад украсили колоннами, полукруглыми окнами, а над ними выросли разнообразные геометрические фигуры из лепнины: квадраты, прямоугольники, окружности, перечеркнутые посередине двумя линиями, и даже кресты. Кабалистические символы если и не указывали на принадлежность хозяина к великому братству «вольных каменщиков», то, по крайней мере, об увлечении масонской символикой свидетельствовали уж точно.

На массивной входной двери золотом отливала на солнце латунная табличка «Доршт В. Я. – финансовые консультации». Под ней на декоративной планке красовалась аккуратная рукоятка звонка с надписью: «Прошу повернуть».

Присяжный поверенный дважды выполнил это указание. Вежливая прислуга провела адвоката в гостиную, и, усадив гостя в кресло рядом с фортепьяно, скрылась в покоях дома. Ардашев разглядывал развешанные по стенам картины, но внезапно отворилась дверь, и навстречу, расточая улыбки, вышел хозяин дома:

– Ну вот, Клим Пантелеевич, вы наконец и пожаловали. Я, признаться, еще вчера ожидал вашего визита. Что ж, если не возражаете, прогуляемся по саду.

– С удовольствием.

Пройдя по коридору через все помещение, Ардашев вышел с другой стороны дома и оказался в удивительном по красоте, живом зеленом «райском уголке». Дорожки из природного камня бежали не прямо, как это было принято, а по кругу и, огибая фруктовые деревья, создавали ощущение естественных каменных тропинок. Все пространство вокруг было засеяно английской газонной травой, которую, видимо, совсем недавно подстригли. Такие лужайки Ардашеву приходилось видеть за границей, они скорее напоминали ухоженные поля для гольфа английской аристократии.

Покой хозяев стерегли «забытые» природой огромные, вертикально стоящие великаны – камни из натурального известняка. Увешанное крупными плодами дерево абрикоса тяжело склонилось к беседке, сплошь обвитой розовым виноградом. Его крупные спелые грозди свисали со всех сторон и просились в руку. А рядом – о чудо! – прямо из земли бил живой родник, наполнявший собой небольшой, но все-таки отдававший прохладой пруд с разноцветными рыбками. Проточная вода естественным потоком скатывалась с огромного камня вниз и ручьем летела дальше по склону, навсегда растворяясь в стремительном течении бегущей в овраге реки.

Аромат лета пьянил и расслаблял. Господа разместились в плетенных из крымской виноградной лозы креслах. Горничная, привыкшая к частым посетителям, уловила мимолетный кивок-распоряжение хозяина и быстро принесла на подносе бутылку красного Мулен-а-Ван, вазу с фруктами, два бокала и сигарную коробку. Разлив вино, Доршт учтиво предложил Ардашеву

насладиться элитным кубинским табаком, но, встретив вежливый отказ, с большим удовольствием сам вдохнул душистый аромат далекого Карибского острова. Затем специальными серебряными ножницами аккуратно обрезал кончик сигары с красным ярлычком, зажег большую шведскую спичку и, сделав пару мелких затяжек, с видимым блаженством вдохнул нужную порцию дыма.

– Уважаемый Клим Пантелеевич, я готов избавить вас от необходимости объяснения цели вашего визита. Насколько я понимаю, вы проводите свое неофициальное расследование убийства моего незадачливого компаньона и я, по логике вещей, должен стать первым из числа подозреваемых. Мы ведь умные люди и не станем принимать всерьез фантастическую версию, где предполагаемым убийцей Соломона является несчастный поручик, не так ли? – поглаживая рыжие усы, с улыбкой вещал финансист. – Согласитесь, я на эту роль подхожу гораздо больше, поскольку, думаю, вам уже известно о наших с ним разногласиях.

– С вами приятно иметь дело. Но я бы не стал так категорично заявлять о том, что вы есть первый и единственный подозреваемый по этому делу, даже если не брать в расчет господина Васильчикова. Но знаете, я, собственно, пришел не за тем, чтобы спрашивать у вас банальные вопросы типа: «Где вы находились в семь часов вечера пятого августа?» Хотя и это, как вы понимаете, меня не может не интересовать. Однако мне более необходима ваша консультация. – Адвокат высыпал на стол из спичечного коробка пять разных камней: сапфир, изумруд, рубин, гранат и топаз. – Что вы можете сказать об их приблизительной ценности?

Доршт положил сигару в пепельницу, достал из нагрудного кармана пиджака складную ювелирную лупу с толстым увеличительным стеклом, долго и внимательно разглядывал каждый камень, а потом, затянувшись сигарой, все еще пребывая в некотором размышлении, проговорил:

– Вы задали несколько вопросов. Начнем по порядку: в понедельник, пятого августа, в семь вечера, окончив прием посетителей, я работал в кабинете, просматривая свежие биржевые сводки. Из дома выходил только в сад. Подтвердить некому. Поскольку супруга была у модистки, а горничная в это время обычно уходит... Когда я работаю, меня, как правило, не беспокоят... Погодите... Возможно, учитель музыки моей младшей дочери может подтвердить, поскольку Оленька сама забежала ко мне, сказав, что преподаватель хотел бы со мной поговорить. Правда, было это в начале седьмого или ближе к половине. Я прошел в гостиную, и оказалось, что у инструмента не было одной струны! Удивительно! Мы только что купили его в музыкальном магазине, и продавец виртуозно исполнил нам с женой несколько популярных мелодий. А тут – первый урок по музыке и нет струны. Я попросил учителя пригласить настройщика, оплатил заранее его услуги, и мы распрощались. – Вениамин снова вдохнул хорошую порцию дыма, положил сигару и, внимательно глядя в лицо присяжного поверенного, спросил: – Откуда, Клим Пантелеевич, у вас эти камни?

– Я позволю себе не отвечать на этот вопрос, поскольку это может скомпрометировать честное имя одного моего доверителя.

– Ну, тогда я сформулирую его иначе: сколько таких камней в наличии у вашего доверителя?

– Я вижу, что мы поменялись местами. Вы теперь спрашиваете, а я отвечаю, – улыбнулся Ардашев.

– А что, если я предложу хорошие деньги за все камни, которые имеет ваш клиент? Я не оговорился, за все, включая брильянты... Выпейте прекрасного божоле с нежным, изысканным вкусом. Ваше здоровье. – Доршт с удовольствием сделал несколько глотков.

– Вино и впрямь чудесное, – согласился Ардашев, пригубив бокал. – Однако что вы имеете в виду?

– Ну, к чему, дорогой мой Клим Пантелеевич, мы будем играть с вами в кошки-мышки? Но ежели настаиваете... Хорошо. Но в таком случае, прошу извинить меня за откровенность... Вы только что показали мне не совсем обычные драгоценности. Да, несомненно, изумруд, рубин, сапфир, топаз и гранат – дорогостоящие приобретения. Да еще таких размеров! Но... Эти камни особенные, если хотите, единственные в своем роде, потому что у них очень редкая и необычная огранка. Такую работу в России не делают. Есть только один мастер, которому это доступно, – господин Бординикс, лучший резчик ювелирного дома «Бушерон и К». А как следует из газет, которые, как вы знаете, я выписываю тоннами, именно партию камней его работы и везли два

курьера в Ставрополь. Да не довели... Я могу с точностью угадать, кто именно сделал столь крупный заказ. Видите ли, с некоторых пор я заметил, что Соломон за моей спиной перепродает драгоценности... Согласитесь, с его стороны это было не совсем порядочно по отношению ко мне, как к его компаньону. Но, я полагаю, об их приезде узнал кто-то еще и поэтому они не успели добраться до места назначения. Мне известно, Клим Пантелеевич, что вы представляете интересы Клары Сергеевны Жих. Ради бога, исполняйте эту обязанность сколько угодно! Это ведь ваша работа... Я даже готов мириться с тем, что вы, не будучи полицейским, интересуетесь моим алиби... Но вместе с тем, когда вы приносите камни, на которых, фигурально выражаясь, еще видны следы крови невинно загубленных душ, и спрашиваете об их стоимости... Не кажется ли вам, что все это отдает некоторым цинизмом? Да ладно, опустим нравственные категории, и я, закрыв на все глаза, готов приобрести всю партию драгоценностей. Цену, естественно, определять мне, потому что камни с такой «историей» ни вам, ни вашему доверителю продать все равно не удастся – «Бушерон» не даст. Я же могу совершенно спокойно и незаметно сбывать их в собственных изделиях.

– Приятно иметь с вами дело, но все не настолько просто, как может показаться на первый взгляд. История с драгоценностями, спору нет, насквозь пропитана кровью, в том числе и кровью Соломона, который, кстати, часть их стоимости оплатил заранее, что подтверждает его благонамеренность, а потому он является добросовестным приобретателем и эти права, соответственно, переходят к его жене. Так что о бросовых ценах на эту партию товара я бы посоветовал забыть. Другое дело – спокойная жизнь доверителя. Действительно, за камушками по пятам ходит опасность, и однажды, ради тихой и мирной жизни, мой клиент, возможно, вспомнит о вашем предложении. Это все, что я могу вам обещать. – Убрав драгоценности в коробку, адвокат встал с кресла, давая понять, что разговор окончен. Но затем добавил:

– А могу ли я взглянуть на ваше новое пианино? Жена последнее время все чаще говорит о том, что и нам следовало бы обзавестись им. Гости, знаете ли, часто приходят. Я все-таки предпочитаю фабрику «Ernst Kaps» из Дрездена. А вы?

– Пожалуйста, Клим Пантелеевич, смотрите. По правде говоря, я в этом мало смыслю, – будто оправдываясь, признался хозяин дома.

В гостиной Ардашев открыл верхнюю крышку, рассматривая внутренности инструмента, потом сел на стульчик и заиграл... По комнатам неслась чудная музыка Людвиг ван Бетховена. Пианино, разбуженное прекрасной мелодией, проснулось и с каждым аккордом издавало все более чистые и ясные звуки и вдруг так же внезапно замолкло. Хозяин зааплодировал:

– Если не ошибаюсь, «Лунная соната», не так ли?

– Да, вы правы, так музыкальные критики окрестили это произведение уже после смерти великого композитора, а вообще-то автор назвал его скромно – соната для фортепьяно № 14. Я сыграл только первую часть – *Adagio sostenuto*. У нас схожие вкусы, вы, как я заметил, тоже приверженец немецких мастеров, но из Данцига, именно там изготавливают инструменты под маркой «Hugo Siegel».

Уже в передней Доршт опять вернулся к теме камней:

– И все-таки, Клим Пантелеевич, я даю вашему доверителю на раздумье всего три дня. Ну, а после того мне придется известить полицию о нашем с вами разговоре и о драгоценностях... Вы, надеюсь, понимаете последствия как для себя, так и для вашего доверителя. – С лукавой улыбкой финансовый консультант неотрывно смотрел в глаза адвокату.

– Ну что ж, это ваше право. Зло разгуливает по земле, и с ним надо бороться. Кстати, соблаговолите сообщить господину Поляничко, что найденная на месте убийства струна, которой, очевидно, и был задушен господин Жих, принадлежала... вот этому пианино и служила для извлечения ноты «ля» субконтроктавы. А заодно не забудьте охарактеризовать и ваши с Жихом отношения как в высшей степени неприязненные. И в довершение ко всему упомяните об отсутствии у вас алиби. Знаете, Вениамин Яковлевич, на Востоке говорят: «Есть двери, в которые никогда не стоит входить, даже если у тебя есть от них ключи». Благодарю за угощенье.

– Позвольте, а ежели полиция дознается? Как же мне быть?

Не говоря ни слова, Ардашев вышел на улицу, а Доршт так и застыл у входа, прислонившись к дверному косяку... Он все стоял и морщился, как будто вот-вот сейчас придет ответ и больно ударит его по голове.

– Ждите моего звонка, – донеслось от уходящего прочь человека.

18

Ангел смерти

Солнце нестерпимо палило. Воздух накалился до такой степени, что обжигал легкие. Еще немного, и земля, казалось, превратится в вулканическую лаву, уничтожая на пути все, что выжило в борьбе с ярким августовским солнцем. Ставропольская степь в полдень замирала, и только стрижи очерчивали в выбеленном палящими лучами небе хаотичные зигзаги. Стайка куропаток, испуганная каретой, вспорхнула и полетела к видневшемуся вдалеке «Соленому» озеру. Высоко в небе, то замирая, то плавно взмахивая крыльями, парил, высматривая добычу, коршун.

Степь пробуждалась только вечером, когда мириады кузнечиков и сверчков начинали веселый и неповторимый трехчасовой концерт. В такие минуты благоухающий букет из шалфея, тимьяна и зверобоя приятно пьянил и дурманил. Иногда можно было отдохнуть в тени разбросанных у самой дороги зарослей дикого винограда. Казалось, чья-то заботливая рука специально вырастила его для удобства изнемогавших от долгой дороги путников.

Одинокий фаэтон, качаясь на ухабах, двигался по почтовому тракту, оставляя за собой клубы пыли. На пути ему изредка попадалась то заваленная сеном бричка, то телега, доверху нагруженная зерном.

Жара разморила обоих фельдъегерей, сопровождавших почту. Кучер в широкой соломенной шляпе клевал носом и, чтобы прогнать сон, время от времени громко вскрикивал одному ему понятное «но-го-да-гай!», щелкал кнутом над двумя лошадиными спинами, совершенно не причиняя никакой боли двум пегим труженицам. Старая казенная карета скрипела рессорами на кочках, качалась, издавая жалостливый, протяжный, похожий на стон роженицы звук.

С тех пор как по всей губернии при уездных почтово-телеграфных конторах стали открываться государственные сберегательные кассы, работы у почтовых служащих прибавилось. А тут еще участвовавшие грабежи карет. Вот и сейчас на всем пути от Ставрополя до села Медвежьего надо было оставаться начеку и не расслабляться. Только вот следовать инструкциям было особенно тяжело после вчерашнего обильного возлияния по случаю рождения сына у молодого, еще безусого фельдъегеря Ярослава Тучкова, дремавшего сейчас на почтовых мешках. Его старший товарищ – Никита Трофимов спал с открытым ртом, то и дело сползая с деревянного, отполированного форменными штанами сиденья.

Согласно инструкциям, кучер в случае приближения каких-либо подозрительных конных или пеших лиц должен был немедленно оповестить находящихся в карете лиц. Считалось, что вооруженные револьверами системы «смит и vesson» курьеры могли отразить любое нападение – главное, вовремя успеть перезарядить пистолет. Но в дороге кобура, точно гиря, бесполезным грузом оттягивала мундир да стучала о деревянное сиденье на каждой кочке. Поэтому еще в самом начале пути оружие вместе с амуницией снимали и клали на опечатанный сургучом груз.

Никита проснулся от желания курить. Достал из кармана подаренный женой на двадцатилетие венчания серебряный портсигар, не спеша вытащил папиросу московской фабрики «Дукат», собираясь зажечь спичку, и, выглянув в окно, увидел на пыльной дороге одиноко стоящую даму в роскошном светлом платье. Широкая белая шляпа, украшенная розовыми цветами, удачно гармонировала с голубым веером, коим незнакомка часто и несколько нервно обмахивалась, призывая кучера остановиться. Изумленный увиденным, егерь протер глаза, но мираж так и не пропал. Да тут еще и возникший подтвердил видение и, как и положено, не останавливаясь, крикнул в слуховое окно:

– Ваше благородие, дамочка просит остановиться. Какие будут приказания?

– Стой, Петрович, заодно ноги разомнем. А то совсем отекли. – Трофимов толкнул спящего товарища, быстро надел ремень с кобурой и портупеей и, открыв дверцу, вышел из кареты. За

ним, путаясь и застегивая на ходу амуницию, соскочил с подножки ничего не понимающий молодой отец семейства.

Дама и впрямь была красавица. Брюнетка с большими глазами и аккуратным, слегка вздернутым носиком, вероятно, еще не перешагнула порог тридцатилетия. Ангел, да и только. Возможность близкого времяпрепровождения с такой красавицей будоражила воображение и горячила кровь. Легкий ветерок качнул поля ее шляпы, обдав запахом знакомой брокаровской «Сирени» – любимых духов жены старшего почтового служащего. Но во всем остальном она разительно отличалась от начавшей рано стареть супруги. «Хорошее начало для адюльтера», – пронеслась шальная, как пуля, мысль.

– Извините, господа, что прервала ваше путешествие. Но случилась размолвка, и я вынуждена была покинуть экипаж одного бесцеремонного господина. Не могли бы вы помочь мне добраться до ближайшего населенного пункта, откуда я смогла бы доехать до Ростова.

– Несомненно, сударыня, мы поможем вам, тем более что нам по пути. В Медвежьем вы легко наймете извозчика, который и доставит вас на железнодорожную станцию Росшеватское, что в пятидесяти пяти верстах от уездного центра, – галантно таял в объяснениях Трофимов. – Прошу. – Курьер подал руку красавице, с тем чтобы помочь ей забраться в карету, но случайно зацепился нарукавной пуговицей форменного мундира за черные жемчужные бусы незнакомки, которые тут же горошинами рассыпались ей под ноги. Фельдъегерь смутился и, пытаясь извиниться за свою неуклюжесть, стал оправдываться, и в этот момент раздался легкий, похожий на звук новогодней хлопушки-конфетти выстрел. За ним прозвучал второй и третий. Дама стреляла, прикрываясь веером. Никита почувствовал толчок и, схватившись за дверцу кареты, ничего не понимающими глазами смотрел, как на его груди появляется и неумолимо увеличивается красное, мокрое и теплое пятно. Падая, он заметил, как с облучка свалился сраженный наповал кучер, а раненный в руку Ярослав с криком «Помогите!» бросился бежать в степь, от страха забыв о револьвере. Но из-за косогора появились всадники, быстро его догнавшие.

– Эх, смотри, Мища, какой молодой фараон. Мы сейчас тебя как барана рэзат будэм. Или, может, ты хочэшь жит? – улыбаясь, тешился над пойманным юношей Рваный.

– Не убивайте меня. Я не полицейский, а простой почтовый служащий. У меня только вчера сын родился. Возьмите часы, они серебряные! Прошу вас! – умолял Ярослав, прижимая кровоточащую простреленную правую руку к груди, а левой передавая луковицу карманных часов.

– Э, нет, я с тебя сперва кроф твой поганый выпущу, а потом уже горло до конца пэрэрэжу. Но сначала ты станэшь на колэни и попросишь у Аллаха прощения. Становись, твар! – Рамазан забрал часы, достал кинжал и только хотел приставить его к горлу жертвы, как раздался выстрел. Фельдъегерь упал вперед, уткнувшись лицом в землю, и забрызгал кровью лицо Тавлоева.

– Не нужно устраивать балаган. У нас мало времени, товарищи. За работу. – Полина опустила браунинг.

Горец явно этого не ожидал. Он вытер рукавом чужую кровь и уставился на женщину. У нее были странные глаза, совершенно желтого, золотистого цвета. Такие глаза бывают только у кошек. В них не колышется пламя и не мерцает душа. От них холодеет под сердцем и веет дыханием смерти. Только что она легко расправилась с тремя крепкими мужчинами. «Пожалуй, лучше с ней не шутить», – пронеслось в голове у Рваного.

– Рады видэт такой красывый и смелый дама, – криво ощерился беглый каторжник, но комплимент остался без ответа.

Она встретилась взглядом с Евсеевым и отчего-то на миг смутилась, но, быстро справившись с собой, деловито предупредила:

– Поторопитесь. Я видела казачий разезд у развилки, да и бусы рассыпались у самой кареты. Надо бы собрать... Мы не должны оставлять следов.

А коршун все парил в небесах, то замирая, то поднимаясь в высь. На земле он уже видел свою добычу.

Полина Воротынцева, несмотря на достаточную молодость – ей совсем недавно исполнилось двадцать пять лет, уже перенесла такое количество горестных минут, что они могли бы измеряться не часами или даже днями, а месяцами, переходящими в бесконечно длинные года.

Местом ее рождения был затерянный в глухих вятских лесах городок Арбаж, где располагалось поместье родителей. Небольшая, но дружная дворянская семья состояла из трех братьев и двух сестер. Полина – самая младшая в семье – с раннего возраста была окружена теплотой и лаской ближних. В ту пору счастливого и безоблачного детства ничто не предвещало выпавших в будущем на ее долю испытаний. Отец, по мере взросления сыновей, отдавал их в кадетский корпус и медицинское училище, а дочери обучались дома.

Глава семьи считал себя человеком прогрессивных взглядов и поместьем почти не занимался, полностью отдав его на откуп управляющему. Все свободное время он проводил на охоте либо за чтением книг. Он-то и привил дочери любовь к литературе. Уже в юности ей в руки попали свободлюбивые стихи Рылеева, обличительные сочинения Шевченко и Ростопчиной. В домашней библиотеке имелась неплохая подборка трудов французских энциклопедистов. Девушка все чаще стала задумываться о несправедливости, царившей вокруг. Неиссякающим источником вдохновения для нее служила русская литература. Познакомившись со стихами Некрасова, она как будто родилась заново. Все оказалось совершенно просто – для того чтобы в мире царили добро и справедливость, надобно убедить общество, включая царя и его министров, в необходимости точно следовать евангельским истинам. Родители с некоторым удивлением выслушивали зажигательные, полные бунтарского максимализма суждения дочери.

Отец, как представитель старшего поколения, в противовес ей считал, что христианское учение идеалистично и поэтому во многом недоступно для понимания простых смертных. Оставаясь глубоко религиозным человеком, он искренне полагал, что возможно сохранять преданность русскому самодержавию с одновременной безграничной верой в учение Христа. Но Полина видела, какая огромная пропасть разделяет господствующую официальную теорию и повседневную жизнь.

Философские споры обычно проходили в гостиной вечером после ужина, когда за окнами тоскливо выла метель, а мороз раскрашивал белым узором оконные стекла.

Когда Полине исполнилось пятнадцать, внезапно умер всегда жизнерадостный отец. Это произошло утром. Ему стало плохо за завтраком, и он пошел отдохнуть. Вдруг неожиданно завывала его любимая гончая. Мать почувствовала неладное и бросилась в спальню. Отец лежал на кровати навзничь, а его левая рука безжизненной плетью свисала вниз. Хоронили его морозным, но ясным декабрьским днем. Батюшка громогласно читал молитву, размахивая кадилом. Мать с красными от постоянных слез глазами и усталым, скорбно-болезненным лицом два дня не отходила от гроба. От переживаний у нее стали выпадать волосы.

Братья не успели на похороны и приехали поздно. От них она узнала, что девушки тоже могут учиться, работать и принимать участие в общественной деятельности. Полина хотела уехать вместе с ними, но ее не отпустили.

Так и не оправившись после смерти близкого человека, вскоре ушла из жизни матушка, и сестры осиротели. Старший брат к тому времени уже оканчивал московское медицинское училище и сумел организовать приезд Полины в Москву. Быстро получив работу, он приобрел репутацию толкового врача и неплохо зарабатывал для двоих. Внезапно он заболел туберкулезом и был вынужден уехать лечиться на юг. Оставленные им деньги вскоре кончились, и Полина оказалась одна в большом городе без средств, друзей и работы. Наверное, в то тяжелое время в ней стали развиваться такие черты характера, за которые ее ценили сегодняшние соратники: целеустремленность, настойчивость и смелость, граничащая с готовностью идти на самопожертвование ради главной цели – построения справедливого трудового общества с одинаковыми возможностями и равными привилегиями для всех его граждан.

Бедственное положение заставило молодую девушку отказаться от мысли об учебе, и она принялась искать возможность куда-нибудь устроиться.

Она шила, но средств едва хватало на оплату съемной комнаты. Теплым весенним днем уставшая от постоянного недоедания Полина бесцельно бродила по грязным от тающего снега московским улицам в надежде найти хоть какой-нибудь дополнительный заработок. Случайно она увидела объявление, приглашающее женщин на работу в типографию Константина Пыхтина. Ее приняли, и в тот же день она вышла в ночную смену.

В подвальном отделении цеха стоял старый платяной шкаф, служивший рабочим потайной дверью в комнату, где печатали запрещенную литературу. Всего через неделю ей стали доверять, и она вошла в число тех, кто выпускал нелегальный материал. Вскоре она поняла значение этих книг и прониклась убеждением в их пользе. Оказывается, что для достижения гуманной цели можно совершать поступки, противоречащие евангельским истинам. Но только в том случае, если это делается для блага больных, нищих и бездомных, а значит, в итоге служит тем же самым идеалам. Это как раз-то и есть исключение, подтверждающее само правило. Ведь изначально все рождаются одинаково достойными счастья, и только впоследствии, в результате несправедливого общественного устройства, младенцы попадают в руки родителей, стоящих на разных ступенях социальной лестницы. Отсюда возникает неравенство, то есть богатство и бедность, роскошь и нищета, счастье и горе. Совершенно ясно, что для блага всего народа следует как можно скорее уничтожить это несправедливое государство наряду с теми, кто будет этому сопротивляться: чиновниками, полицией и военными. Позднее можно будет снова вернуться к вечным евангельским принципам.

Несмотря на раннюю молодость, она ясно поняла опасность своего выбора и осознала меру ответственности перед товарищами. Так продолжалось несколько месяцев, пока в ряды подпольщиков не затесался провокатор, выдавший властям нелегальную типографию. Воротынцеву, как и других подпольщиков, арестовали и допрашивали по нескольку раз в день. Но она молчала и спокойно ожидала своей участи. Жандармы пытались убедить ее «откровенно» рассказать обо всем: кто еще печатал крамольные листовки, куда отправлялись изготовленные материалы и в каком количестве. Ее обещали немедленно освободить и избавить от следствия, если она ответит на все вопросы. Но девушка продолжала упорно твердить, что ей ничего не известно.

Прошло полгода. Брат вернулся. Полицейское начальство просило молодого врача убедить младшую сестру дать показания на остальных членов группы, что позволило бы выпустить ее на волю. Николай ответил, что она уже достаточно взрослая и должна сама решать за себя. Тем не менее ему позволили внести за нее залог, который помог заплатить знакомый брата – купец Боярышкин, хотя это сделали без ее ведома.

К тому времени, как Полину выпустили на свободу, ее брат умер. Она снова осталась в одиночестве на улицах Москвы. Но девять месяцев испытаний, размышлений и наблюдений превратили девочку во взрослую женщину. Она была высокой и стройной. Ироничная улыбка добавляла красивому лицу шарм и некоторую загадочность. На одном из заседаний ячейки социалистов-революционеров к ней подсел высокий молодой человек в студенческом пальто. Он представился Виктором Степановым. Выяснилось, что он активный участник террористических акций. Но самое поразительное заключалось в том, что Виктор унаследовал обширные угодья, доставшиеся ему после смерти отца. Он открыто заявил о своем намерении продать все земельные наделы, а вырученные средства передать партии.

Полина увидела в нем некое подобие своего отца, и от этого он стал ей еще ближе. Вскоре они стали жить вместе, и он подарил ей изумительные по красоте бусы из черного жемчуга. Это было удивительно романтическое время, когда они вместе, дурачась, чистили наперегонки картошку, а потом после ужина еще долго пили чай при тусклом пламени свечи, мечтая о новой, полной справедливости жизни.

Но беда пришла, когда ее меньше всего ждали. Родственники Виктора, узнав, что он собирается продать земли и передать деньги тайной организации, выдали Степанова полиции. После долгого следствия суд приговорил его к десяти годам каторги в Восточной Сибири и пяти годам ссылки. Полину причислили к так называемым «свободным женам», добровольно сопровождавшим своих мужей отбывать наказание.

Ранним октябрьским утром холодная роса большими каплями покрывала железную ограду Бутырской тюрьмы. Этап брал свое страшное начало в большом тюремном дворе и представлял

собой сплошное мучение. Прикованные к длинному стальному стержню за одну руку, будущие каторжане вынуждены были двигаться строем в две шеренги до железнодорожной станции. При такой системе для охраны всего этапа требовалось лишь двое-трое конвоиров. «Свободных жен» отвезли на вокзал, где их в специальном вагоне уже ждали мужья. Путь предстоял долгий: на поезде до Нижнего Новгорода, потом на барже по Волге и Каме до Перми; от Перми на специальных подводах арестантов везли через Екатеринбург и Тюмень до Красноярска. В местной тюрьме им давали несколько дней на отдых перед следованием в Иркутск. Добраться туда было необходимо, прежде чем начнутся морозы. До него – больше тысячи верст. А после – еще полторы тысячи по Забайкалью... В шестидесяти верстах от Иркутска, на берегу бескрайнего озера-моря, узников пересаживали на пароход и переправляли до станции Мысовая. Оттуда снова везли на лошадях, минуя Читу и Сретенск, до следующей пароходной станции. Заключение опять грузили на баржу, и старенький, маломощный пароходик, пыхтя изо всех сил, тянул сидельцев весь день до станции Усть-Кара, где на протяжении пятидесяти верст вдоль реки выстроены казармы и тюрьмы. Там заканчивался этап и начиналась каторга.

Но еще в Красноярской тюрьме Виктор заразился тифом. Экипажи не останавливались и гнали вперед. В лихорадке он мучился жаждой и лежал на голом полу кибитки почти без сознания. Офицер, отвечавший за конвоирование, не обращал на это никакого внимания и даже запретил снимать с больного кандалы. На полпути до Иркутска ему стало совсем плохо.

Чем меньше оставалось до Иркутска, тем Полине становилось яснее, что Виктор не выживет. Экипажи останавливались на почтовых станциях, потому что пересыльные пункты для заключенных в Сибири находились в совершенно безобразном состоянии. Во время одной такой остановки, когда жандармы заснули, к Полине подошел молодой человек. Поскольку он был всего лишь ссыльный, то к месту отбывания наказания направлялся без кандалов, и охрана особого внимания таким преступникам не уделяла.

– Разрешите представиться, сударыня. Меня зовут Михаил Евсеев. За революционную агитацию приговорен к пяти годам ссылки, – слегка улыбаясь, знакомился худощавый паренек среднего роста. – К сожалению, состояние вашего супруга очень тяжелое, и спасти его вы сможете только в одном случае – убедив начальство оставить его вместе с вами в Иркутске. Надеюсь, некоторая сумма поможет вам с ними договориться. – Он незаметно протянул ей две пятидесятирублевые бумажки.

– Благодарю вас, Михаил, и поверьте, я вам крайне признательна за вашу помощь. Надеюсь, в будущем я смогу... – Полина растерялась и лепетала какую-то благодарственную ерунду.

Молодой человек поклонился и, галантно поцеловав даме руку, проронил:

– Уверен, мы еще встретимся.

Действительно, начальник конвоя с радостью принял сто рублей и оставил больного в Иркутской тюрьме. Местные власти разрешили Полине ухаживать за Виктором и находиться вместе с ним в одиночной камере. Но это его не спасло и, проболев еще несколько дней, он умер. Похоронив мужа в холодной и чужой сибирской земле, Полина отправилась в обратную дорогу.

В Томске ей пришлось дожидаться весны, поскольку река стала и пароходы по ней уже не ходили. Чтобы как-то прокормиться, она устроилась работать корректором в местную газету и снимала угол в комнате, где жила многодетная семья.

Настала весна 1905 года. Из газет она узнавала о событиях, всколыхнувших все уголки России: трусливый и безвольный царь, спрятавшись за штыки солдат, расстрелял мирную демонстрацию в Санкт-Петербурге. Теперь она знала, что ее место в борьбе с самодержавием. Она начала понимать всю силу духа и немощность плоти и встала на сторону духа.

Уже на пароходе, следовавшем в Нижний Новгород, ей в руки попало напечатанное крупным шрифтом сообщение в газете «Вестник Сибири»: «На днях из ссылки бежал опасный государственный преступник Михаил Евсеев, который, будучи опознанным, на пристани города Томска застрелил двух нижних чинов речной полиции и скрылся. Если вам что-либо известно о местонахождении упомянутого преступника, просим сообщить в любое полицейское или жандармское отделение». Ниже был напечатан фотографический снимок Михаила.

Полина невольно улыбнулась и едва сдержалась, чтобы не вскрикнуть от радости. «Ну вот, – подумала она, – пришло время, и самые стойкие бойцы возвращаются, чтобы продолжить

борьбу». Она знала теперь, куда ей надо было ехать и где продолжится ее боевой путь – на баррикадах Москвы и Петербурга. Там она надеялась встретить Михаила. Так все и произошло. Они действительно окунулись в водоворот воспоминаний и как-то совсем естественно стали жить вместе. Но потом партия с чужими именами направила их в южные губернии России поднимать революционное движение. Полина с готовностью бралась за выполнение самых опасных и рискованных операций по так называемым экспроприациям. Иногда они вместе участвовали в налетах.

Именно она перевозила чемоданы с захваченными у буржуазии ценностями в столицу и осталась там до получения нового паспорта. На это обычно уходило несколько месяцев, и она была вынуждена скрываться на конспиративных квартирах.

В то самое время Евсеев удачно легализовался на юге и сколотил группу для новых эксов. Полина писала ему «до востребования». Ее послания накапливались на центральном почтамте губернии и ждали своего часа. Михаил отвечал ей все реже, и, обеспокоенная этим, вскоре она вернулась на юг. Они встретились, чтобы уже никогда не расстаться. Так думала убежденная эсерка – Полина Воротынцева, достигшая к тому времени своего двадцатипятилетия.

Шел 1907 год. Самодержавие из обороны все настойчивее переходило в наступление. Было ясно – революция захлебнулась...

20

Визитер

Яков Аронович Пейхович представлял собой энергичного и потому успешного негодяя, всегда знающего, что нужно делать для приумножения накопленного за годы состояния. От других дельцов его отличало стремление добиваться цели, во что бы то ни стало и всеми средствами, в каковых он, признаться, был не особенно разборчив.

В Ставрополь Пейхович прибыл, имея явно амбициозные намерения по открытию аптек в разных частях города. Оценив ситуацию на месте, он понял, что единственным серьезным конкурентом ему может быть только Жих, чье финансовое благополучие состояло в неиссякаемом денежном потоке от разных видов коммерции. Кроме аптекарского дела он имел еще и достаточное количество ломбардов, а также один ювелирный салон с несколькими мастерскими. Вот поэтому, для того чтобы захватить хотя бы часть рынка по продаже лекарств, Пейхович вынужден был привлекать довольно значительные заемные банковские средства, тогда как Соломон Моисеевич имел собственные и практически неисчерпаемые источники субсидирования. Это преимущество могло стать определяющим в будущей конкурентной войне и ничего хорошего Якову не сулило. Но несколько дней назад Жих навсегда распрощался с этим грешным миром.

«Наконец-таки я смогу осуществить задуманное. Главное – произвести хорошее впечатление на вдовствующую особу, а впрочем, я в этом и не сомневаюсь», – поправляя перед зеркалом бабочку и улыбаясь самому себе, размышлял авантюрист и чересчур самоуверенный мужчина средних лет. Еще вчера он послал горничную с визитной карточкой к дому вдовы, что располагался на 2-й Мещанской улице. Госпожа Жих сооблаговостила принять гостя в восемь часов пополудни. Следовало поторопиться.

Извозчик домчал за считанные минуты, и солидного вида господин с тростью, в черном сюртуке, котелке и светлых тканевых перчатках покрутил ручку звонка массивной филанчатой двери. Послышались шаги. Немолодая женщина, оказавшаяся прислужгой, разрешила войти.

Поставив трость в передней, Яков, не снимая головного убора и перчаток, как того требовал этикет, прошел вслед за домработницей сквозь длинную анфиладу комнат и остановился перед высокой дверью. Горничная постучала и с разрешения пропустила посетителя. Комната, обставленная мягкой софой, уютной оттоманкой и кожаным диваном, именовалась будуаром. Несмотря на кажущийся интимный характер своего предназначения, помещение являлось

парадным и служило местом для личных встреч женской половины, так же как для главы семьи кабинет. Стены украшала роспись под трельяжную беседку, увитую зеленью.

Вдова в черном траурном платье роскошного фасона сидела на пуфике и жестом предложила гостю расположиться напротив. Пейхович отчего-то почувствовал себя неуютно, как будто здесь был кто-то еще.

– Разрешите еще раз выразить глубокое соболезнование по поводу безвременной кончины вашего супруга и моего коллеги. Если вы помните, драгоценная Клара Сергеевна, я присутствовал на похоронах Соломона Моисеевича и даже нес гроб... Да, такая утрата! – скорбно вздохнул гость и продолжил: – Как вы знаете из посланной карточки, моя фамилия Пейхович, Яков Аронович, но вы можете меня величать просто Яковом... Так вот, в Ставрополь я приехал из Варшавы, с тем чтобы открыть собственное дело по провизорской части... А тут это жуткое убийство... и я подумал, что вам теперь будет очень затруднительно следить за всей этой коммерцией. В таком случае я мог бы купить аптеки, правда, с некоторой рассрочкой по платежам, если, конечно, цена будет приемлемой, – сразу начал торговаться опытный делец.

– Благодарю вас за предложение, однако сейчас я настолько потрясена горем, что считаю преждевременным ведение каких-либо деловых переговоров, – скромно потупив глаза в пол, пророботала Клара Сергеевна.

– Да, конечно. Однако едва ли получится быстро найти другого покупателя в этой провинции. Если повезет, вы сможете все продать годика через два-три, а к тому времени аптеки обесценятся. Вы уж извините за прямоту, но я не думаю, что вам удастся вести дела так же успешно, как это делал высокоуважаемый мною господин Жих, – начинал понемногу выходить из себя коммерсант.

– Вероятно, вы правы, Яков Аронович, но я боюсь поступить опрометчиво и посему, находясь в скорбном расположении духа, не считаю возможным совершать столь ответственные шаги, – индифферентно заметила вдова.

– Хорошо-хорошо... Я понимаю, но, видите ли, мне необходимо получить от вас любой, но только определенный ответ. А то ведь, не ровен час, я могу и передумать. – Пытаясь скрыть волнение нарочитым безразличием, Пейхович все-таки выдал себя, машинально сняв котелок и помахав им, как веером, что считалось верхом невоспитанности. И сам понял оплошность. – Разрешите откланяться? Могу ли я надеяться, что вскорости вы найдете возможность оповестить меня касательно принятого вами решения о продаже?

– Непременно.

– И еще. Возможно, когда вы придете в себя от постигшего вас горя, то, вероятно, задумаетесь о своей личной жизни, и в таком случае мы могли бы обсудить возможность, так сказать... нашего союза. Что и говорить, вы весьма привлекательная особа, и в некотором роде место подле вас вакантно... Я, конечно же, не беру в расчет этого армейского пьяницу, обвиненного в убийстве... Но ведь я тоже холост...

– Вам пора, – едва скрывая улыбку, проронила Клара Сергеевна.

Прощаясь, он еще долго раскланивался с хозяйкой, прежде чем вышел на улицу.

«Тоже мне краля. Куда ты денешься?! Еще сама прибежишь просить, чтобы я купил эти жалкие аптеки. Не сегодня, так завтра банк начнет требовать деньги назад. Явятся кредиторы, и вот тогда...» – Охваченный волнением несостоявшийся покупатель едва сдерживал негодование.

Пейхович ушел не сразу. Потоптавшись под окнами большого дома, он достал из серебряного портсигара папиросу, трижды постучал гильзой о крышку, чиркнул фосфорной спичкой, прикурил и только потом неторопливо побрел по пахнущей сдобными булками и куличами улице.

В тот момент, когда Ардашев продолжал внимательно наблюдать за гостем сквозь прозрачную штору соседней с будуаром комнаты, в нее вошла вдова.

– Вы прекрасная ученица, Клара Сергеевна!

– Да, я способная, но только благодаря вам. Знаете, Клим Пантелеевич, с вами я чувствую себя удивительно спокойно. Как если бы рядом был он... я имею в виду Бронислава. Вы уж наверняка знаете о моих с ним отношениях, не так ли? – Потупив взгляд, Клара наигранно застенчиво захлопала глазками.

– Так, только слухи.

– Как вы думаете, долго ли ему еще предстоит томиться в этих ужасных казематах?

– Видите ли, сударыня, на данном этапе расследования меня это совершенно не интересует, поскольку никак не относится к тому поручению, которое теперь я обязан исполнять, – сухо выговорил Ардашев.

– Да, да. Извините великодушно. Я больше не буду вмешивать вас в мои личные дела, – опустив глаза, виновато ответила Клара.

– Ну, если в виде исключения... Мне кажется, его выпустят со дня на день, – холодно проговорил присяжный поверенный. – Но, Клара Сергеевна, я попросил бы вас внимательно меня выслушать. Дело в том, что Соломон Моисеевич все-таки приобрел партию драгоценностей от торгового дома «Бушерон».

– Но я слышала, что эти люди, отец и сын, были убиты еще до приезда в Ставрополь, не так ли?

– Вы правы, только об этом стало известно несколько позже, и один из тех, кому удалось расправиться с курьерами и завладеть драгоценностями, явился к вашему мужу и, выдав себя за посланца французской ювелирной фирмы, продал ему брильянты. Это был смелый и, если хотите, наглый ход, потому что в любом другом случае стоимость краденых камней была бы много ниже. Ваш супруг узнал о нападении на поезд из газет, но уже после того, как купил дорогостоящий товар. Он опасался, что его могут принять за человека, который организовал два убийства и ограбление в поезде, – ведь камни оказались у него. А в воскресенье, как вы помните, во время театрального представления Соломон Моисеевич узнал в одном из артистов того самого «французского курьера». В антракте он посетил гримерную актера и потребовал вернуть деньги в обмен на драгоценности. Артисту ничего не оставалось, как согласиться. Встреча должна была состояться в семь вечера на Николаевском, на лавочке напротив Соборной лестницы.

– Там, где его убили?!

– Да. В надежде получить деньги ваш супруг прихватил с собой пустой саквояж. Опасаясь быть ограбленным, он взял лишь часть камней, все, кроме брильянтов, к тому же он залил их карамелью и поместил в коробку из-под монпансье «Георг Ландрин». Тут же, на лавочке, он купил у лоточницы другое монпансье и для правдоподобности бросил сверху несколько рубинов. Видимо, для того, чтобы не рисковать всеми драгоценностями, если, допустим, преступник, взяв коробку якобы для проверки, попытался бы скрыться. Собственно, так и получилось. Артист сбежал, думая, что все камни у него, а другой сообщник, простите за подробность, задушил Соломона Моисеевича струной от пианино. Драгоценности в виде монпансье ничего не подозревающая полиция передала вам, а вы – мне. Теперь я их возвращаю. – Клим Пантелеевич достал из кармана коробку леденцов, открыл ее и передал вдове. Камни искрились, играли на свету. Клара положила их на стол.

– А где же брильянты?

– Пока, к сожалению, мне это неизвестно.

– А может, они в том пузырьке, что я вам отдала?

– Их там не было.

– Как жаль! Но откуда вам известны такие мельчайшие подробности? Ведь даже мне Соломон ничего не рассказывал ни об артисте, ни о назначенной встрече на проспекте.

– За несколько часов до рокового *rendez-vous* ваш муж оставил у нотариуса письмо, которое мне могли передать только в случае его смерти.

– Я могу его прочесть?

– К сожалению, нет. Я был вынужден передать это послание полиции. По окончании следствия вы можете с ним ознакомиться. Для этого надобно подать соответствующее прошение судебному следователю, и он, я уверен, не откажет. К сожалению, Клара Сергеевна, охота за камнями продолжается. Злоумышленник стремится завладеть не только тем, что я сейчас вам передал... Идет охота за брильянтами.

– Этот самый актер?

– Нет. Артиста на днях нашли мертвым на съемной квартире. Я уверен, что господина Жиха убил другой человек, который сейчас находится среди нас. Именно поэтому вам чрезвычайно опасно хранить эти сокровища у себя.

– Но что же мне делать?

– Я предлагаю вам продать драгоценности одному вашему хорошему знакомому – Доршту.

– Вениамину? Вы думаете, он их купит?

– Я разговаривал с ним на этот предмет, и он изъявил желание их приобрести. Я считаю, что вам стоит протелефонировать ему и уведомить о готовности к проведению сделки. Торговаться не нужно, поскольку я сам назову ему сумму, процентов на двадцать превышающую реальную стоимость.

– И вы думаете, он согласится?

– Только из уважения к вам! Затем пусть он откроет на ваше имя счет, скажем, в «Азово-Донском Российском Торгово-Промышленном банке» и переведет туда все деньги. Ну а вы отдадите ему эту драгоценную коробку. Но, должен вас огорчить, даже после этого, вы, к сожалению, не сможете воспользоваться деньгами.

– Но почему, Клим Пантелеевич?

– Дело в том, уважаемая Клара Сергеевна, что для покупки драгоценностей ваш муж взял большой заем под залог аптек и ломбардов. Вполне возможно, что как раз в том же самом банке. И вы, являясь его законной правопреемницей, также отвечаете по всем имеющимся долгам. Но благодаря сделке с Дорштом вам удастся погасить большую часть задолженности. Я убежден, что сразу же об этом станет известно преступнику, убившему вашего супруга, и как только он поймет, что камней у вас нет, вашей жизни уже ничто не будет угрожать. Согласитесь, это немаловажный довод. Ну а дальше я попытаюсь найти пропавшие брильянты, и, Вениамин Яковлевич, будьте уверены, их тоже с удовольствием купит. А если не повезет с алмазами, то, даже продав заложенное имущество (естественно, с согласия банка) и рассчитавшись с долгом, вы останетесь очень состоятельной вдовой. И все это только благодаря капиталовложениям покойного Соломона Моисеевича.

– Земля ему пухом... – вырвалось у Клары. – Но... Клим Пантелеевич, я тронута вашей порядочностью и благодарна за то внимание, которое вы уделяете одинокой, запутавшейся в своих чувствах женщине, – почти шепотом проговорила Клара. Она приблизилась так близко, что Ардашев почувствовал ее дыхание. – Горничная отпросилась домой, и мы могли бы... некоторое время... попить чаю...

– Благодарю вас за предложение, но мне пора. Честь имею. – Прервав на полуслове хозяйку, Клим Пантелеевич откланялся. Во дворе он остановился, зачем-то внимательно осмотрел калитку и вышел на улицу.

Город отходил ко сну. На ночь люди затворяли наглухо ставни и, ложась спать, задували керосиновые лампы. Лето заканчивалось. Пройдет еще месяц, и начнут горожане опять вставлять вынутые весной вторые рамы, заклеивать и замазывать оконные щели. Осень в Ставрополе всегда подкрадывается незаметно, как старость или внезапная роковая болезнь.

Повернув за угол, отставной коллежский советник оглянулся, перешел на другую сторону улицы и, почти растворившись в ночной темноте, неслышно ступая, пошел... назад.

21

Поединок

– Сколко еще ждат? – раздраженно проговорил кавказец, томясь в ожидании.

– Потерпи, Рамазан, недолго осталось, – успокаивал напарника молодой человек в кепке, выглядывая из-за густых веток боярышника, бурно растущего на чьем-то полисаднике. – Ну вот, похоже, он ушел. Пора, – прошептал Евсеев и подкрался к дому.

Через неплотно закрытые ставни и слегка задвинутую штору виднелся край зеркала, а в нем, освещенное тусклым светом фотогеновой лампы, отражалось очертание красивой, но уставшей женщины с распущенными волосами, в задумчивости рассматривающей еще не тронутое морщинами лицо. Горец, пораженный увиденным, восторженно зацокал языком и вслед за Михаилом вошел в калитку, закрыв ее изнутри.

Входная двухстворчатая дверь была заперта. Из-за пояса Рамазан достал небольшой ломик и согнутый из проволоки крюк. Сделав фомкой щель между двумя половинками сверху и внизу, он

согнутой отмычкой без труда открыл поочередно обе задвижки у неподвижной части двери, после чего легко отворилась основная. Войдя в дом, они тихо пробирались по темному коридору в направлении тусклой полоски света у дальней комнаты и ненароком зацепили китайскую вазу, громко разлетевшуюся вдребезги. Таиться теперь не было смысла.

Услышав шум, испуганная женщина бросилась к замку, успев повернуть ключ на один оборот, но это ее не спасло. От сильного удара дверь с шумом распахнулась, едва не сорвавшись с петель, и в помещение ворвались двое незнакомцев. Парализованная страхом, Клара от неожиданности втянула голову в плечи, в страхе переводя глаза с одного незваного гостя на другого, попятилась назад и, заикаясь от ужаса, спросила:

– Чт-то в-вам н-нуж-но?

– Ты нужна, ты, моя красавица, – облизывая пересохшие от похотливого желания губы, проговорил горец и криво усмехнулся.

– Сначала дело, Рамазан, – остановил напарника Михаил и еще ближе подошел к напуганной до полусмерти хозяйке дома, став в самом центре небольшой комнаты с высоким потолком. Подвесная керосиновая лампа-молния с цилиндрическим фитилем и прозрачным стеклянным резервуаром мирно коптила над его головой.

– Итак, мадам, говоря языком полиции, мы предлагаем вам добровольно выдать все ценности, имеющиеся в этом доме, включая брильянты. В случае отказа вам придется страдать. Ну и где-то в промежутках между пытками, вполне возможно, мой приятель захочет с вами поразвлечься. А когда ему это надоест, он зарежет вас, как овцу. Вот такая мизансцена. Простите великоду...

Звон разбитого стекла фотогеновой лампы прервал монолог, запахло керосином, и на мгновение стало темно, но уже через секунду все вокруг озарилось ярким пламенем, охватившим одежду говорившего. Живой факел с душераздирающим нечеловеческим криком попытался выскочить в окно, но, поняв, что оно снаружи закрыто ставнями, выбежал из дома и сломя голову понесся вниз по переулку, чтобы со всего разбегу броситься в большую сточную канаву, дном – излюбленное место купания соседских гусей. Напуганные прохожие шарахались в стороны, увидев непонятное обгорелое существо, купающееся в источающей едкое зловоние помойной яме.

В тот момент, когда на одежду Михаила пролились первые капли горючей жидкости, Рваный почувствовал удар в основание шеи и, ослабев, выронил из левой руки фомку. Послышался испуганный женский крик, а за ним резкий мужской голос скомандовал: «На пол!» Едва устояв на ногах, чудовищным усилием воли горец заставил себя выхватить из-за пояса маузер и с разворота стал палить на звук, пробираясь к выходу. Мимо него в сторону метнулось что-то темное, и резкая обжигающая боль дважды пронзила уже давно зажившую лопатку. Собрав последние силы, Рамазан все-таки выскочил из дома и проходными дворами достиг соседней улицы. Пробежав саженой двести и уже теряя сознание, он повалился в мягкую траву заброшенного вишневого сада.

Вспыхнувший огонь фосфорной спички вырвал из темноты детали недавнего погрома: пол, усеянный осколками стекла; в центре массивного зеркала зияло пулевое отверстие с разбегающимися в разные стороны паутинами трещин; деревянное кресло, обитое бордовым плюшем, навсегда лишилось спинки; о том, что в буфете еще недавно находился выставленный напоказ сервиз из дорогого китайского фарфора, можно было догадаться лишь по его отдельным фрагментам. В черном теле израненного выстрелами пианино белели сквозные дыры. Пахло гарью и порохом. Вдруг из-под кровати, словно из панциря гигантской черепахи, показался женский носик, потом высунулась голова, посмотрела по сторонам и, беспрестанно чихая от поглощенной пыли, окончательно выбралась наружу.

– Я знала, что вы придете на помощь, – чуть шевеля искусанными от страха губами, проговорила Клара. – Не позволите ли мне привести себя в порядок? К тому же я была бы вам очень признательна, если бы вы принесли из соседней комнаты один из подсвечников. Пожалуйста, поставьте его на этот столик и подождите в гостиной. А прислугу завтра же уволю – чувствую себя настоящей курицей, испугавшейся в пыли под собственной кроватью.

– Не беспокойтесь, Клара Сергеевна. Все уже позади, – поднимая с пола брошенную часть трости, успокаивающим тоном проговорил Клим Пантелеевич. Он вытер лезвие длинного,

похожего на стилет кинжала, спрятал платок в карман сюртука, вставил клинок обратно в ножны и закрутил до упора. Получилась обычная, знакомая всем английская тросточка.

Выстрелы разбудили успевшую заснуть улицу. Залаяли собаки, и в соседних домах загорелись окна. Послышалась трель свистка дворника.

Выполнив просьбу хозяйки, Ардашев зажег свечи в гостиной, внимательно рассмотрел свежие точки входных пулевых отверстий в новом пианино и открыл верхнюю крышку. В противоположной стенке инструмента виднелась пуля, задевшая не только молоточки, но и даже абстракт – приспособление для передачи движения от одного рычага к другому. Он попытался взять несколько аккордов и проиграть несложную мелодию, но из-за поломки некоторые ноты либо вообще молчали, либо досадно фальшивили, хотя струны и не были повреждены. Адвокат встал на колени и, вытащив крепежный клин, некоторое время исследовал нижнюю часть инструмента, но потом, видимо разочаровавшись, отряхнул брюки и устало плюхнулся в мягкое кресло, поблагодарив Господа за очередное чудесное спасение.

По старой, выработанной еще в заграничных командировках привычке, он прикрыл глаза и мысленно принялся анализировать случившееся: «Этих двоих я заметил еще в тот момент, когда закрывал калитку. Затем, чтобы выпасть из их поля зрения, я перешел улицу и, находясь в полной темноте, уже невидимый, повернул назад. Некоторое время мне довелось ждать, пока злоумышленники попадут во двор. Повезло, что они не выставили наблюдателя. Поняв, что они внутри, мне всего-то и надо было вытащенным из трости кинжалом сбросить крючок калитки и войти. А дальше? План был ясен. Поскольку преступники находились на свету, то из темноты было намного легче подкрасться сзади незамеченным. Сливаясь со стенами, я бесшумно перемещался по коридору, не выпуская из поля зрения стоящих ко мне спинами людей. Имеют ли они при себе огнестрельное оружие или нет, я точно не знал, но действовал исходя из предположения об их вооруженности. Главное, как можно дольше сохранять основное преимущество – оставаться невидимым. Один из грабителей стал как раз под керосиновой лампой с редко встречающимся стеклянным резервуаром для горючей жидкости, поэтому я и решил с помощью второй части трости ее разбить. Эффект превзошел ожидания. И пока горемыка метался в огне, ребром ладони правой руки я попытался сокрушить второго разбойника, одновременно дав команду хозяйке «На пол!». Клара не просто упала вниз, она догадалась еще и заползти под кровать, оставшись в итоге целой и невредимой. Но удар, видимо, оказался недостаточно силен, и бандит стал палить... Слава богу, я успел уйти из-под линии обстрела, дважды всадив ему в спину кинжал. Их преследование для меня могло оказаться опасным безрассудством. К тому же они скрылись в разных направлениях».

Из полузабытья Ардашева вывела мелодия популярной оперетты Кальмана. Золотые карманные часы фабрики Мозера проигрывали ее каждые полчаса. Клим Пантелеевич открыл крышку – стрелки показывали десять. «Полиция явно не торопится», – подумал присяжный поверенный. – Остаться на месте – значит встретиться с властями и дать подробные объяснения о цели позднего визита к вдове, что вряд ли добавит уважения к ее и без того сомнительной репутации. Стало быть, надо уйти еще до их появления».

Рассуждения прервались звуком распахнутой двери будуара – в комнату вошла Клара. Строгое темно-синее платье в меру облегалo изящную фигуру, в нужных местах подчеркивая ее несомненные достоинства. Белый кружевной воротник удачно гармонировал с темным фоном наряда и придавал ему некоторую воздушность, а в сочетании с двумя маленькими косичками, перевязанными алой лентой, напоминал праздничный наряд гимназистки старших классов. «Удивительные создания русские женщины! Еще четверть часа назад испуганная особа навсегда прощалась с жизнью, слабо надеясь на спасение. Вокруг нее разлетались осколки стекла, а пистолет налетчика извергал языки пламени, и казалось, путь ее на этом свете вот-вот оборвется. Но стоило опасности отступить, как дама уже всецело поглощена мыслями о своей внешности. И она может начать расстраиваться по сущим пустякам, например, из-за того, что накидка из яркого шелка не совсем подходит в тон платью, а непокорный локон упорно выбивается из прически...» – улыбнулся своим мыслям адвокат.

– И что означает сия ироничная улыбка на лице моего спасителя?

– Откровенно говоря, Клара Сергеевна, я завидую вашему спокойствию и умению стоически переносить испытания, уготованные судьбой. Позвольте восхититься – вы прекрасно выглядите, несмотря на недавний налет.

– Благодарю вас. Получить комплимент от искушенного жизнью солидного господина с утонченным вкусом – дорогого стоит. Вы к тому же еще и музицируете? До меня донеслись звуки одной популярной мелодии.

– Надо признать, что инструмент изрядно испорчен, однако выбрасывать его не стоит, возможно, пианино еще удастся отремонтировать. Клара Сергеевна, прошу извинить меня, но я должен спешно покинуть ваш дом, и будет лучше, если вы не станете упоминать полиции о моем присутствии. Просто расскажите им о том, что к вам ворвались какие-то люди и вы, услышав шум в передней, спрятались под кроватью. Потом в комнате вдруг раздалась стрельба, и лихоимцы, разнеся все в пух и прах, так же внезапно исчезли. Кто они, что им было нужно, вы, естественно, не знаете и даже не можете предположить. Вот и все. Больше – ни слова. Ну, а мне понадобится некоторое время, для того чтобы разобраться в случившемся происшествии. Вам, я уверен, уже не стоит опасаться подобных визитов. Этим разбойникам придется еще долго зализывать раны. И кстати, горничную увольнять пока не следует, пусть ночует в доме.

– И после всего того, что здесь произошло, вы уходите, так ничего и не объяснив? Да ведь мы оба только что были на волосок от смерти! И вы оставляете меня одну с этими неотесанными полицейскими? – возмущалась Клара.

– К сожалению, это есть суровая жизненная необходимость, – улыбнулся на прощание Клим Пантелеевич и покинул комнату, оставив на лице дамы легкую печать разочарования.

Тропинка шла через дворы и выводила на параллельную улицу. Оказавшись у плетеной изгороди, отделявшей старый сад от возделанных кем-то грядок, адвокат выбросил испачканный чужой кровью носовой платок. Он не заметил, как снизу, вжавшись в землю, на него смотрели два ненавидящих человеческих глаза. Как только господин в котелке удалился, Рамазан из последних сил дополз до брошенного куска материи, сжал его в кулак и снова потерял сознание.

Слегка выбрасывая вперед трость, быстрым шагом уверенного в себе человека присяжный поверенный уже выходил к Николаевскому проспекту.

22

Раздавленная желчь

Доршт понимал, что Ардашев его переиграл. Он был первым, кому это удалось. Оказавшись волею судьбы в этом захолустье, Вениамин Яковлевич не переставал удивляться патриархальным устоям, царившим между людьми. Искушенный в великосветских интригах, сплетнях и коварстве, заезжий биржевой игрок чувствовал себя заправским шахматистом, на много ходов вперед просчитывающим поступки провинциалов. Ставрополь был непаханым полем доверчивых денежных мешков. Купцы по старинке верили на слово и даже не пытались друг друга обманывать. Зато чиновники вовсю паразитировали на доверчивых горожанах, и взяточничество процветало. Одним словом, было где развернуться.

Ну, а чтобы полностью овладеть ситуацией и получить доступ к самым увесистым кошелькам губернии, нужно было всего ничего: собрать информацию о финансовом положении местной элиты и об источниках их богатства. Как нельзя лучше для этого подходила деятельность этакого, сидящего с утра до вечера за кипами биржевых сводок, скрытого домашнего умника-финансиста. В таком городишке, как этот, фурор можно было произвести необычайно легко. Стоило, допустим, заказать корреспонденцию в несусветных количествах или послать несколько десятков срочных телеграмм по поводу биржевых торгов, как это сразу привлекло интерес и внимание скучающей публики. Эпизодические расходы на почту или телеграф были несравненно меньше, чем возможные годовые издержки по найму помещения для конторы, содержанию помощника или секретаря.

Слухи в провинции разбегаются быстрее мышей, особенно если их подтолкнуть. И даже любимое занятие по ювелирному искусству и то было поставлено на службу главной цели. Конечно, это требовало затрат. А кто сказал, что успех дается даром? Строительство вычурного дома, устройство сада в английском стиле, изготовление дорогих золотых побрякушек – все это не только доставляло удовольствие, но и создавало образ успешного и богатого биржевого маклера, сколотившего на игре целое состояние. Им было невдомек, что все деньги принадлежали жене и ее родителям – известным астраханским соледобытчикам. Но как бы там ни было, Вениамин уехал на периферию, чтобы разбогатеть. А Ставрополь выбрал потому, что из этого губернского центра у него точно не было клиентов, чьи деньги он так бездарно спустил, скупая обесценившиеся акции зерновых компаний перед беспорядками пятого года. Кто же знал, что эта революция закончится только спустя пару лет?

Постепенно его стали приглашать в лучшие дома, где он дарил хозяевам собственноручно изготовленные ювелирные подарки... А дальше произошло то, к чему он так стремился: слабый денежный ручеек потек и постепенно превратился в стремительную и полноводную денежную реку. Надо признать, что, давая финансовые консультации, он сам наконец разобрался в тонкостях работы с ценными бумагами. Прошло неполных два года, и суетливый молодой человек, нахватавшийся вершков у старших коллег, превратился в достаточно солидного и умудренного опытом прошлых ошибок дельца. Капитал рос и приумножался. Но становилось скучно. И он начал, как говаривал сам, «моделировать ситуации» – создавать трудности ничего не подозревающим состоятельным господам, чтобы позднее за их же деньги помочь им в решении невесть откуда взявшихся проблем с учетом собственных меркантильных интересов. Для этого все средства были хороши. Он называл это игрой, и она приносила удовольствие. В конце концов некоторые его клиенты попадали в полную финансовую зависимость от него, сами того не ведая. Над ними он получил власть и вместе с тем сладкое ощущение интеллектуального превосходства.

«Да вот взять хотя бы покойного Соломона. Скольких трудов стоило войти в их дом! А потом открыть влюбленному по уши еврею глаза на измену молодой жены с этим поручиком. А ведь еще надо было эту парочку «случайно» познакомить! И зашатался Соломон как треснутая осина на ветру, заметался из стороны в сторону, точно загнанный волк, и давай совершать ошибки одна страшнее другой: помчался во Францию, набрал дорогих кредитов, купил уйму драгоценностей, заложил все имущество и, в итоге запутавшись, ушел на тот свет... Но камни-то остались... и с ними должна была явиться на поклон госпожа Жих и умолять меня об их приобретении. А мне лишь надо было обозначить условия. И все! Но вдруг, откуда ни возьмись, появился этот Клим Пантелеевич, который теперь сам диктует мне условия: открыть Кларе счет в банке и перечислить на него кругленькую сумму! Сразу же после телефонного разговора с присяжным поверенным протелефонировала эта недалекая дамочка и давай торопить меня с деньгами... Драгоценности, как я и рассчитывал, станут моими, но по какой цене?! Ардашев выставил сумасшедшую стоимость, и когда я сказал ему об этом, то услышал ответ: «Даже такая цена не может окупить подлость, которую вы совершили, подбросив несчастному Соломону известную вам открытку с пошлостями. Можете считать это контрибуцией». И как он об этом узнал?» – размышлял над своим поражением Вениамин Яковлевич и дымил кубинской сигарой. Дорогой «Н.Уртманн-1844» не доставлял привычного удовольствия, и рот разъедала терпкая никотиновая горечь, будто раздавили желчь.

23

У истоков операции

Губернатор молча скользил угрюмым взглядом по сосредоточенным лицам чиновников, сидящих за длинным столом из полированного дуба. Он выдерживал паузу, чтобы затем, как обычно, едва слышимым голосом начать совещание. Подчиненным, чтобы расслышать тихую речь генерала, приходилось вытягивать шеи, и это в душе всегда смешило его, потому что в эти минуты они напоминали ему гусей.

Вот и сейчас, ожидая разноса, присутствующие уставились в крышку стола, боясь поднять глаза. Только Фаворский, казалось, ни на что не обращал внимания и с невозмутимым видом рассматривал серебряные крышки хрустальных чернильниц на письменном приборе и, даже встретившись взглядом с хозяином кабинета, не смутился. Это спокойствие раздражало, и Рейнбот, забыв о заготовленной театральности, начал резко и сразу на негодующей ноте:

– Господа, уже несколько последних месяцев нашу губернию сотрясают громкие и неслыханные по дерзости преступления. Ограбления почтовых карет, нападение на поезд и убийство двух французов, а потом и уважаемого в городе коммерсанта, задушенного чуть ли не под моими окнами, а теперь еще и ужасная смерть этого заезжего артиста! Дошло до того, что сам министр внутренних дел телефонирует мне и спрашивается о том, какие меры принимаются нами по раскрытию этих, я бы сказал, чрезвычайных происшествий! Ничего себе – дожили! Я прошу вас сообщить о состоянии дел по выявлению лиц, учинивших все названные злодеяния. Итак, Ипполит Константинович, вам слово.

– Ваше превосходительство, силами полиции раскрыто не только убийство Соломона Моисеевича Жиха, но и господ Делавинь, следовавших кавказским скорым поездом в Ставрополь. В настоящее время мы усиленно работаем над расследованием дел по учиненным смертоубийствам актера Абрашкина, двух фельдъегерей (Тучкова, Трофимова) и кучера Можайкина. В руке Трофимова найдена черная жемчужина, вероятно от женских бус. Его жена ничего объяснить по этому поводу не смогла. До сих пор неясно, почему никто из сопровождающих почту так и не успел воспользоваться оружием... По этому делу пока имеется один подозреваемый... Это находящийся в розыске беглый каторжник Рамазан Тавлоев. В скорости мы надеемся выйти на его след.

– Потрудитесь доложить подробнее, – начальственным голосом, с тенью заметного раздражения потребовал Рейнбот. Тугой, излишне накрахмаленный белый воротничок форменной сорочки неприятно натирал шею, отчего губернатор во время разговора то и дело вытягивал вперед подбородок, одновременно слегка наклоняя голову влево. Пустяковое, на первый взгляд, неудобство стесняло, он нервничал и от того злился.

– Слушаюсь, ваше превосходительство. Итак, с полным основанием мы можем считать, что все четыре убийства – Жиха, отца и сына Делавинь, а также артиста Абрашкина – звенья одной цепи. Как следует из письма, оставленного господином Жихом у нотариуса за несколько часов до смерти, именно он и заказал крупную партию драгоценных камней у французской фирмы «Бушерон», а Делавинь следовали в Ставрополь для совершения с ним этой сделки. Но актер, зная об этом, вместе со своим сообщником совершил нападение на поезд, переодевшись в национальную одежду горцев. Завладев драгоценностями и рекомендательным письмом, он представился французом и продал камни Соломону Моисеевичу, который только на следующий день из газет узнал о происшествии в московском поезде. Позднее, отправившись в театр, во время спектакля он опознал в артисте лжефранцуза и в антракте потребовал вернуть деньги в обмен на драгоценности. Встреча должна была состояться на Николаевском проспекте в семь вечера, где потерпевший впоследствии и был удушен струной от пианино, вероятно, самим Абрашкиным. А всего через день артиста прикончил его же сообщник. Таким образом, получается, что нам осталось разыскать убийцу актера, а находящегося под стражей поручика Васильчикова – выпустить на свободу, – выдохнул полицмейстер в ожидании реакции губернатора.

– Что скажете, господин Фаворский? Получается, что на этот раз сыскная полиция вас обскакала? – Генерал пристально смотрел на поручика.

– Ваше превосходительство, я, конечно, рад, что обозначился некоторый просвет в расследовании преступления на бульваре, однако же касательно нападения на поезд... здесь не все так просто... Разрешите я передам слово господину следователю?

Губернатор согласно кивнул, и Фельденкрейц, неловко привставая, принялся судорожно листать свой блокнот, но, найдя нужную страницу, тотчас же успокоился и стал докладывать:

– Как следует из заключения врача, проводившего вместе со мной первичный осмотр трупов, смерть отца и сына Делавинь наступила приблизительно часа за три до вооруженного нападения так называемых «горцев». Предполагаю, что эти два господина к моменту нападения были уже отравлены сильнодействующим ядом, смешанным с большой дозой снотворного. На это

указывает целый ряд признаков: обильное слюноотделение на подушке, запавший в гортань посиневший язык у каждого из покойных, расширенные зрачки и успевшие проявиться трупные пятна на теле. Это же подтверждено и результатом вскрытия. Яд – алкалоид токсин.

– Выходит, что налетчики и не подозревали о том, что французы уже были мертвы? – прервал следователя Рейнбот.

– Именно так, господин генерал. Палили из маузеров и почем зря.

– А раз так, то смею предположить, что тот, кто их отравил, никак не связан с этой бандой, – предположил губернатор.

– Так точно, ваше превосходительство.

– Более того, получается, что сам преступник, скорее всего, находился в поезде до его прибытия в Ставрополь и благополучно сошел на перрон, – продолжал рассуждать губернатор.

– К сожалению, по всей вероятности, так оно и было, поскольку мы считали, что грабители скрылись сразу после нападения, и я не видел необходимости проверять и обыскивать пассажиров, – опустив глаза, оправдывался Фаворский.

– Что скажете, господин полицмейстер?

– Ваше превосходительство, осмелюсь заметить, что начальник жандармского отделения, равно как и судебный следователь, посчитали для себя не обязательным информировать полицейское управление о заключении врача...

– Господа, я не намерен выслушивать ваши взаимные и бесконечные упреки. Учитывая, что все присутствующие здесь включены в состав созданной мною комиссии, любое соперничество между двумя ведомствами выглядит, мягко говоря, довольно глупо. А посему приказываю незамедлительно извещать друг друга обо всех известных фактах. И еще... А что это за горящий демон носился вчера по городу, пугая прохожих?

– Разрешите, ваше превосходительство? – с позволения полицмейстера приготовился объясниться Поляничко.

– Слушаю.

– Вчера двое грабителей ворвались в дом вдовы Жих и устроили там стрельбу, но, видимо, случайно разбили фотогеновую лампу и сами же по неосторожности загорелись. По крайней мере, именно так объясняет Клара Сергеевна.

– Прямо чертовщина какая-то. А вы что скажете, господин Фаворский?

– Ваше превосходительство, я имею сведения, что там не обошлось без своего рода ангела-хранителя, который с недавних пор оберегает вдову.

– И кто же он?

– Присяжный поверенный окружного суда, отставной коллежский советник и бывший начальник Азиатского департамента министерства иностранных дел России, находившийся в личном подчинении у принца Ольденбургского, – Клим Пантелеевич Ардашев, – проявил осведомленность ротмистр.

– Ого! Вот это птичка к нам залетела! И давно он здесь обосновался?

– С весны, ваше превосходительство. Ставрополь – место его рождения.

– Выходит, на родину потянуло? А что это он с этой вдовой стал возиться?

– Разрешите, ваше превосходительство, – оживился полицмейстер и, получив утвердительный кивок генерала, продолжил: – Жих, как следует из предсмертного письма, был у Ардашева незадолго до того рокового дня на проспекте и попросил его, в случае наступления каких-либо непредвиденных обстоятельств, защитить жену, а если с ним что-то произойдет, то найти его убийц. Вот господин присяжный поверенный и проводит собственное расследование.

– Так это адвокат вам передал письмо? – догадался Рейнбот.

– Он, ваше превосходительство, – отрапортовал Фен-Раевский.

– Я думаю, что само провидение послало к нам этого господина из ведомства принца. Я слышал об их подготовке. Насколько я знаю, они до самой смерти числятся в действующем резерве своего ведомства. А потому, господин Фаворский, попрошу вас поделиться с этим адвокатом имеющейся информацией, естественно в разумных пределах, и, если он согласится, попросите его помочь в поиске соучастника убийства Жиха. А то, не ровен час, вы с полицмейстером из-за неуместного соперничества подведете меня под монастырь. Завтра мне снова докладывать Петру Аркадьевичу о наших «успехах»... А ситуация, смотрю, полностью так и

не прояснилась. Ладно. А теперь, господа, мне бы хотелось знать, какие вы конкретно собираетесь предпринять меры по поимке шайки, совершающей нападения на казенные кареты? – обратился к чиновникам генерал.

– Если позволите? – проявил инициативу ротмистр и, получив согласие, начал излагать план: – Считаю необходимым новое проведение операции, но в целях соблюдения секретности в ней должны принять участие только те, кто находится в этом кабинете и, возможно, еще один человек, я имею в виду себя, представителя сысского отделения (например, господина Каширина) и, возможно, кого-то из офицеров драгунского полка. Кстати, этот арестованный поручик участвовал в японской кампании, их часть стояла рядом с нашей. Он один из немногих среди драгун удостоенный знака императорского приза «За стрельбу из револьвера» и храбр, говорят, безмерно. Думаю, стоит переговорить с полковым начальством по поводу его участия в планируемом мероприятии.

– И не забудьте извиниться перед ним, господа полицейские. Однако же, я думаю, и ему тоже следовало вести себя поосмотрительнее и больше уделять времени службе, а не сердечным делам. Слава богу, вовремя разобрались, – напутствовал губернатор. – Продолжайте, ротмистр.

– Считаю, что теперь надобно загрузить в экипаж мешки с подлинными банкнотами, а не старые газеты, как это было прежде. Учитывая провал прошлой операции, я предполагаю, что среди почтовых служащих, вероятно, имеется информатор, связанный с грабителями. Исходя из этих соображений нам следует соблюсти естественность событий, не вызывая у него подозрения. Фельдъегеря выедут из Ставрополя, кучера я предупрежу заранее, и у села Михайловского мы поменяемся каретами и перегрузим деньги. В целях соблюдения секретности все сопровождающие почту лица, включая возницу, останутся в доме станового пристава ожидать нашего возвращения. Ну, а мы отправимся на поимку банды. Место сбора – двор полицейского управления. Время выдвижения – восемь утра.

– Только втроем? – ненароком вырвалось у Каширина.

– Да. Считаю, что налетчиков скорее всего двое, от силы – трое. Толпой набиваться в экипаж не имеет смысла – будет тесно, душно, да и дорога слишком длинная. Господин Каширин за кучера, и мы с Васильчиковым внутри. Лучше возьмем по паре револьверов и драгунские винтовки. Главное, господа, освободите поручика поскорее, – обратился к полицейским Фаворский.

– Когда планируете провести мероприятие? – уже подобревшим, почти отеческим тоном спросил губернатор.

– Дней через пять-семь, ваше превосходительство.

– Постойте, господа, надо ведь дать какое-то название этой операции. Какие будут предложения?

В кабинете воцарилось недолгое молчание, нарушенное жандармским начальником:

– А что, если – «Меч Немезиды»?

– На том и остановимся! Был бы помоложе – отправился бы с вами. Вас, ротмистр, назначаю старшим, и действуйте сообразно обстановке. Ну да с богом! Все свободны, господа.

Чиновники и офицеры торопливо освобождали кабинет и один за другим скрывались за высокой двухстворчатой дверью, и только Каширин осторожно задвинул на место стул и, с трудом передвигая ватными, точно парализованными ногами, дошел до середины комнаты и, вдруг обернувшись, пролепетал осипшим от страха голосом:

– Ваше превосходительство, простите великодушно... но мне никак невозможно... у меня жена и дети... болеют часто...

Губернатор, не отрывая голову от изучения бумаг, сухо произнес:

– Ступайте, господин полицейский, и выполняйте свой долг.

– Да, да, конечно. Это я так...

Маленький человек вышел, старательно затворил за собой дверь с обратной стороны, перекрестился и, тяжело вздохнув, стал спускаться к выходу по серым ступенькам большой мраморной лестницы.

24 Свобода

Тюрьма. Здесь время стоит на месте, а все остальное движется. Каждый, кто был в неволе, навсегда запомнит, как выскакивало у него из груди сердце, когда темница оставалась позади. Свобода! Понять ее пьянящий запах может только тот, кто долго был ее лишен. Даже солнце, небо, дождь или ветер на свободе другие – от них пахнет свежестью и добром. А женщины? Они кажутся богинями, сошедшими с небес, и все, исключительно все – красавицы.

От нахлынувшего счастья хочется зажмуриться и закрыться рукой, чтобы не ослепнуть. Первое время не верится, что можно идти куда хочешь и никто не окликнет. Но все равно липкая паутина страха еще рядом, и часто ночью кажется, что ты еще там, в остроге, за высоким забором, среди таких же, как и ты, несчастных и потому озлобленных людей.

Но приходит утро, и кошмар рассеивается, на окнах зеленеет герань, рядом висят знакомые с детства белые кисейные занавески, под выбеленным до синевы потолком в клетке трещит канарейка, сладкий запах черемухи дурманит, а церковный звон успокаивает измученную ночными кошмарами душу.

Поручик Васильчиков, в потрепанной тужурке и с узелком в руке, вышел за тюремные ворота. Перед ним гигантскими виселицами возвышались старые, наполовину мертвые тополя. Он отчего-то усмехнулся и, забросив нехитрую поклажу на плечо, побрел по тропинке в сторону Петропавловской площади.

– Броня! Бронечка! Милый! – донеслось издали. Обернувшись, он увидел Клару. Прикрывшись веером, она сидела в коляске с накинутым верхом в каких-нибудь пятидесяти шагах от него и махала рукой, видимо боясь, что он ее не заметит. «А все-таки женщины странные создания, – подумал поручик. – И зачем кричать? Достаточно было приказать извозчику просто догнать меня. Ах, Клара, Клара, как же ты прекрасна!» Не дожидаясь кареты, он сам, так же не логично, пошел ей навстречу.

Всю дорогу она всхлипывала, сжимала его огромную руку тонкими дамскими пальчиками и, заглядывая в глаза, задавала ему один и тот же вопрос: «Ты, наверное, очень скучал по мне? Правда?» Он молчал и только нежно касался губами ее щеки. Клара удовлетворенно вздыхала и, довольная, опускала красивую головку на его плечо.

Свою квартиру Бронислав не узнал. Такой чистоты у него никогда не было. Посередине комнаты стоял сервированный по всем правилам стол, накрытый белоснежной скатертью, увенчанный хрустальными бокалами, с аккуратно уложенными накрахмаленными салфетками и серебряными столовыми приборами. Приятно пахло жареным мясом, свежими овощами и крошкой. Да! Да! Да – его любимой крошкой!

– Ты чудо, Клара! И самая настоящая волшебница!

Он поднял ее на руки и стал кружить по комнате. А Клара, как в детстве, от радости и какого-то необъяснимого страха почему-то зажмурилась глазами.

Потом он долго принимал ванну и все никак не мог отмыть кисло-горький, потно-приторный запах тюрьмы, липкими миазмами ввевшийся во все поры человеческого тела.

За стол они так и не сели... Они просто придвинули его к кровати. В коротких перерывах Клара взахлеб рассказывала о визите Пейховича, об Ардашеве, о том, как он ее защитил, об убитом артисте, о камнях, спрятанных в монпансье, о пузырьке с каплями, Дорште, о наглом городском, сломавшем зуб, об усатом таракане Поляничко и опять об Ардашеве.

– Ты так много говоришь об этом Климе Пантелеевиче, что я скоро начну тебя к нему ревновать, – игриво, но с едва заметной ноткой обиды в голосе прошептал любовник.

– Какие глупости! Тоже мне – нашел соперника! У него ведь жена, которую он очень любит. И потом, мы с тобой – грешники, а он совсем не такой, он другой...

– Вот-вот, я об этом и говорю. Сначала мне придется его, видимо, поблагодарить за то, что он сохранил для меня такую аппетитную и ненасытную нежную курочку, а потом я вызову этого присяжного поверенного на дуэль, потому что эта самая курочка слишком много кудахчет о нем! – дразнил Клару поручик.

– Ах так! Это я-то курица? А кто у нас такой важный и к тому же задиристый петух? А?

Они дурачились, проваливаясь снова и снова в бесконечную пелену любовного наваждения, и только к утру заснули. Это была их первая спокойная ночь. Теперь уже не надо было торопиться домой и придумывать несусветные истории для Соломона, которые они, покатываясь со смеху, еще недавно сочиняли вместе с Броней. Не было надобности и стыдливо отводить взгляд, прочитав в супружеских глазах немой укор. Но мужа, пусть даже несчастного и обманутого... его все равно больше нет. А она – есть! Броня – есть! Жизнь – есть! Она стремительна и быстротечна, как горная река, и надо успеть ею вдоволь насладиться.

Счастливая Клара по-детски улыбалась во сне. Она так и не вспомнила, что истекли девятые сутки, как не стало Соломона. Весь день его грешная душа мучилась и страдала под сводами церковного храма, но так и не услышала о себе заупокойной молитвы. А вечером она полетела домой, все еще надеясь обрести утешение в спасительном пламени поминальной свечи. Но и его никто не зажег, и тогда, оскорбленная и униженная, она унеслась прочь, покинув навсегда дом, в котором о ней забыли.

25

Голландская печь и пироги с зайчатинной

– Видите ли, уважаемый Клим Пантелеевич, последнее время с почтовой корреспонденцией в нашем городе прямо чудеса всяческие творятся. Второго дня доставили мне от матушки из Смоленска письмецо, в которое, как она пишет, на гостинцы внукам было вложено пятьдесят рублей. Но в конверте их не обнаружилось. И знаете, это уже не первый раз. Я, право, не знаю, что и думать. К приставу нашего участка я давеча обращалась, да что толку? Твердит одно и то же: «Могли вытащить на почте отправителя или по дороге. Почему обязательно у нас надо жулика искать?» Так ведь если бы я одна такая была, а то вот и модистка знакомая как-то обмолвилась, что и у нее такое злоключение случалось. Раз на раз не приходится. Но люди мне посоветовали обратиться к вам. Вы же как-никак из столицы! Не то что наши доморожденные адвокаты. Они с почтой ссориться не станут. Отыщите вора, а мы уж с мужем за ценю не постоим, заплатим, только помогите.

– А письмо у вас с собой?

– Вот, пожалуйста. – Дама с готовностью достала из сумочки письмо и передала присяжному поверенному.

Ардашев поднялся с кресла, достал из выдвижного ящика стола большую лупу с деревянной ручкой и с ее помощью стал обследовать обратную сторону конверта, поворачивая его под разным углом к солнечному свету. Потом высыпал из круглой баночки в конверт какой-то черный порошок, потряс его пару секунд и аккуратно пересыпал назад. Некоторое время в комнате стояла тишина, нарушаемая лишь криком уличной ребятни.

– Вы правы, письмо вскрывали у нас. Полагаю, найти похитителя большого труда не составит. Для этого мне придется пройти на почту и там, на месте, во всем разобраться. Вы позволите пока оставить эту корреспонденцию у себя?

– Конечно, конечно. Но, знаете ли... матушка на старости лет стала излишне сентиментальной, и я бы не хотела, чтобы посторонние люди читали ее послание.

– Не извольте беспокоиться, в этом нет надобности. Почтовое начальство может заинтересовать лишь то место, где говорится о посланной сумме. Я думаю, уже сегодня или, по крайней мере, завтра мы сможем найти виновника кражи.

– Дай-то бог! Не откажите в признательности за доставленное вам беспокойство. – Дама положила на стол банкноту достоинством в пятьдесят рублей.

– Готов принять сие вознаграждение, но только ради удовлетворения вашей щепетильности, сударыня. Благодарю.

Ардашев, проведив посетительницу, вернулся, взял письмо, надел котелок, отправился вверх по проспекту, по привычке слегка выбрасывая вперед трость. Он решил доставить себе немного

удовольствия и прогуляться через всю Воронцовскую рощу, с тем чтобы сразу выйти на Почтовую улицу, где и располагалось ведомство Расстегаева.

Дойдя до угла Николаевского проспекта, присяжный поверенный повернул к Европейскому переулку и дальше – к самой роще, давно превращенной заботливыми руками садовника Новака в райский, обожаемый всеми горожанами уголок. Летом здесь можно было встретить только тех, кто еще не вырвался на воды, на Черноморское побережье и тому подобные места беззаботных прогулок, флирта и прожигания заработанных за холодную зиму капиталов.

Величавые и грациозные белые лебеди неторопливо проплывали под сводчатым каменным мостом, перекинутым через овальный пруд с хрустальной родниковой водой. Безмерно важные и оттого смешные павлины, привезенные из далекой Персии, почему-то всегда напоминали Ардашеву раздутых от сознания чрезмерной значимости чиновников окружного суда в расшитых золотыми позументами мундирах.

Ротонда, фонтан, посыпанные песком извилистые дорожки тисовой аллеи, яркая до неестественности красота и благоухание крымских цветов, нескончаемое чириканье птиц создавали настроение покоя и душевного блаженства. Похожее состояние можно было сравнить только с той редкой умиротворенностью, которая посещает измученную суетой человеческую душу во время ранней молитвы в еще пустой и не разбуженной заутренним колокольным звоном церкви.

Ближе к выходу, под сенью широких кленов и раскидистых лип, в разнобой, точно исполинские сыроежки, выросли столики; по соседству с ними «толпились» смешные пузатые пивные бочонки. А рядом – разложенные на льду осетровые и севрюжьи балыки, копченая навага, аучевская малосольная паюсная и зернистая кетовая икра, кавказские раки и жирная керченская сельдь. Услужливые официанты предлагали отведать к пиву рокфор, честер, львовский, осетинский, мешчерский и швейцарский сыры, а также королевских омаров, креветок, подсолненных тыквенных семечек, бубликов и соленых сухариков... Мороженое, сельтерская, соки...

Под ракушкой, на сцене, расположился духовой оркестр. Марш, полька, вальс, кадрили... Вальс, полька, кадрили и в заключение опять марш... На двух круглых тумбах пестрели афиши: «Любимец ставропольской публики – австрийский цирк «господина Макса! С его неутомимыми эквилибристами, жонглерами, дрессированными лошадьми и отчаянными гонщиками на самокатах!»... Ленивое южное лето... Город отдыхает...

У здания почтового ведомства стоял городской и полицейская пролетка – верный знак неожиданного происшествия. Поднявшись на второй этаж, Ардашев увидел начальника сыскного отделения, его заместителя, почтмейстера, уже знакомого судебного следователя Чебышева и небольшого роста, щуплого человека лет пятидесяти, с бакенбардами, лицом желтого цвета и с волосатыми родинками на щеках и подбородке. Он постоянно курил и время от времени нервно поддергивал правой ногой.

– Доброе утро, господа. Не иначе как воры уже и на почту пробрались? – Широко улыбаясь, присяжный поверенный кивком приветствовал собравшихся чиновников.

– А вам, Клим Пантелеевич, откуда это стало известно? – подозрительно поглядывая на Ардашева, задал вопрос Каширин.

– Ну, это совсем просто: городской на дверях, судебный следователь, начальник сыскного отделения и даже вы, Антон Филаретович, здесь – стало быть, преступление, а поскольку нет медицинской кареты и врача, следовательно, убийством не пахнет. Ну а какое другое происшествие может быть обнаружено утром в почтовой конторе? В девяти из десяти случаев – кража, – развел руками адвокат.

– Вы правы, Клим Пантелеевич, – взволнованным голосом заговорил почтмейстер. – Мой заместитель – Афанасий Федорович Тюлькин, – кивнул в сторону дымящего папирисой невысокого почтового служащего Расстегаев и продолжил: – Сегодня утром обнаружил, что дверь в его кабинете взломана, ящик стола, в котором хранился ключ от сейфа с ценностями, – открыт, ну и сейф, понятно, тоже нараспашку. Государственных казначейских билетов на сумму почти сто тысяч рублей – и след простыл. Так-то. Сторож клянется, что кроме него в здании ночью никого не было. Окна в кабинете Афанасия Федоровича были закрыты изнутри на шпингалеты. А деньги только вчера вечером поступили, для дальнейших выплат по уездам. Ну и чтобы не было

кривотолков, скажу: мы вместе с господином Кашириным опрашивали сторожа, он рассказал, что сам господин Тюлькин покинул контору примерно в восемь тридцать, перед уходом они разговаривали и руки у моего заместителя были совершенно пустыми, а значит, какие-либо подозрения в адрес моего коллеги беспочвенны. Кроме него на почте оставался еще письмоводитель. Он убыл последним, где-то часов в десять. Да он вчера так набрался, что мы до сих пор никак не можем привести его в разумение. Беда-то какая! Не носить мне головы!

– Позвольте осмотреть кабинет?

– Да, конечно, Клим Пантелеевич, пройдемте. – Не ожидая разрешения Чебышева, Константин Виленович на правах хозяина ведомства повел за собой адвоката.

Обычный кабинет чиновника средней руки ничем примечательным не отличался. Письменный стол у окна, на нем пустой подсвечник, приборы, какие-то бумаги и выдвинутый наполовину ящик. В углу напротив стыдливо выставил на всеобщее обозрение пустые внутренности распахнутый сейф. От денег остался лишь брошенный бесполезный мешок с осыпавшимся красным сургучом. У самого входа на трех ногах возвышалась старая, слегка покосившаяся деревянная вешалка, а чуть поодаль – конторская этажерка с кипой толстенных серых картонных папок.

Ардашев раскрыл окно и свесил голову вниз, пытаясь что-то рассмотреть сверху.

– Вот видите, Клим Пантелеевич, вор взломал фомкой дверь, – указывая на отломанный кусок планки у самой двери, взялся объяснять следователь. – Затем отмычкой вскрыл ящик письменного стола (единственный ключ от него господин Тюлькин носит всегда собой), завладел ключом от сейфа и, забрав деньги, преспокойно покинул кабинет через окно.

– Да, но окна были закрыты изнутри на шпингалеты, – вмешался в рассуждения следователя Поляничко.

– Совершенно верно! – явно торжествуя победу над несмышлеными коллегами, согласился судебный следователь и добавил: – Обратите внимание на эту маленькую лужицу на подоконнике...

– Вы хотите сказать, что преступник подложил под шпингалет кусочек льда и только потом захлопнул снаружи окна? – опередил следователя присяжный поверенный.

– Именно так, – растерянно протянул Чебышев и стал похож на обиженного ребенка, которому не дали дорассказать придуманную им самим увлекательную историю.

– Но для того чтобы закрыть снаружи окно, держа в руке сумку с деньгами, ему понадобилась бы лестница или, по крайней мере, ходули, так как межэтажный выступ почти полностью отсутствует и на нем устоит разве что воробей. Значит, согласно вашей версии, должен был быть сообщник, – рассуждал адвокат, раскрывая коробочку монпансье.

– Что ж, это обстоятельство еще более подтверждает мои доводы, – горячился следователь.

– А как же тогда похититель смог сюда попасть? – внес в расследование свою лепту Каширин.

– Скорее всего, зашел перед окончанием рабочего дня и где-то спрятался. Ну, допустим, под лестницей, – встрял в разговор молчавший до сей поры хозяин кабинета.

– Весьма вероятно, – кивнул начальник сыскного отделения и, достав табакерку, вытащил щепоть душистого зелья, потер крупички подушечками пальцев и, прикрыв глаза, с наслаждением вдохнул обожаемый вишневый аромат.

Ардашев, ведомый каким-то внутренним чутьем, был полностью во власти захватившего его поиска разгадки преступления и, не обращая ни на кого внимания, предпринимал только ему понятные действия. Спрятав конфеты в карман, он стал на стул и попытался разжечь керосиновую лампу, висевшую посередине, но это ему так и не удалось. Поболтав ее, он оставил светильник в покое. С помощью извлеченной из перочинного ножа отвертки адвокат раскрутил внутренний замок стола, снял с него верхнюю крышку и через складную лупу внимательнейшим образом изучил механизм. Не обращая внимания на удивленные взгляды, он подошел к голландской печи в три аршина высотой, и с довольным видом похлопал ее по белым поливным изразцам и, открыв у основания чугунную дверцу, проговорил:

– Добротная печь, господа, не так ли? – И, выдержав паузу, обратился к Расстегаеву: – Не могли бы вы, Афанасий Федорович, одолжить мне на время ваше зеркальце?

Слегка смутившись, почтмейстер все же передал адвокату требуемую вещицу.

– Разрешите, господин Тюлькин, позаимствовать ваши спички? – вновь попросил Ардашев.

Хозяин кабинета передал коробок адвокату с видом, будто расстался с фамильными драгоценностями.

Интригуя чиновников малопонятными просьбами, присяжный поверенный подошел к печи, засунул в ее чрево левую руку с зеркальцем, а правой, с зажженной спичкой, стал его одновременно освещать. После чего той же рукой что-то резко дернул, и нечто тяжелое грохнулось вниз, подняв небольшое облачко черной сажи.

Присяжный поверенный, с лицом, достойным трубочиста, выглядел довольно комично но, несмотря на это, оставался вполне серьезен:

– Вот, господин Тюлькин, и пропавшие из вашего сейфа деньги. Не изволите ли их пересчитать?

В воздухе повисла пауза. Ардашев тем временем старательно вытирал лицо белым батистовым платком с вышитыми инициалами, быстро превратившимся в черную грязную тряпку. Первым опомнился Каширин и, стрелой метнувшись к печи, вытащил за горловину туго завязанный мешок, ослабил веревки и высыпал на паркет содержимое... Пачки банкнот горкой лежали на полу.

– Доннер веттер! – почему-то по-немецки беззлобно выругался Поляничко.

Судебный следователь непонимающими глазами блуждал вокруг, не в силах объяснить произошедшее.

– Кто же деньги-то украл? – вырвалось против воли у помощника начальника сыскного отделения.

– Надеюсь, господа, мы вместе придем к верному ответу. – Ардашев сел за стол, и со стороны могло показаться, будто умудренный жизнью начальник проводит совещание. – Видите ли, сегодня утром ко мне явилась расстроенная до крайности дама... Оказалось, что ее корреспонденцию довольно часто вскрывают и похищают деньги, высылаемые ей матушкой. Полиция на жалобы никак не реагировала, а зря... Ведь тогда, вполне возможно, сегодняшней кражи могло бы не случиться... Итак, для начала мне предстояло ответить всего на один вопрос: «Где вскрывают запечатанный конверт: в почтовом ведомстве отправителя или на почте адресата?» От этого зависело, удастся ли мне найти жулика или нет. Видите ли, господа, существует три самых распространенных способа вскрытия конвертов. Их знание служит исходной точкой для данного исследования. Ну, во-первых, его можно вскрыть, подержав над паром, либо воспользоваться вторым способом – если вдоль языка конверта положить полоску пропускной бумаги и опять-таки разместить над паром, и, наконец, подвести под язык конверта очень острый нож, которым и разрезают склеенные части. Ну, а потом после этого надо его снова заклеить. Мои соображения основывались на том, что обыкновенно при заклеивании конверта по краям его языка от клея и растворяющей его воды или слюны образуется тонкая блестящая полоска. Если письмо вскрыто до наложения штемпеля в месте отправления, допустим, в Смоленске, то типографская краска штемпеля должна была лечь поверх этой блестящей полоски, и наоборот. Я исследовал конверт под очень сильной лупой, используя боковое дневное освещение, и оказалось, что блестящий слой клея лежал поверх штемпеля Смоленской почтовой конторы. Следовательно, его вскрыли здесь, в Ставрополе. Этот случай далеко не единственный. Сам жулик не имел представления о дактилоскопии, уже несколько лет широко применяемой во всем мире, а с прошлого года и повсеместно в России. Именно поэтому внутри конверта остались его отпечатки пальцев, и мне не составило труда проявить их с помощью порошка графита. Я предполагал, что вместе с вами, Константин Виленович, мы возьмем отпечатки пальцев у тех сотрудников почты, кто имел непосредственное отношение к работе с письмами. Но... Кража денег из сейфа лишь помогла установить злоумышленника наверняка, и поэтому нам стоит перейти к ней. Признаюсь честно, меня озадачил сам способ хищения, а версия Александра Никаноровича первое время казалась вполне приемлемой, но только лишь до того момента, пока я не выглянул в окно. Во-первых, не было даже малейшего выступа, на котором должен был находиться злоумышленник. А следов лестницы, приставленной к оштукатуренной фасадной стене здания, я тоже не увидел. Можно, конечно, было пофантазировать, представив преступника на ходулях, но это скорее подходит для австрийского цирка господина Макса, нежели для человека, рискнувшего пойти на преступление, наказуемое каторгой. – Присяжный поверенный встал, подошел к окну и, заложив руки за спину, некоторое время молчал,

разглядывая прохожих, потом резко повернулся и продолжил: – Но у преступника не было выбора – карточные долги.

– Вы бы уж не томили, господин присяжный поверенный. А? – взмолился Каширин. Но адвокат оставил его реплику без внимания.

– Вор перехитрил сам себя, хотя ему казалось, что он все продумал до мелочей, и следствие пойдет в ошибочном направлении, в особенности если учесть налитую на подоконник воду. Исходя из объяснений господина Тюлькина, он ушел домой в восемь тридцать, когда уже стемнело, значит, тот, кто орудовал в кабинете после него, должен был либо воспользоваться лампой (но в ней не оказалось керосина, совершенно ненужного летом), либо свечой (и ее в кабинете не оказалось), либо, на худой конец, спичками – однако их сгоревших остатков я не нашел.

– Но позвольте, Клим Пантелеевич, а если преступник принес свечу с собой и потом унес обратно? – задал вопрос почтмейстер.

– Но тогда он должен был бы носить ее в руке, и на полу, столе или сейфе непременно остались бы следы капель расплавленного стеарина. Согласны? Однако мы такового не обнаружили, как и упоминавшихся спичек. И еще, господа полицейские, разрешите у вас спросить: разве опытный вор-домушник станет вскрывать дверь, просовывая фомку рядом с замком?

Руководство сыскного отделения хранило молчание. Каширин тупо и не моргая глазами пялился в одну, только ему ведомую точку на стене, а Ефим Андреевич усердно рассматривал носки своих изрядно поношенных ботинок. Не дождавшись реакции, Ардашев ответил сам:

– Конечно же, нет, поскольку даже начинающий сопливый воришка знает, что взломать запертую дверь легче, используя большой рычаг – с угла. В нашем же случае специально отломанный кусок деревянной планки у самого замка – неудачная имитация кражи.

– Ну и что с этого, возможно, вор был не опытен и мог достаточно хорошо ориентироваться в темноте. К тому же ночью было полнолуние, – не сдавался следователь.

– Весьма возможно. Но как он сумел открыть замок ящика стола, в котором хранился ключ? – задал на первый взгляд совсем безобидный вопрос присяжный поверенный.

– Да вскрыл отмычкой или другим похожим ключом. Что тут непонятного? Я-то свой всегда при себе ношу. Как говорится: *Omnia mea tecum porto*, – весело пробалагурил помощник почтмейстера.

– *Garrulla lingua nocet* – болтливый язык вредит, господа. В замке выдвижного ящика, как и в любом другом, со временем накапливаются грязь и пыль, которые из-за смазки пристают к внутренним сторонам обеих крышек. Вследствие этого на самой крышке отчетливо выделяется ход ключа, то есть та кривая линия, по которой при отмыкании и замыкании движется его бородка. Таким образом, если замок был открыт отмычкой или подобранным ключом, то кроме обычного следа мы увидим на нижней крышке еще и ряд свежих царапин и черточек на слое пыли. Их присутствие служит ясным доказательством того, что замок открыт не своим ключом, а подобранным либо применялась отмычка. А в данном случае никаких царапин или посторонних черточек нет, и вы сами можете в этом удостовериться. Следовательно, ящик стола был отомкнут одним-единственным ключом, а затем опустошен сейф, из которого деньги были перепрятаны в печь, с тем чтобы позднее их вынести. Ну а беседа со сторожем нужна была лишь для обеспечения алиби. Однако же, господин Тюлькин, вы допустили слишком много ошибок, в том числе оставив в ящике стола две колоды игральных карт, что и навело меня первоначально на мысль о ваших карточных долгах и возможной причастности к этому преступлению. В довершение ко всему отпечатки ваших пальцев внутри уже вскрытого конверта, отправленного из Смоленска, уличают вас еще и в других преступлениях.

– Простите, господа, грешным делом виноват! Пошутить хотел, а средства государственные и не собирался красть! Поверьте! Христом богом прошу! А деньги, что из письмишка-то этого злополучного вынул, верну, вот вам крест – верну! Будьте милостивы, разрешите на свободе остаться, а то ведь руки на себя наложу... Поспособствуйте, Константин Виленович, век не забуду! – слезно умолял Тюлькин.

– Ну, довольно причитать. Думаю, Ефим Андреевич, вы разрешите этому заблудшему божьему сыну остаться на свободе. Ну, какой, по правде говоря, с него злоумышленник? А?

Может, и правда забавы ради устроил бутафорию, а? Глупо, конечно, а кто спорит? Накажем, не сомневайтесь! А что до конверта этого постыдного, то отдаст он людям все до последней копейки – лично прослежу. Ну что, договорились? – положив руку на плечо главному сыщику губернии, пытался по-свойски решить вопрос почтмейстер.

– Это не моего разума дело. Вся власть теперь у судебного следователя, вот пусть он сам и решает, – увильнул от прямого ответа Поляничко.

– Ну, что скажете, Александр Никанорович? А? Поверим этому великому грешнику еще разок? Вам моего ручательства довольно? – не успокаивался почтмейстер.

Чебышев сконфузился, не зная, как поступить, и едва слышно проговорил:

– Вот ежели бы вам сам Кошкидько дал одобрение, тогда конечно... А так... ну, если только под ваше собственноручно написанное поручительство... Ладно, – махнув рукой, сдался следователь.

– Вот и славно, господа. – обрадовался Расстегаев и, повернувшись к Ардашеву, спросил: – А как, Клим Пантелеевич, вы о печке догадались?

– Остроумнее место трудно придумать, а привязав холщовую сумку за конец печной задвижки, можно было бы и не беспокоиться, если бы не сажа, засыпавшая пол. Согласитесь, в августе сажа на паркете – явление странное.

– А вам, Клим Пантелеевич, за такую помощь нашему почтовому ведомству всяческие предпочтения окажем, – не унимался Расстегаев.

– Благодарю вас, однако же в этом нет надобности. Я всего лишь помог своей клиентке. А что касается господина Тюлькина, то, откровенно говоря, его раскаяния мне кажутся довольно сомнительными. Но раз уж начали с латыни, на ней я, пожалуй, и закончу: «*Feci quod potui, faciant meliora potentes*». Разрешите откланяться.

На выходе Клим Пантелеевич услышал, как Тюлькин переводил присутствующим смысл сказанного Ардашевым изречения: «Я сделал, что мог; кто может, пусть сделает лучше».

– Куда уж лучше? Разложил сыскную полицию и судебно-следственный департамент на обе лопатки и потешается еще! Лекции нам читать взялся! Тоже мне умник нашелся! – расхотелся Каширин, но, поймав недовольный взгляд начальника, запнулся и от неловкости положения полез за папиросами, а потом предложил: – А что, Ефим Андреевич, может, заглянете к нам в воскресенье? Супружница моя обещала пирогов с зайчатинной напечь.

Но Поляничко было не до пирогов. Давненько его так лихо не переигрывали. «А может, пора в отставку?» – незаметно для самого себя вслух произнес старый сыщик и поймал непонимающий и оттого растерянный взгляд помощника.

26

Прекрасная нимфея

Вероника Высотская училась в последнем, выпускном классе Александровской гимназии и, достигнув семнадцатилетия, выглядела настоящей барышней. Белокурые, слегка вьющиеся волосы, заплетенные в длинную косу, придавали внешности девицы скромный и в то же время очень привлекательный вид. Образ очаровательного юного создания, будто сошедший с полотен французских импрессионистов, волновал, притягивал и позднее всплывал невольно в памяти. Красивое лицо отличалось утонченными и выразительными чертами: правильный миниатюрный прямой носик, розовые, слегка пухлые губы, удивительно большие и, что встречается особенно редко, бездонно-голубые глаза с неестественно длинными ресницами. Словом, из-за таких роковых блондинок в мир иной отправился не один десяток влюбленных дуэлянтов.

Настоящих кавалеров девушка еще не имела, хотя однажды на водах, гуляя с маменькой по недавно разбитым аллеям Кисловодского парка, они познакомились с приехавшей на отдых из Самары одной довольно удивительной супружеской четой.

Неравный брак, как принято считать, это союз юной девушки и обрюзгшего старикашки с трясущимися руками. Здесь же все было почти наоборот. «Почти», потому как супруга хотя и

была на два десятка лет старше своего молодого мужа, но достаточно хорошо сохранила читаемое обаяние недавней молодости и на старуху никак не походила. Несмотря на приятную внешность, богатая графиня, очевидно, уже приелась молодому мужу, и от этого он слушал ее всегда рассеянно, вставляя невпопад слова. В такие минуты его унылый взгляд рассеянно блуждал по окрестностям, рассматривая дефилирующих мимо дам с неизменными белоснежными зонтиками от солнца. Они гуляли, как правило, либо в сопровождении мужей, либо кого-то из родственников или, на худой конец, прислуги.

Маменька Вероники и госпожа Элеонора Блаватская-Йоргансон подружились и все вечера проводили вместе, коротая время в посещении нарзанных ванн, игре в подкидного, раскладывании пасьянсов, гадании на кофейной гуще и пешех прогулках. Муж графини с радостью окружил заботой прелестное белокурое создание и все свободное время уделял юной девушке. Опытная в разнообразных жизненных ситуациях супруга делала вид, что не обращает внимания на безобидную дружбу гимназистки и молодого управляющего «Волжского пивоваренного товарищества на паях».

Два года назад графиня овдовела и унаследовала не только миллионы своего благоверного, но и малопонятное женскому уму солодовенное производство. Оставшись наедине с выпавшими на ее долю трудностями, она быстро поняла, что наверняка потерпит неудачу, если не найдет умного и преданного союзника. В таковые был выбран высокий красавец, помощник старого управляющего Николай Йоргансон, сменивший прежнего начальника сразу после венчания. Любовного запала и пороха страсти у Ники, как его ласково нарекла Элеонора, хватило лишь на свадебное путешествие в Париж. А дальше ему становилось просто неимоверно скучно с этой стареющей, хотя и не лишенной привлекательности женщиной. Другое дело Вероника! Рядом с ней и противная мелкая изморось виделась приятным грибным дождичком. Как он завидовал тому счастливицу, который поведет это юное создание под венец! Но, к сожалению, это удел иных. Ему же досталась иная козырная карта – богатство вдовы, и, признаться, не каждому такой прикуп выпадает. Наверное, можно было бы совмещать безбедное супружество с одновременными развлечениями на стороне, если бы не слишком уж решительный характер жены, которая, как-то отдыхая после очередных любовных утех, глядя в потолок, задумчиво произнесла: «Запомни: изменишь – возьму бараньи ножницы и, пока ты будешь спать... Ну а потом просто выгоню на улицу».

И каждый раз, когда он заходил слишком далеко в ухаживаниях за посторонними женщинами, Ники встречал насмешливый взгляд жены, украдкой показывающей двумя пальцами из-за спины работающие «два конца, два кольца, посередине гвоздик». Увлеченность в миг исчезала.

Веронике нравились ухаживания этого галантного взрослого мужчины, но все происходящее она воспринимала как игру, которая вот-вот закончится, стоит только водящему объявить об этом. И такой день настал, когда, несмотря на сильный ветер и проливной дождь, графиня прибежала к матушке попроситься. Днем раньше они получили из Самары телеграмму, где сообщалось, что на пивоваренном заводе рабочие объявили забастовку, постепенно переросшую в беспорядки. Так внезапно начался и неожиданно закончился первый легкий флирт Вероники.

Недавно она подметила, что нанятый папенькой репетитор Михаил Никитин ведет себя с ней несколько странно. Иногда краем глаза она замечала, как он любит ее далеко уже не детской стройной фигурой. Конечно же, он был молод и очень умен. А когда он рассказывал о французской революции, его глаза зажигались ярче, чем только что установленные фонари на Николаевском проспекте. Поговаривали, что он был вынужден приехать в Ставрополь из Москвы из-за скудости средств и невозможности оплачивать обучение в университете. Теперь вот сдает экзамены экстерном.

Действительно, она слышала от матушки, что московские цены намного выше здешних. Из-за этого, говорят, некоторым студентам не хватает еды. Что такое голод, Вера понять не могла. С самого раннего детства она только и помнила, как ее заставляли есть. Няньки, матушка, папенька, многочисленные дяди и тети. Наверное, и господин ментор, как в шутку называл его отец, тоже голодал. Ну, а по какой другой причине можно уехать из Москвы в наш забытый богом городок? Разве что сбежать от несчастной любви?

А еще он начинал часто моргать, когда Вероника читала любовную лирику Пушкина, нарочито заглядывая ему в глаза. Как он был смешон в эти минуты! Студент краснел как помидор на ярком солнце, а над верхней губой, слегка тронутой пушком, начинала пульсировать маленькая, еле заметная нервная жилка.

А что, если оказаться с ним наедине и так близко, чтобы можно было бы случайно прикоснуться к его губам? Наверное, он потерял бы сознание, и ей бы пришлось отлить его студеной колодезной водой. Это уж точно! А вот Вероника целоваться уже научилась. Вместе с гимназической подругой они тайно тренировались и, как им казалось, достигли в этом определенных успехов. Правда, никаких особых ощущений она не испытывала, так же как и от поцелуев с братом или чмокания в щеку отца.

А тут, стоило ей только подумать о нежном касании губ Михаила, и сердце начинало стучать с такой силой, что от этого вздымалась ее молодая грудь. Он замечал этот трепет и смущался еще больше.

Время пришло, и они поцеловались. Как это случилось? Наверное, они сами этого не ожидали. А дальше уже были не занятия, а свидания. И как-то так вышло, что во время очередного страстного лобзания в комнату вошел отец. Михаил тотчас же извинился перед ним, но все уже было решено – от его уроков отказались. Да и надобность в репетиторе к тому времени, признаться, отпала. Гимназию вскоре Вера окончила с медалью. Встречи еще продолжались, но тайно. Для этого ей приходилось обманывать родителей, рассказывая о том, как здорово они с одноклассницей провели время, читая друг другу романы Стендаля на французском. А на самом деле влюбленные, держась за руки, пробирались вниз по узкой тропинке старого заброшенного помещичьего яблоневого сада, минуя густые заросли боярышника и кизила, спускались к лодочной станции Архиерейского пруда. Где-то рядом отчаянно и страстно заливался граммофон и слышался задорный женский смех.

– Давай возьмем лодку и поплывем в нашу заводь, – предложила девушка.

Весла неслышно рассекали застывшую водную гладь, и только иволга, спрятавшись в зеленой густой кроне развесистой ивы, пела отчего-то грустную песню. В дальнем конце небольшого пруда, у поросшего камышом берега, у мелководного затона зияла черная дыра омута, а посередине, раскинув большие белые лепестки, росла кувшинка. Он опустил весла, и, скрывшись от посторонних глаз, она позволила себя поцеловать. В такие минуты ей приходилось сдерживать не в меру пылкие намерения кавалера.

– Ты знаешь, Вероника, всякий раз, когда мы любуемся этой удивительной нимфеей, я опасаюсь, что когда-нибудь чья-то злая рука безжалостно сорвет цветок и унесет мертвое растение домой, – вполголоса печально проговорил Михаил.

Однажды она не пришла на свидание. Он прождал ее два долгих часа, а потом бросился вниз по склону, долго бежал вдоль берега, не обращая внимания на бьющие по лицу ветки, и наконец оказался в тихой заводь, но лилии там не было.

27

На крыльях бабочки – любовь

Вероника уже несколько дней не находила себе места. Она не пришла на свидание. Нет, ей никто не мешал. Просто стало вдруг ясно, что эти тайные встречи с Михаилом – детская и глупая игра. И хоть «*Toute comparaison est odieuse!*»², но они были явно не в пользу Михаила.

А все дело в том, что хитрая маменька пригласила на журфикс холостяка и красавца ротмистра Фаворского. Высокий брюнет с закрученными усами пронизывал острым, как штык трехлинейки, взглядом. Мужественности образу добавлял легкий, едва заметный шрам на

² *Toute comparaison est odieuse!* (фр.) – Сравнения не всегда уместны.

правой щеке, ну и, конечно же, манера держаться выдавала в Фаворском потомственного дворянина.

Так получилось, что перепоясанный скрипучими ремнями офицер, испросив разрешения у матушки, неожиданно для самой Веры пригласил ее на танец.

Они кружили весь вечер. Завистливые взгляды молодых и незамужних дам неустанно сопровождали эту прекрасную пару. Ротмистр великолепно вел в танце партнершу и чувствовал каждое ее движение. Галантный, умный и завидный кавалер по-настоящему очаровал ее. После него совсем не хотелось вспоминать о наивных лодочных прогулках и необдуманных любовных признаниях. Теперь ей стало понятно, насколько она была глупа, когда смотрела на Михаила завороченным взглядом. Слава богу, она вовремя это осознала.

Да и что мог дать, кроме бесконечных любовных откровений, этот бедный и по-своему несчастный студент? Скорее всего, после отдыха на водах ей очень хотелось, чтобы за ней кто-то продолжал ухаживать. Волею божьей таковым оказался ее репетитор. Но с этим Фаворским она чувствовала себя совсем по-другому. Он казался сильным и смелым, а рядом с ним было удивительно спокойно и почему-то немного торжественно, как на пасхальной службе в Казанском кафедральном соборе.

Вероника называла его Володей и сама этому не верила. Все без исключения, и даже губернатор, величали его либо по имени-отчеству, либо «господин ротмистр». Он был учтив, но холоден с окружающими и не допускал амикошества. А там, на балконе, он шептал ей такие нежные слова! И даже назвал ее «своей пташкой»!

Всю ночь после этого вечера она не могла уснуть, и только под утро пришел сон, сладкий и светлый, со всеми красками лета, пеньем птиц и легким шуршанием листвы вековых дубов Бибердовой дачи. Снилось Сипягина мельница, Архиерейский пруд, пустая лодка, заводь, зловещий омут, но... лилии почему-то не было. От необъяснимого страха она проснулась и бросилась к распахнутому окну, будто могла разглядеть на серой булыжной мостовой белоснежный цветок.

А город спал. Тепло и тихо. Только слышно, где-то далеко прогремела железными колесами бричка да хрипло залаял разбуженный ночными прохожими старый пес. В эту минуту она поняла, что встречи с Михаилом не избежать. Будучи воспитанной самой отвечать за свои поступки, Вера решила последний раз встретиться с бывшим возлюбленным и сказать ему честно, что их больше ничто не связывает.

Еще сегодня, проходя мимо полуподвального помещения, которое снимал репетитор, она бросила в открытую форточку записку с указанием места и времени встречи. Вот теперь она и ждала Михаила на скамейке Воронцовой рощи, у самого пруда, пытаясь любоваться парой грациозных и важных белых лебедей. Но безмятежный вид птиц не успокаивал, волнение сковывало, а мелкая дрожь время от времени пробегала по всему телу.

– Здравствуй, любимая! – откуда-то сзади раздался знакомый голос, и, теряя самообладание, студент начал осыпать поцелуями руки Вероники.

– Ну, будет, будет, перестань. Везде же люди. Увидят – донесут отцу, – освобождаясь от цепких объятий, раздраженно проговорила молодая девушка, что не ускользнуло от наблюдательного кавалера.

– Я думал, неправду говорят, что ты увлеклась этой жандармской крысой, а стало быть, так оно и есть, да?

– Я должна тебе сказать, что мы больше не можем встречаться. Это мое окончательное решение. Вот, – на одном дыхании произнесла Вера и сделала попытку встать, но не смогла. Крепкие, как стальные оковы, руки намертво приковали ее к спинке скамьи. – Отпусти, – жалобно попросила она.

– Ты знаешь, в тот вечер, когда ты не пришла, я долго ждал, а потом ноги меня сами понесли к нашему месту. А там, представляешь, кувшинки уже не было, – едва дыша, проговорил влюбленный молодой человек.

– Значит, так судьбе угодно, – не поднимая глаз, почти прошептала девушка.

– Послушай меня. Я не хочу с тобой расставаться и сделаю все, чтобы мы были вместе. Знай, просто так я тебя ему не отдам! Обещай мне, что ты все-таки еще раз подумаешь и только потом дашь окончательный ответ. Слышишь! Не сейчас! – Его глаза, казалось, полностью вылезли из

орбит, студент побелел до синевы, и на обтянутом кожей лбу вдруг вздулась невесть откуда появившаяся огромная вена. Ей стало страшно. Потупив взор, она молча кивнула.

– Вот и умница, – быстро сменив тон, почти пропел репетитор. – Возьми на память о наших встречах эту брошь. Я купил ее для тебя. – Как фокусник, он разжал еще недавно пустую ладонь, и там... О чудо! Сидела бабочка! Точно как живая, но вся из драгоценных камней и тонких пересекающихся серебряных нитей. – Видишь, какая она красивая, но уже мертвая... Я найду тебя сам. Не забывай меня. – Молодой человек резко поднялся и торопливыми семенящими шагами поспешно удалился.

Она посадила бабочку на руку, с восхищением рассматривая удивительное украшение, как вдруг почувствовала необъяснимую тревогу и волнение, словно ледяное дыхание потустороннего мира коснулось ее лица. Вероника оторвала голову от броши и взглянула ему вслед как раз в тот момент, когда Михаил обернулся. «И все-таки он очень добрый!» – успокоила себя девушка, продолжая любоваться чудным творением мастера.

28

Званый ужин

Аристарх Илларионович Высотский кроме увлечения прекрасным полом имел еще одну слабость – много и вкусно поесть, но до настоящего гурмана явно не дотягивал и слыл обычным чревоугодником. И даже выписанный из Парижа повар Мишель частенько обиженно отводил взгляд, когда глава семьи, откушав его нового блюда, пытался угадать, из чего же оно приготовлено. Вот и сейчас, в самый разгар праздничного ужина по окончании строгого поста, граф решил похвастать мастерством «заморского кулинарного чародея».

– Ну, братец, удружил! Такой вкуснятинки пробовать мне еще не приходилось. Тут тебе и укропчик с петрушечкой, и лимончик, и рыбка. Надо же, обычная баранина, а какая утонченность! – вытирая блестящие от жира губы белоснежной салфеткой, с удовольствием рассуждал хозяин дома.

– Монсеньор, то не есть баранина, то есть телятина, сваренный вместе с раковье мясо, – коверкая слова, пояснял расстроенный француз.

– А я что говорю? Маг, кудесник и чудотворец! Даже меня, хитреца старого, умудрился обмануть! Так сумел замаскировать раков с телятиной, что поди различить! Сказано – Франция! – Откинувшись на спинку стула, довольный Аристарх поднял бокал ароматного Шато-Икем.

– За границей, господа, скажу я вам, не только еда другая, там и к людям отношение не то, что в России, – накладывая в чистую тарелку артишоки, фаршированные шампиньонами, поддержал беседу полицмейстер. – Вот обратил я как-то внимание, что в католических храмах установлены скамейки и всю службу можно в удобстве провести. Зато у нас набьются, как грузди в бочке, и толкаются... Старикам-то совсем нестерпимо всю службу выстоять.

– Самоочевидно, Ипполит Константинович, ваша правота. Но возьми попробуй лиши русского мужика этих неудобств и дай ему европейские условия, так он и вовсе обленится и перестанет не только в церковь ходить, но и работать. А там вообще бузить начнет и пойдет снова «красный петух» гулять по усадьбам да поместьям, – вторил полицейскому чиновнику начальник акцизного управления.

– Вероятно, Аполлинарий Матвеевич, вы в некотором роде заблуждаетесь. От неустроенности и бытовых неурядиц человек становится злее, раздраженнее, и ждать от него смирения и постижения духовного совершенства бесполезно. А если уж вы хотите усмирить и окультурить русского крестьянина, то не мешайте ему чувствовать себя полноценным хозяином земли. Пусть сам решает, где ему пахать и что сеять. А вот когда он разбогатеет, то не только храмы, но и театры с музеями строить начнет. Главное – уберечь его от заморской революционной чумы и не позволить вовлечь в вооруженное противостояние государству. В противном случае Россия погибнет, а на ее месте вырастет уродливая и кровавая тирания, –

закончил рассуждения Ардашев и принялся за аппетитно пахнущее блюдо из телятины, цветной капусты и вареных раков.

– А мне вот, господа, «посчастливилось» ехать в том самом кавказском скором, на который и было совершенно нападение. И такая, знаете, паника началась, что даже офицеры растерялись... Когда сработал тормоз, я, признаться, едва на ногах устоял. Открыл купе, слышу – топот. Смотрю – бегут два джигита, а в руках пистолеты. Я – назад, да только захлопнул дверь – раздались выстрелы и снова шаги... А потом все стихло. – Гайваронский подержал паузу и с некоторой задумчивостью проговорил: – Вообще-то много странного в том поезде было. В Харькове, к примеру, стояли дольше обычного. Там батюшка подсел. Его в соседнем купе разместили. Еле протиснулся мимо меня с огромным таким кожаным чемоданом.

– Я тоже встретил святого отца в вагоне-ресторане и крайне удивился, что, несмотря на пост, он заказал жаркое, – вмешался в разговор впервые приглашенный на ужин Пейхович. – А вы, Вениамин Яковлевич, разве его не видели? Кажется, и вам довелось хлебнуть разбойничьего набега? – наливая вино, обратился к Доршту аптекарь.

– Да уж, пришлось. Еще на Харьковском вокзале бросилась мне в глаза одна примечательная особенность: на груди у того батюшки висел не наперсный крест, а панагия... незатейливая такая, без особых изысков и украшений. Но ведь это своего рода церковный знак отличия, и получается, что он не просто священник, а самый настоящий архиерей. Для такого высокого сана уж очень молодо он выглядел, хоть и с бородой, – накладывая в тарелку поджаренные на немецкий манер домашние сосиски, делился наблюдениями Доршт.

– Выходит, что не только Аполлинарию Матвеевичу, но и Вениамину Яковлевичу, да и вам, господин Пейхович, пришлось рисковать жизнью в том злополучном путешествии? – переспросил хранивший до поры молчание Ардашев.

– Ох, Клим Пантелеевич, все мы под Богом-то ходим, и лишь ему одному – Владыке Небесному – ведомо, когда оборвется чей-то путь, – придвигая поближе тарелку с фаршированными сморчками, тяжело вздохнув, рассудил Аристарх Илларионович.

Двери гостиной распахнулись, и в них появилась Вероника. Вечно выбивающиеся из прически пряди ниспадали на лоб и добавляли к уже оформившейся стати девушки оттенок безвозвратно ушедшего детства. Голубое воздушное платье удачно подчеркивало целомудренную красоту юной блондинки, а на левом углу воротника, как будто живая, сидела бабочка – изумительный образец ювелирного искусства.

– Ну, наконец! Вот и сама виновница торжества. Я горжусь, господа, что моя наследница с отличием закончила гимназию. И теперь она стоит на пороге новой жизни. Предлагаю наполнить бокалы и выпить за здоровье и счастье этого прекрасного создания. – Предложение графа утонуло в звоне дорогого хрусталя.

Гости, не ожидавшие внезапного вторжения недавней выпускницы, не могли не увидеть изысканной броши. Первым на это обратил внимание Вениамин Доршт.

– Смею заметить, Аристарх Илларионович, а презент вы сделали знатный. Разрешите полюбопытствовать? – С этими словами Доршт встал из-за стола и, приблизившись к ней, с помощью лорнета, без всякого стеснения, прямо на синем воротнике платья стал изучать дивное творение, но тут же спохватился и, вежливо извинившись, сел.

Высотский непонимающими глазами уставился на Веронику. Девушка, гордая собой, подошла к отцу и, прошептав что-то ему на ухо, вернулась на место.

– Ничего не скажешь – царский подарок, – несколько взволнованным голосом проговорил Доршт. – Это очень редкое изделие из золота с рубинами и бриллиантами. Конечно же, я узнаю почерк господина Бординикса – лучшего резчика ювелирного Дома «Бушерон и К». Он лучший в мире мастер, обладающий виртуозной техникой резьбы по алмазу – самому твердому материалу на свете. Бординикс открыл моду на брильянты с резьбой и гравировкой. Красота камня, или, как говорят мастера, «огонь», лучше всего виден, если в бриллиантовой огранке достигается полное внутреннее отражение, при котором нижние грани действуют как зеркала и отражают свет друг на друга и отбрасывают его назад уже разбитым на все цвета радуги. В России так обрабатывать алмазы не умеют. Признаться, мне еще не представлялось случая встречать столь изысканную и дорогую работу. Насколько мне известно из французских журналов, эта вещица изготовлена

совсем недавно, да и то в одном экземпляре. Позвольте узнать, Аристарх Илларионович, а где вам удалось раздобыть сие сокровище?

– Видите ли, господа, я к этому подарку никакого отношения не имею. Как мне только что объяснила Верочка, ей эту брошь преподнес Михаил Никитин, бывший репетитор и студент. За недостойное поведение ему было запрещено переступить порог моего дома. Но видимо, он не успокоился и сумел встретиться с дочерью. Дорогая моя девочка еще совсем не искушена в таких щепетильных вопросах и, очевидно, не знала, что девице непозволительно принимать дорогостоящие подарки от посторонних, за исключением родителей или нареченного... – запнувшись, с волнением объяснялся отец.

Вероника залилась краской, выскочила из-за стола, извинилась и, придерживая полы длинного платья, выбежала из комнаты.

– И откуда у бедного студента такая редкая и дорогая штукавина? Он и моему сыну уроки давал, но, насколько я знаю, бедолага едва перебивался с гроша на копейку, – заволновался почтмейстер, нервно барабанил пальцами по столу.

– С вашего разрешения, господа, мы с Владимиром Карловичем на пару минут вас покинем, дабы обсудить вопросы сугубо служебного свойства. – Полицмейстер и Фаворский прошли в курительную комнату.

– Получается, что сообщником артиста является студент? – начал Фен-Раевский.

– По крайней мере, так складываются обстоятельства. Ситуация становится еще более запутанной. Вполне возможно, что этот так называемый репетитор скрывается под вымышленной фамилией. Многие из тех, кто участвовал в московских беспорядках пятого года и стрелял в казацкие патрули, давно выправили новые паспорта и разбрелись по всей стране, – закуривая душистую папиросу, поделился мнением ротмистр.

– Послушайте, Владимир Карлович, меня все время мучает один вопрос: кто этот постоянный покупатель драгоценных камней, о котором говорит Жих в предсмертном письме? Как вы думаете?

– Им может оказаться любой из присутствующих.

– Вы и нас с вами включили в этот список?

– А почему бы и нет?

– Ну, уж вы, видно, заработались, подустали... А вот Поляничко третьего дня докладывал мне, что, к примеру, господин Гайваронский желал купить и в последующем оформить на имя своей жены ломбарды Жиха, но потерпел фиаско. В цене не сошлись. А ведь и он ездил в Варшаву, где мог познакомиться с убитым артистом.

– Да и Пейхович не меньше других был заинтересован в смерти Соломона Моисеевича, да и сюда прибыл опять же из Варшавы, – добавил Фаворский.

– А Доршт?.. И у него имелся мотив, ведь их отношения с Жихом давно разладились... А теперь мы узнаем, что все трое ехали в том же поезде, в котором убили несчастных французов. Хорошенькое дело! Не слишком ли много совпадений? А тут еще этот архиерей... От этой путаницы у меня голова кругом! А вы не пробовали обсудить ход следствия с Ардашевым? Если помнится, губернатор давал на это добро, – рассматривая улицу через приоткрытую штору, поинтересовался полицмейстер.

– Говорил, да толку маловато. Клим Пантелеевич меня внимательно выслушал, поблагодарил за доверие и с сожалением заметил, что пока ничем следствию помочь не может. Согласился, что много неясного. Но спросил, не кажется ли мне, что застреленные французы к тому времени были уже отравлены? Естественно, я это подтвердил, и он искренне обрадовался, что его предположение оказалось верным. Затем поинтересовался, были ли у отравленных курьеров расширены зрачки. Понятное дело, я ответил утвердительно. Он улыбнулся и сказал, что, скорее всего, злоумышленник отравил их ядом растительного происхождения и рано или поздно он окажется в западне. И все. Правда, в конце разговора предположил, что, возможно, и в международном вагоне, и в доме госпожи Жих стреляли из одного и того же оружия. Я проверил и, как вы помните, сообщил вам. Да, его догадка подтвердилась. – Жандарм помедлил и задумчиво проронил: – А Никитина я арестую сегодня же. Надеюсь, дадите на это согласие, Ипполит Константинович?

– Допросить, конечно, его надо, но пусть все-таки решение об аресте принимает судебный следователь... Зачем нам с вами лишние хлопоты?

– Как знаете. Ну, мне пора, – недовольно ответил ротмистр и, затушив в пепельнице недокуренную папиросу, вернулся к гостям.

– Итак, господа, позвольте откланяться, служба-с. Даст бог, еще одно преступление раскроем. Я убедительно прошу вас, Аристарх Илларионович, эту вещицу сохранить, поскольку она теперь – важная улика. Кстати, надеюсь, мне позволительно будет узнать, где проживает господин студент? – уточнил жандармский начальник.

– Несомненно. Виолета Константиновна записывала адрес. Не так ли, дорогая? – обратился к супруге Высотский.

– Насколько я помню, он указал дом № 37 по Госпитальной улице.

– Премного уважаемый господин Фаворский, раз уж случайное недоразумение имело место в присутствии лиц, глубоко симпатизирующих хозяевам этого дома, то мы были бы вам весьма признательны, если бы вы соблаговолили пояснить, что означают ваши слова о раскрытии еще одного преступления? Надеюсь, вы полностью доверяете господам, сидящим с вами за одним столом? – витиевато и не без иронии обратился к жандармскому чиновнику почтмейстер.

– Что ж, извольте. Второго дня я получил по телеграфу перечень и описание драгоценностей, перевозимых французскими ювелирами. Среди них имелась и эта брошь. Господин Доршт только что полностью подтвердил мои подозрения, сообразуясь с которыми мы должны разыскать этого Никитина. Надеюсь, я достаточно внятно изъяснился, господин Расстегаев? – процедил сквозь зубы ротмистр.

Послышался звук упавшего прибора – молодая, недавно нанятая прислуга неуклюже уронила вилку, и Виолета Константиновна, будучи до чрезвычайности суеверной, не сдержалась и стала отчитывать девушку за небрежность. Да и как тут не огорчиться, если, по русским поверьям, вилка – символ злой дамы. Упал нож – придет мужчина, обронили ложку – появится женщина, полетела на пол вилка – жди коварную старуху, злодейку, колдунью. А где ведьма – там и несчастье.

– Да, да, господа, вы уж не обессудьте, но и мне придется откланяться. Владимир Карлович прав – дело важное и требует нашего присутствия. Желаю приятно провести время. – Освобождаясь от салфетки, полицмейстер тяжело поднялся из-за стола и вместе с женой отправился вслед за Фаворским.

На десерт подали ананас, клубнику со сливками, безе, яффские лимоны, пунш-гляссе, кофе по-восточному, сельтерскую воду, пастилу и мармелад производства «Абрикосова» в ярких и разноцветных обертках. В последнюю очередь внесли большой медный самовар, увенчанный заварным чайником из кузнецовского фарфора. Сласти сопровождалась разговорами под шустовский коньяк, токайское, вишневый и кизилковый ликеры.

– Получается, что эти два жутких преступления раскрыты? – спросил почтмейстер, смакуя из маленькой рюмочки терпкий напиток.

– Что вы имеете в виду? – уточнил Гайваронский.

– Ну, как же, если верить слухам, то виновник убийства Жиха – уже почивший актер Абрашкин, которого в последствии убрал его же сообщник. Теперь ясно, что это студент Никитин. А ранее эта же парочка, переодевшись в горцев, организовала нападение на поезд. Так?

– Ну, допустим. А что вас удивляет? – недоумевал собеседник.

– Не сходится пасьянс! А как же тогда ставропольская премьера «Ревизора» с участием артиста? Ведь она состоялась в тот же день, когда был налет, – не унимался Расстегаев.

– Очень просто: спектакль закончился, и артист верхом или в фаэтоне отправился навстречу идущему поезду, чтобы вместе с поджидающим его сообщником совершить налет. Согласны? – без затруднений нашел ответ начальник акцизного управления.

– Можно, конечно, успеть, но тогда придется загнать лошадей, чтобы так быстро оказаться в двух с половиной верстах от станции «Кавказской». Никакой извозчик на это не пойдет. Да и как в таком случае назад добираться? Это же решительно невозможно! – Не дождавшись ответа от Гайваронского, Расстегаев обратился к Ардашеву:

– А какие у вас, Клим Пантелеевич, есть на этот счет версии?

– События последних дней переплелись в такой клубок, что распутать их будет не просто. Действительно, кой-какие соображения у меня имеются, но мнение мое субъективно, а значит, носит характер возможной случайности. Нам же в конечном итоге необходимо установить истину, то есть такие обстоятельства, которые не оставят места для вероятностных умозаключений. А скоропалительные гипотезы и преждевременные выводы могут привести в итоге к напрасным страданиям ни в чем не повинных людей.

– Ох, и мастер вы, Клим Пантелеевич, говорить загадками. Ответили, будто с тронной речью выступили, а определенного так ничего и не сказали, – усмехнулся Расстегаев.

– Элоквенция – несомненное достоинство лучшего адвоката губернии. Я бы сказал, его конек. А что, Клим Пантелеевич, уделите мне пять минут вашего драгоценного времени? – натянуто улыбаясь, предложил Доршт.

– С удовольствием, но лучше в саду, – согласился присяжный поверенный.

На свежем, пахнущем распутившимися ночными фиалками воздухе было хорошо и спокойно. Собеседники уселись на скамью.

– Итак, Клим Пантелеевич, я выполнил все ваши условия по приобретению драгоценностей у Клары Жих по ценам, значительно превышающим их фактическую стоимость. Мне это стоило почти всех сбережений. Более того, я был вынужден продать акции двух золотых аргентинских приисков, хотя их котировки только за последние три недели поднялись на двадцать процентов! А что я мог поделать, если таково было ваше требование? Но теперь объясните, пожалуйста, как мне быть с тем фактом, что струной именно моего пианино был задушен Соломон? Что мне говорить полиции? – нервно раскуривая сигару, вопрошал биржевой маклер.

– Действительно, Вениамин Яковлевич, я обнаружил на месте преступления струну с купленного вами музыкального инструмента, но это отнюдь не означает, что именно она является орудием убийства Соломона Моисеевича. Мне кажется, что ее оставили там умышленно, для того чтобы пустить следствие по ложному пути и бросить тень подозрения как на приказчиков магазина, так и на покупателя фортепьяно.

– Вы не представляете, Клим Пантелеевич, какой тяжелый камень с души свалился! А то я думал, что всех собак на меня повесят, – изрядно волнуясь, бормотал обрадованный Доршт. – Разрешите еще один вопросец полюбопытствовать?

– Спрашивайте.

– А как вы узнали, что я подбросил письмо Соломону, ну... с открыткой?

– На клейкой стороне конверта остались прилипшие волоски ваших светлых усов. К тому же внутри его я обнаружил частицы сигарного пепла. А дальше... Определить, кто в окружении Соломона имеет светлые усы и курит сигары, большого труда не составило.

– Как все просто. – Финансист от огорчения взмахнул руками, будто ужаленный подскочил со скамейки и принялся расхаживать туда-сюда.

Не обращая никакого внимания на реакцию собеседника, адвокат поинтересовался:

– А не припомните ли, Вениамин Яковлевич, кто встречал того батюшку в Ставрополе?

Доршт остановился, затаился сигарой и неуверенно пробормотал:

– По-моему, никого не было... Ну да... Архиерей нанял фиакр, погрузил чемодан и уехал.

– Ну что ж, пора и по домам. Сюрпризов для одного вечера с лихвой хватает. Да и хозяйева, по-моему, изрядно расстроены, – заключил присяжный поверенный.

Они молча пошли назад. Из распахнутого кухонного окна доносились голоса, а сквозь прозрачные занавески было видно, как Виолета Высотская отчитывала экономку за плохое руководство прислугой: «Мало того что столовые приборы при гостях роняют, так еще и посуду мыть некому». В ответ пожилая женщина сконфуженно кивала, повязывая фартук, собираясь заменить невесть куда запропадившуюся девушку.

...То, что он опоздал, Фаворский понял, как только оказался у незапертой двери комнаты дома № 37 по Госпитальной улице. Жилец так торопился, что оставил квартиру открытой. В результате обыска была найдена газета «Вестник Сибири». Из нее следовало, что еще в 1905 году из ссылки бежал опасный преступник Михаил Евсеев, застреливший двух полицейских. Ниже был напечатан его фотографический снимок. А под ним синими чернилами было выведено: «Любимому в память о нашей встрече. Полина».

С газетной страницы в лицо Фаворскому смотрел угрюмый и безжалостный враг – беглый каторжник и хладнокровный убийца Михаил Евсеев, он же Михаил Никитин.

Засада, устроенная в квартире репетитора, оказалась напрасной. По прошествии трех дней ее сняли. «Студент» будто сгинул.

29

Ошибка следствия

I

Двухэтажное здание полиции, с покосившейся набекрень крышей, напоминало старый ядовитый гриб, вросший в землю по самую шляпку. Поблизости от него, в каких-нибудь пятидесяти саженях, свечкой вздымалась в небо колокольня Казанского кафедрального собора, сверкающего на солнце золочеными самоварными куполами. Казалось, что лучезарная священная благодать, исходящая от божьего храма, разрушала изъеденное тюремными клопами и пропитанное проклятьями карательное учреждение. Из его окон, как горько шутили горожане, был виден Сахалин.

Верхний этаж занимала канцелярия с писцами и недавно поступившими печатными машинками «Унион», сыскной стол с картотекой и антропометрическим бюро по системе измерений Альфонса Бертильона. Само сыскное ведомство было учреждено несколько месяцев тому назад и по системе финансирования относилось к третьему разряду. Почти посередине длинного коридора располагался кабинет полицмейстера, напротив – начальника сыскного отделения, его помощника, комната для допросов и дежурная часть. Громоздкий тяжелый деревянный шкаф делил пространство дежурки на две неравные части. Меньшая, с покосившимся на одну ножку столом, топчаном и парой расшатанных табуретов, предназначалась для полицейского фотографа и недавно выделенной штатной единицы – судебного медика, большая – непосредственно для дежурного полицейского. Кабинет для допросов отличался теснотой и часто был занят судебными следователями разных участков.

На первом этаже – казарма для городских, столовая, мелочная лавка и буфет, в котором дозвоительно было выпить не более двух рюмок в день. У самого входа – четыре камеры для арестантов.

Городское полицейское управление являлось универсальным командным пунктом. Здесь собирались дворники со всех приписанных домов для получения инструкций и оглашения приказов полицмейстера или распоряжений городского головы. Сюда приходили для отчетов околоточные надзиратели и размещались участковые приставы, а также почти на казарменном положении находилось подразделение из пятнадцати городских. Весь штат управления состоял из тридцати пяти человек, включая филеров.

У полицмейстера второй час шло совещание. Измученный долгим ожиданием возможности выкурить папироску, Каширин глотал горькую слюну и с мученическим видом рассматривал пуговицы на мундире государя императора. Его портрет в натуральную величину закрывал почти все пространство стены от пола до потолка. Массивное кресло и огромный, как гигантская черепаха, письменный стол из мореного дуба подчеркивали значимость хозяина кабинета и выглядели некоторым контрастом на фоне расставленных вдоль стен хрупких венских стульев. Присутствующие расположились по старшинству: первым от полицмейстера сидел начальник губернского сыска, рядом – заместитель, а напротив – старший судебный следователь окружного суда – Глеб Парамонович Кошкидько.

Докладывал Поляничко:

– Теперь по убийству Жиха. Как известно, вторым участником этого преступления является студент Никитин. Его поиском занимается жандармское отделение. Но восстанавливая картину злодеяния, мы натолкнулись на еще одного подозреваемого – финансиста Доршта. Как вы помните, единственная имеющаяся у нас улика – это фортепьянная струна, брошенная в кустах,

которая могла быть срезана или откусана клещами с любого инструмента. Но роялей в Ставрополе всего-навсего три: в театре, музыкальном салоне дома Леонидовых по Александровской улице и в фойе гостиницы Европейская. Никто даже не помнит, когда на них меняли струны. А вот пианино насчитали аж двадцать семь штук. Единственный в городе настройщик – Мойша Фаерман сообщил, что недавно его приглашали в дом финансиста Доршта. Там он поставил струну, звучащую как... – Поляничко полез в карман, развернул крохотный кусок бумажки и прочитал: – Нота ля субконтроктавы. Такая же была найдена и на Николаевском проспекте.

– Сомнительно, чтобы Доршт, купив пианино, собственноручно снял у себя струну, с ее помощью задушил Жиха, затем бросил ее на месте убийства и в довершение ко всему вызвал домой известного своей болтливостью музыканта. Любому понятно, что полиция первым делом начнет с допроса старика... Помилуйте, господа, но финансист не настолько глуп, – заключил следователь.

– Дозволю заметить, Глеб Парамонович, – включился в разговор Каширин, – между покойным и Дорштом произошел какой-то раздор и последнее время они грызлись, как чужие псы на охоте, а вот раньше весьма слаженно вели общее ювелирное дело... Я беседовал с его мастерами, и все это подтверждают.

– А что, если преступнику об этом было известно? И он, узнав, что Доршт собирается купить пианино, срезал с него струну, задушил Жиха и, пытаясь сбить нас с толку, бросил ее на Николаевском, в надежде, что полиция примет хозяина инструмента за настоящего убийцу, – здраво рассудил Кошкидько.

– С вашего разрешения, господа, позволю немного пофантазировать, – рассматривая крышку стола, начал полицмейстер. – Давайте на минуту представим, что Доршт и есть убийца, спланировавший все именно так, как только что было сказано. Естественно, в таком случае вряд ли кому придет в голову его подозревать... А если он как раз на это и рассчитывал? А почему нет? Я думаю, что потребность в его допросе имеется. Однако для дела будет лучше, если это произойдет неожиданно, скажем так, часика в четыре утра и непременно у него дома, на глазах перепуганной жены и детей! Глядишь, от волнения и страху сболтнет что-нибудь лишнее. А если окажется, что он ни при чем, – извиниться никогда не поздно. Но все-таки надобно уликой этой перед лицом ему повертеть и кутузкой попугать, – улыбнулся в усы Фен-Раевский. – Тут, господин Каширин, вам и карты в руки. Да только не перестарайтесь. Помню, как в прошлом году вы заезжего костромского купца в холодной камере догола раздели и сторожевыми псами всю ночь травили. А позже следователь выяснил, что жулики опоили бедолагу сонными травами и к ограблению своего кума задержанный негодяй никакого отношения не имел, но после знакомства с вами навсегда сделался заикой. Так что смотрите у меня, не переусердствуйте с Дорштом, а то, чего доброго, нагоните страху и немца удар хватит. С кем же тогда мне пулечку в преферанс расписывать? – хихикнул начальник и шутливо погрозил пальцем.

– Не сомневайтесь, ваше благородие, все сделаю в наилучшем виде, – охваченный показным рвением, вытянулся чиновник.

– А разговорчик-то с финансистом не откладывайте и чуть свет наведайтесь... Ну вот, на том и остановимся. Все свободны, господа.

II

«Большие города отличаются от провинциальных не только наличием театра, синематографа, самодвижущихся автоколясок или многочисленных выставок. В них нравы жестче и человеческое зло выплескивается наружу, как помои на мостовую. Если в уезде богобоязненный народ живет по общинным устоям, страшась людского порицания, то в крупном городе грань между добром и злом размыта и точной строгости лишена. Вековая оторванность горожан от земли и отрицание христианских традиций может привести человечество к гибели. И что произойдет, если лет через сто, допустим году в 2007, просвещенные и образованные люди перестанут ходить в церковь и уважать святую слабость больных стариков? Хочется верить, что Россию сей кошмар обязательно минует... Но ведь свежи еще в памяти трагические дни беспорядков пятого года, когда повально

грабили магазины и бушующая как шторм толпа с наслаждением рвала на части тела захваченных городских. К сожалению, русская православная церковь и консервативное самодержавное государство недостижимо отстали от жизни и так слепо верят в свою непогрешимость, что не замечают появления новой опасной сорняковой поросли – разного рода анархистов и социал-демократов – тех, кто по собственному миропониманию не может следовать гуманным и человеколюбивым принципам. Август, 31 дня, 1907 года».

Ардашев положил перо на подставку письменного прибора и, откинувшись в кресле, закрыл глаза. Много лет он не имел права доверять мысли бумаге и часто представлял, как однажды он соберется и напишет все то, что накопилось у него в душе за долгие годы и покоилось внутри неподъемным грузом, мешая иногда дышать полной грудью.

В бессонницу думается лучше. Ночью тишину нарушает лишь легкое шипение фитиля фотогеновой лампы да трескотня свечка, поселившегося за бесполезной летом печкой. Письменный малахитовый прибор, пресс-папье, подсвечник, еще не тронутые пером белые листы бумаги, сложенные аккуратной стопкой, – все настраивало на определенный рабочий лад, когда хочется класть на нежную поверхность чистого листа первые буквы, лепить из них слова и выкладывать целые предложения.

Послышался треск телефонного аппарата. Боясь разбудить жену, адвокат быстро снял с рычага трубку и удивленно посмотрел на часы, которые показывали начало пятого утра. На линии стоял невообразимый треск, за ним угадывался знакомый голос:

– Клим Пантелеевич, это Доршт. Срочно приезжайте ко мне. Я вас очень прошу... Ворвался какой-то полицейский с городскими, и они хотят меня арестовать... – Раздались гудки, и барышня с телефонной станции сообщила, что связь прервалась.

– Кто звонил?

В дверном проеме стояла Вероника Альбертовна.

– Все-таки телефон тебя поднял, – вставая с кресла, с сожалением проговорил Ардашев. – Доршт прокричал в трубку, что к нему ворвались полицейские и собираются его арестовать. Просил срочно приехать. И видимо, у меня нет выбора...

– Будь осторожен. На улицах в этот час много разного люда бродит, а извозчика ночью только у Тифлисских ворот и можно отыскать.

Спустя четверть часа адвокат вышагивал вниз по Николаевскому проспекту, убедившись в правильном предположении супруги. Действительно, у Тифлисских ворот стояла коляска, а в ней громко храпел возница. Фаэтон с откидным верхом домчал присяжного поверенного до Ольгинской улицы в считанные минуты. Входная дверь оказалась открытой, и Ардашев сразу прошел в гостиную. Картина была удручающая. В углу комнаты, в атласном халате и тапках, понуро свесив голову, с бледным страдальческим лицом, на стуле восседал Вениамин Яковлевич. Рядом с ним рыдала жена, а из-за шторы соседней комнаты выглядывало испуганное личико дочки. И в то же самое время, заложив большой палец правой руки за край форменного сюртука, по комнате расхаживал важный, как индюк, Каширин. Два статных городских водили головами, следуя за начальником. Появление присяжного поверенного его не обрадовало.

– Ну, конечно! Дорогой вы наш Клим Пантелеевич, как всегда, не могли заснуть и этот часика в четыре утра надумали прогуляться по ночному Ставрополю и совершенно случайно забрели на Ольгинскую, а там у финансиста Доршта свет в окнах загорелся, и вы решили на огонек к нему заглянуть. Ну что, я прав? – ехидничал Каширин.

– Нет, Антон Филаретович, и на этот раз не угадали. Полчаса назад мне протелефонировал сам господин Доршт и попросил приехать.

– Ах вот оно что! А я, простофиля, понять не мог, куда это он так жалобно просится? Сидит, скулит... ну, думаю, ладно, приспичило человеку... Ах ты, гусь лапчатый! Нам сказал, что по нужде надо выйти, а сам к телефонному аппарату шаст и давай рычажок крутить. Что ж ты так, а? – неприятным, как скрип половицы, голосом язвил полицейский.

– Милостивый государь! Вы врываетесь ко мне домой посередине ночи, грозите отвезти в тюрьму, суете в лицо обрывок какой-то проволоки, оскорбляете, кричите на мою жену, и я должен все это терпеть? – задыхался от возмущения глава семейства.

– Вениамин Яковлевич, если я правильно понял, вас подозревают в убийстве господина Жиха? – вмешался в словесную перепалку Ардашев.

– Ошибаетесь, премногоуважаемый господин Ардашев! Мы его об-ви-ня-ем, – по слогам, потрясая поднятым вверх указательным пальцем, злорадно прокричал полицейский.

– А доказательством вашей вины, по всей вероятности, является тот факт, что фортепьянная струна, найденная на месте преступления, ранее принадлежала вот этому пианино? – Не отвечая на реплики полицейского, присяжный поверенный обращался к хозяину дома, указывая на музыкальный инструмент.

– Да-да, Клим Пантелеевич, они так и говорят, – обреченно кивнул Доршт.

– Что ж, господа полицейские, я вынужден вас разочаровать. Во-первых, Соломон Моисеевич был убит не этой струной, а другой, не имеющей к этому инструменту никакого отношения. Следовательно, Вениамин Яковлевич к данному делу не причастен.

– Вы бы бросили эти свои столичные шуточки, Клим Пантелеевич! Сами ведь отыскиали орудие удушения и начальству нашему, можно сказать, на блюдечке его преподнесли, опозорив сыскную полицию на всю округу. А теперь струна, видите ли, не та? Что ж это такое получается? Извольте объясниться, – возмущался Каширин, поправляя для важности саблю.

– Пожалуйста. Дело в том, что, найдя кусок струны, я не поленился измерить ее длину, которая составляла немногим более одиннадцати вершков, а в метрической системе измерений – пятьдесят сантиметров. Задушить этим коротким обрывком столь полного человека, каковым являлся покойный, решительно невозможно! Ведь для того, чтобы удержать сопротивляющегося мужчину, убийце пришлось бы намотать часть импровизированной удавки на каждую руку, но в таком случае она должна быть как минимум один метр.

– Вон вы куда угол-то загибаете! – воскликнул удивленный Каширин.

Ардашев достал из кармана коробочку монпансье, открыл ее, рассматривая разноцветные конфетки, но потом, видимо передумав, убрал леденцы и продолжил объяснение:

– Но это еще не все. Если вы, Антон Филаретович, достаточно хорошо помните картину преступления, то вам наверняка запомнилось, что вокруг шеи потерпевшего проходила тонкая багровая борозда, из которой капала и сочилась кровь, отчего белая рубашка стала красной. Вряд ли это могло бы иметь место при использовании самой толстой фортепьянной струны, которая служит для извлечения ноты ля субконтроктавы. Если бы она была орудием убийства, то тогда вокруг шеи несчастного вздулся бы багровый рубец, но не кровь. Злоумышленник раздобыл этот кусок струны в музыкальном магазине и затем оставил его подле убитого, чтобы пустить следствие по неверному пути. Он очень торопился и поэтому, открыв верхнюю крышку пианино, насколько позволяла длина его руки, откусил кусачками струну от ее нижней части, а потом уже от того места, где она была закреплена на верхней колке. Я думаю, вам теперь понятно, что Вениамин Яковлевич тут ни при чем.

– Может, конечно, вы и правы, но мне все-таки придется на днях вызвать господина Доршта для беседы со следователем... Ладно, заработались мы здесь, а еще дел невпроворот. – Каширин неторопливо, с показным достоинством поправил фуражку и вышел из комнаты. За ним нехотя потянулись городовые.

– Клим Пантелеевич – спаситель! Подождите минуточку, – щебетал Доршт, точно разбуженная канарейка, и, ненадолго скрывшись в другой комнате, появился снова. Протянув Ардашеву сто рублей, он на мгновенье замер, испугавшись, что адвокат сочтет сумму недостаточной.

Приняв гонорар и пожелав покоя разбуженной среди ночи семье, присяжный поверенный вышел на улицу и с наслаждением вдохнул свежий, слегка прохладный воздух.

Утро уже наступило, и птицы весело щебетали на ветках, наполняя окрестности веселым и беззаботным гамом. Солнце всходило за спинами добротных каменных купеческих особняков. Дворники в длинных фартуках подметали тротуары, а мимо них, со стороны близлежащих сел, друг за другом тянулись на базар скрипучие крестьянские подводы с молоком, мясом, спелыми фруктами и овощами. Проснувшись, богатый город чистился и умывался, чтобы радостно встретить первый день осени.

Сумерки над городом

В задымленном помещении рюмочной, или «обжорки», как ее называли в простонародье, яблоку негде было упасть. Извозчики, поденные рабочие и лоточники, целый день торговавшие чужой снедью на Нижнем базаре, сидели на лавках за грубыми деревянными столами под цветными и не особенно чистыми скатертями. Над потолком чадили керосинки.

Половые носились взад и вперед, разнося требуху с огурцами, отварные потроха домашней птицы с кашей, знаменитые свиные сальники и фрикадельки, пропаренные в жиру с чесноком и красным перцем. Повсюду стоял неприятный запах прокисших позавчерашних щей. Он образовался из идущего с кухни пара от свежеприготовленных блюд и пахучего грошового вина, перемешанного со смрадом едкой махорки и затхлым духом подвальной плесени.

Гармонист в изрядном подпитии усердно тряс черными как смоль кудрями и сильными, совсем не музыкальными руками истово двигал меха гармошки, мало обращая внимания на музыку. Ему вторил нетрезвый балалаечник, который, раскачиваясь на табурете из стороны в сторону, выкрикивал слова малоприличной песни «Сарафанчик-расстеганчик»:

И в светлицу на рассвете
Воротилась разодега,
Разорвавши сарафан.
Долго мать меня журила
И до свадьбы запретила
Выходить за ворота.

Так уж издавна отчего-то повелось, что на Нижнем базаре чаще всего собирались мелкие воришки, нечистые на руку перекупщики краденого и разного рода подпольные «абвокаты» – юристы-самоучки из числа бывших письмоводителей или недоучившихся студентов. Всего за один целковый они были готовы составить слезное прошение или «нацарапать» клязу по просьбе любого малограмотного мужика. Для этих целей в «обжорке» имелось несколько отгороженных кабинок, закрытых от посторонних глаз. В одной из них находилось трое совершенно разных людей: молодой человек в очках, студенческого вида, бородатый кавказец с угрюмым лицом и господин лет пятидесяти, в серых брюках, сюртуке и белой сорочке с темным галстуком. На столе пузатился графин смирновской водки, нарезанный большими кусками адыгейский сыр, шашлык на деревянных палочках, свежие овощи, маринованный перец, чеснок и квашеная капуста с огурцами.

Немолодой господин изъяснялся тихо, стараясь не смотреть в глаза собеседникам:

– Адвоката надо убрать. Подбросьте завтра ему вот это письмо. – Он достал из внутреннего кармана запечатанный конверт и положил перед молодым человеком. – Там написано, что с ним хочет повидаться человек, который знает, кто убил Жиха. Но этот свидетель опасается мести и поэтому просит о тайной встрече: в полночь, на кладбище Успенской церкви у старого армянского склепа. – И, повернувшись в сторону бородача, добавил: – Это твой гость, Рамазан...

Человек кавказской наружности перестал есть, пристально посмотрел в глаза тому, кто назвал его имя, и, облизав жирные пальцы, прошипел:

– Э, сначала я этому шакалу глаза выколю, потом мэдленно ущи отрэжу, а рот паганый его вот этой трапка заткну. – Из кармана он вытащил грязный, в бурых пятнах носовой платок и, швырнув на стол, пояснил: – Он вибросил, а я подобрал. Тэпэр надо взрнут... – Тавлоев, не моргая, смотрел на собеседника, у которого от его пристального и холодного взгляда невольно вздрогнула голова и, как у черепахи, сама втянулась в плечи. С едва заметной дрожью в голосе он проронил:

– Но это еще не все... Вечером следующего дня ты, Михаил, должен будешь сделать то, о чем мы с тобой условились. Не забудь – ровно в девять, ни раньше, ни позже. – Он замолчал и выудил из внутреннего кармана сюртука еще два конверта и, положив их на стол, добавил: – А это вам за работу: по пятьсот рубликов на брата.

Подождав, пока деньги исчезнут в карманах сообщников, господин позвонил в колокольчик, и тотчас неизвестно откуда появился услужливый половой с наведенной улыбкой, хитродобродушными глазками и жирным лбом, перетянутым морщинами, словно нитками:

- Изволите десерт-с?
- Принеси-ка нам фруктов разных и бутылочку нашей мадеры, да побыстрей!
- Сию минуту...

И действительно, в мгновение ока появилась ваза с крупным розовым виноградом, желтыми спелыми персиками, абрикосами, яблоками и высокая бутылка с цветной этикеткой «Крымская мадера» товарищества «Токмакова и Молоткова».

– Ну, а теперь о главном. В следующую среду из Ставрополя в Благодарный повезут крупную сумму для строительства уездной больницы. Особой охраны, кроме двух фельдъегерей, не будет. Карета выедет утром, а вечером того же дня где-то в районе моста через Сухую Буйволу вы должны их подкараулить и...

- Это нам рэшат, где лютче их встрэтить, – глядя исподлобья, недовольно проговорил Рваный.
- Не горячись, Рамазан. – Евсеев опустил руку на плечо товарища, остудив пыл.
- Ну, мне пора, а вы посидите еще. Полагаю, мы обо всем договорились. – Человек в сером сюртуке оставил на столе десять рублей, что было явно излишним, и быстро покинул помещение. От всей его поспешности сквозило нервозностью и какой-то опаской.

Со стороны было хорошо заметно, что общение с этими людьми его тяготило и угнетало, заставляя сожалеть о том дне, когда шальная мысль о легких деньгах нежданно-негаданно пришла к нему в голову и, превратившись в самоцель, осталась там навсегда. «Именно сейчас наступает заключительная стадия плана... Но этот присяжный поверенный слишком глубоко копает и, кажется, о чем-то догадывается... Слава богу, жить ему осталось немного и уже завтрашней ночью он отправится в гости к толстяку Соломону», – успокаивал себя солидный господин.

Странный прохожий шел вверх по Николаевскому проспекту и, погруженный в собственные раздумья, то хмурился, то улыбался. От резкого звука он внезапно вздрогнул и перекрестился: с главного колокола губернии слетел Божий звон и покатился вниз по улицам и переулкам, заполняя собой все пространство многотысячного хлебосольного города. «Надо будет попросить у Господа прощения», – подумал человек и свернул к кафедральному собору.

– Одари копеечкой, барин, судьбу расскажу. – Завидев одинокого мужчину, сидевшая на ступеньках старая цыганка встрепенулась и живо подбежала в надежде заработать.

«А что? Пусть погадает!» – пронеслась мимолетная мысль.

Он небрежно бросил ей несколько монет, незаметно исчезнувших в многочисленных складках пестрого платья, и протянул левую руку. Смуглая пожилая женщина долго рассматривала мягкую ладонь, затем подняла глаза и грустно произнесла:

– Ждет тебя казенный дом и дальняя дорога... – И, развернувшись, поспешила прочь, но молодой осенний ветер догнал ее и, будто в отместку за жуткое пророчество, растрепал перевязанные красной косынкой седые волосы.

Человек растерянно посмотрел ей вслед, сел на скамью и стеклянными глазами уставился в небо. Прямо на него, отражаясь в зеркальном золоте куполов,плыли темные, как погребальный наряд, облака. На город спускались лиловые сумерки.

31

Ночная охота

– Константин Виленович, могу ли я ознакомиться с книгой по учету отправленных посылок и реестром телеграмм за прошедший месяц?

– Безусловно. Я распоряжусь, чтобы все принесли прямо сюда.

Почтмейстер исчез за дверью, видимо давая указания подчиненным, и, вернувшись, проговорил:

– А пока, Клим Пантелеевич, я бы хотел угостить вас популярным в Англии напитком – шотландским виски. Малосведущие люди иногда называют его английской водкой. Но это общее заблуждение. Несмотря на большой градус, виски имеет богатый вкус, который достигается за счет того, что в течение долгого времени оно созревает в дубовых бочках. Предпочтительно, если раньше в них держали коньяк или херес. Хороший и выдержанный «Скотч» в нашем захолустье – редкость. – Расстегаев открыл стеклянную дверцу шкафа и достал цилиндрическую бутылку из темного стекла. Откупорив ее, он наполнил два коньячных бокала и тяжело плюхнулся в кресло как раз напротив Ардашева.

– Да, вы правы. Действительно превосходный вкус. В особенности мне нравится настоящее шотландское, производимое из ячменя. Говорят, что в процессе сушки зерен в качестве топлива используется торф, он и придает ему своеобразный, едва различимый дымный аромат, – проявил свои познания Ардашев, вдыхая благоухающий букет заморского напитка.

– Приятно общаться со знающим человеком. Согласитесь, в России виски правильно пить не умеют. Господин Высотский как-то жаловался мне, что, после того как он выкушал пять фужеров «Скотча», на утро ему едва удалось оторвать голову от подушки. И это не удивительно. В нем содержится достаточно много сивушных масел и при безмерном употреблении наступает тяжелое и болезненное похмелье. Но ведь благодаря этим примесям мы и наслаждаемся его неповторимостью, в отличие от нейтральной по вкусу русской водки. Нет, этот эликсир надо тянуть с удовольствием, за неторопливым разговором, с хорошей сигарой или любимой трубкой. Знаете, я старый грешник и вам откровенно признаюсь: виски требует к себе весьма деликатного отношения, и, если вы сумели его распознать, вам откроются все его прелести... точь-в-точь как с женщиной. – Отхлебнув маленький глоток и прикрыв глаза, Константин Виленович проговорил: – Ах, Клим Пантелеевич, чертовски коротка наша жизнь и львиную долю ее прелестей мы не успеваем изведать!

Бесшумно открылась дверь, и на пороге кабинета показался почтовый работник с пухлой книгой под мышкой и небольшой картонной папкой в другой руке.

– Благодарю, любезный, можешь идти. – Начальник махнул рукой, и подчиненный удалился.

Открыв реестр там, где была закладка, Ардашев внимательно пробежал глазами несколько страниц, достал «Waterman» с золотым пером и что-то записал, а затем с довольным видом перешел к содержимому папки. Нужных телеграмм оказалось несколько. Сделав пометки в блокноте, присяжный поверенный поблагодарил Расстегаева за помощь и, ничего не объясняя, поспешно удалился, поймав его недоуменный взгляд. Спустившись по скрипучим порожкам деревянной лестницы почтового ведомства, Клим Пантелеевич вышел на Театральную улицу и своей обыкновенною походкой, слегка выкидывая вперед трость, направился в сторону проспекта.

У здания окружного суда он остановился, раскланиваясь с коллегой, и собирался было перейти дорогу, как откуда-то из-за угла подлетел сорванец лет десяти и со словами: «Дядя, вам просили передать!» сунул в руку письмо и так же внезапно исчез. От неожиданности адвокат опешил, но, быстро овладев собой, присел на ближайшую лавочку. Распечатав конверт, он прочел:

«Достопочтенный господин Ардашев!

Мне известно, что вы частным образом занимаетесь расследованием убийства господина С.М.Жиха. Имею величайшую необходимость сообщить вам, что волею случая я оказался свидетелем этого преступления и располагаю неопровержимыми уликами в отношении убийцы. Именно поэтому я опасаюсь за свою жизнь и прошу вас о тайной встрече, которая должна состояться сегодня в полночь на Успенском кладбище, у старого армянского склепа.

С глубочайшим уважением,
Православный христианин».

«Вот так фортель! Ну что ж, если приглашают, надо идти. Интересно, сколько их будет? Двое, трое? По крайней мере, сегодня ночью многое прояснится: либо действительно есть свидетель, что маловероятно, либо я подобрался слишком близко и у «него» сдают нервы. Ладно, в полночь так в полночь», – рассуждал присяжный поверенный.

Спрятав письмо в карман сюртука, Клим Пантелеевич с беззаботным видом вновь продолжил прерванный путь. Всю дорогу он не мог отделаться от мысли, что этот почерк ему хорошо знаком, но вспомнить, кому он принадлежит, адвокат так и не смог.

«Видимо, дело принимает серьезный оборот, если за мной установили слежку. Они ведут меня вдвоем, первый номер идет сзади по бульвару, а второй – по параллельному тротуару, на тот случай, если я решу свернуть вправо. Ох и грамотеи! Бог с вами, наблюдайте... Да только я уже дома!»

Ардашев затворил за собой дверь и задвинул засов, что обычно делал только на ночь. Через легкую прозрачную штору он хорошо видел этих двоих. Они больше не изображали случайных незнакомых прохожих, а стояли вместе, курили папиросы и что-то оживленно обсуждали, поглядывая на окна адвокатского дома. Затем один из них медленно направился вверх по улице, а другой, достав из кармана газету, развернул ее и уселся на скамью, не выпуская из виду входную дверь.

Оставшееся до назначенной встречи время пролетело как-то невообразимо быстро, наверное, оттого, что после продолжительного обеда адвокат решил хорошенько выспаться, и, надо признаться, это ему удалось. Клим Пантелеевич решил не посвящать супругу в обстоятельства планируемой встречи, а только предупредил, чтобы она не дожидалась его возвращения и ложилась спать. И все. Больше никаких разъяснений или оправданий.

За долгие годы совместной жизни Вероника Альбертовна привыкла к скупым объяснениям мужа и даже не пыталась задавать лишних вопросов, прекрасно понимая, что кроме сказанного ничего нового не услышит. Тем временем Ардашев проверил браунинг и, снарядив запасную обойму, заткнул пистолет за пояс. Надо отметить, что вся одежда, включая сорочку, была темного цвета, практически не различимого ночью. Трость на этот раз адвокат оставил дома, не забыв, однако, охотничий складной испанский нож с длинным и тонким лезвием, который легко открывался в сторону благодаря специальному механизму с возвратной пружиной. На всякий случай он решил не гасить лампу в кабинете, дабы с улицы создавалось впечатление, что в комнате кто-то есть.

Похоронив шесть лет назад отца на Успенском кладбище, Ардашев хорошо знал его окрестности, и заранее осматривать место встречи надобности не было. Выглянув в окно, он убедился, что лавочка напротив дома была пуста, но у дороги стоял возница, что выглядело подозрительным. Извозчикам строго-настрого запрещалось караулить народ по улицам вдоль домов. Для них по указу городского головы были отведены специальные места, где коляски ожидали пассажиров. Ближайшая биржа располагалась у Тифлисских ворот – в ста саженях от адвокатского дома. Вот поэтому одиноко стоящий экипаж будоражил нервы и наводил на мысли о слежке.

Учитывая это обстоятельство, уйти предстояло скрытно. Выйдя во двор, Клим Пантелеевич открыл калитку в дальнем конце сада и, пройдя по узкой тропинке между двумя участками, вышел к параллельной с Николаевским проспектом 2-й Михайловской улице. К ограде Успенского кладбища он подкрался со стороны чугуно-литейного завода «Руднева и Шмидта» и заранее взвел пистолет. Легко перемахнув через невысокую ограду, Ардашев остановился у первой могильной плиты.

Глаза быстро свыклись с темнотой, и заработал тренированный годами слух: присяжный поверенный различил больше десятка посторонних звуков, но все они, казалось, имели природный характер и человеку принадлежать не могли. Передвигаясь от одного ствола дерева к другому, Клим Пантелеевич незаметно приблизился к склепу на расстоянии прицельной стрельбы.

Рядом с погребальным сооружением различалось очертание человеческой фигуры, прижатой спиной к стволу дерева. Адвокат достал часы и, беззвучно открыв крышку, посмотрел на циферблат: до полуночи оставалась всего одна минута. Осторожно отстегнув от жилетной петли цепочку, он повесил часы на ветку березы и зашел с противоположной стороны. Тут же вытащил

из-за пояса пистолет и, опустившись на одно колено, изготовился к стрельбе. Почти сразу же заработал механизм карильонов, и в ночи заиграла знакомая мелодия оперетты, и тотчас раздались многочисленные, следовавшие один за другим выстрелы. От дерева, на котором висел золотой хронометр Мозера, в разные стороны полетели куски древесины. По пистолетным вспышкам Ардашев засек стрелка, ведущего огонь из соседнего склепа, и, прицелившись, плавно спустил курок. Раздался нечеловеческий крик, похожий на рев раненого медведя, и вдруг все так же внезапно стихло. Присяжный поверенный проворно сменил позицию, изготовившись для стрельбы, как вдруг заметил, что от церкви быстро приближался огонь переносной лампы «летучая мышь» и далекий стук сапог бегущих по брусчатке людей.

«Ардашев, не стреляйте! Это Фаворский!» – прокричал знакомый голос. В момент, когда присяжный поверенный повернулся на свет, из склепа метнулась чья-то тень и бросилась в противоположную сторону кладбища. Под ногами убегающего человека трещали сучья, но палить вдогонку не имело никакого смысла. К тому же беглеца, видимо, ждала лошадь, что через пару секунд подтвердилось стуком копыт. Адвокат отряхнул брюки, спрятал пистолет обратно за пояс и, подойдя к «расстрелянной» березе, снял с ветки часы. Швейцарский механизм исправно работал и, к счастью, повреждений не имел.

– Слава богу, не опоздал, – обрадованно проговорил запыхавшийся от быстрого бега жандарм.

– Да, Владимир Карлович, охоту вы мне изрядно подпортили, – с досадой в голосе ответил Ардашев. – Теперь этот «подранок» большой беды может натворить.

– Да не расстраивайтесь, Клим Пантелеевич, в ближайшие дни мы его возьмем. Немного ему бегать осталось. Главное – вы целы и здоровы.

Принесенный фонарь выхватил из темноты привязанного к дереву старика с кляпом во рту. Им оказался кладбищенский сторож. Из сбивчивых объяснений несчастного стало ясно, что незнакомый кавказец без каких-либо объяснений силой привязал его к дереву у армянского склепа.

– Он, видимо, рассчитывал, что я начну стрелять по сторожу и тем самым обнаружу свое местоположение, став для него легкой мишенью.

– Весьма вероятно.

– Мне кажется, злоумышленник ранен и в соседнем склепе должны остаться следы крови. Так что, господа, давайте его внимательно осмотрим, – предложил адвокат.

Замок на покосившейся от времени деревянной двери был сбит и валялся на земле. Внутри похоронного сооружения крови не обнаружили, и это обстоятельство слегка всех озадачило. Но в углу, отражая слабый свет керосиновой лампы, мелькнул едва заметный металлический отблеск. Ардашев нагнулся и подобрал помятую луковичку карманных часов. На крышке читалась гравированная надпись: «Ярославу от отца».

Жандармский ротмистр печально заметил:

– Эти часы, вероятно, принадлежали убитому фельдъегерю Ярославу Тучкову. Их экипаж был ограблен на Черкасском тракте в Медвеженском уезде несколько недель назад. Все, включая кучера, погибли. В рукаве мундира второго фельдъегеря мы обнаружили черную жемчужину, предположительно от женских бус. Так я и думал... Здесь был Рамазан Тавлоев – беглый каторжник, по кличке «Рваный». Получается, Клим Пантелеевич, ваша пуля попала в часы, которые и спасли ему жизнь. А кричал он от боли, еще не понимая, что цел и невредим. Судя по всему, последние убийства в Ставрополе и ограбления почтовых карет в уездах – звенья одной цепи, – предположил ротмистр, прикуривая папиросу.

– А если учесть, что преступник выстрелил подряд девять раз, то, выходит, это опять тот самый маузер с магазином на десять патронов. Из такого же оружия расстреляли в поезде французов и устроили пальбу в доме Клары Жих, – добавил Ардашев.

– Так оно и есть. Но разрешите полюбопытствовать, как вы здесь оказались? Неужели из-за того письма, которое вам сунул мальчишка?

– А... теперь мне понятно, что стоящие передо мной господа и есть те двое, что вели меня на Николаевском. А вы, как я понимаю, Владимир Карлович, судя по заношенному зипуну, косоворотке и яловым сапогам, и есть тот самый кучер, облюбовавший стоянку рядом с моим домом, не так ли? – по-доброму усмехнулся присяжный поверенный.

– А что было делать? Мой агент в трактире сообщил, что в закрытом кабинете он прислуживал трем подозрительным посетителям, обсуждавшим убийство какого-то адвоката. К сожалению, ни одного из них он раньше не видел... Я предположил, что этой жертвой могли оказаться вы, и в целях вашей безопасности приставил филеров. И как видите, Клим Пантелеевич, я не ошибся. Однако вы нас обхитрили и благополучно ускользнули от слежки.

– Тем не менее, господа, благодарю, что пришли на помощь. Правда, я был уверен, что преступник, легкомысленно истративший без малого весь боезапас, окажется у меня в руках, но он ушел... негодник. А что, Владимир Карлович, приглашу-ка я вас отведать вишневой наливочки? Как вы на это посмотрите? – радушно предложил Ардашев.

– С превеликим удовольствием, Клим Пантелеевич. Я-то человек свободный, но, боюсь, вашей супруге столь поздний визит незваного гостя может не понравиться.

– А мы не станем будить Веронику Альбертовну и расположимся прямо в моем кабинете. Ну что, принимаете предложение?

– Как же тут не согласиться!

Фаворский, Ардашев и двое полицейских в коляске доехали до роскошного здания, принадлежащего присяжному поверенному. Стук копыт одинокого экипажа гулко отдавался в ночной тиши спящего города. Ротмистр, дав напоследок указания подчиненным, отпустил их и направился вслед за Ардашевым. Они тихо прошли в мирно спящий дом, куда совсем недавно могла вселиться беда.

32

Скитания грешной души

С тех пор, как Полина спасла Михаила, предупредив о скором визите жандармов, прошло несколько дней. За это время в ее душе успела раствориться обида и вновь поселилась любовь. Они жили вдвоем на краю города, в небольшой свежевыбеленной хате с русской печью посередине и светлыми сенями.

Но первую ночь после вынужденного бегства Михаил провел на земляном полу, подстелив вместо матраса старое студенческое пальто. Девушка не позволила ему лечь рядом и ледяным молчанием отвергала его извинения, уговоры и оправдания. Вскоре она не заметила, как уснула.

Утро пришло с первыми лучами солнца, едва пробивающимся сквозь неровное, бугристое стекло маленьких неказистых, будто слюдяных окон, за которыми виновато покачивались кряжистые ветви старой жимолости. Открыв глаза, она поняла, что рядом никого нет. И тогда девушка дала волю своим оскорбленным и преданным чувствам. Жестокая и непримиримая к врагам эсерка ревела навзрыд, рыдала, уткнувшись в подушку, голосила не переставая, с надрывом и подвываниями, пока наконец не почувствовала, что отпустило... Как в детстве, она села на краешек деревянной, сбитой из свежеструганных досок кровати и, размазывая по лицу рукавом ночной рубашки слезы, стала понемногу успокаиваться.

Дверь распахнулась, и со скрипом не смазанных петель в комнату ворвался Михаил. Он стоял с огромной охапкой белых хризантем и улыбался. Одетый в простую крестьянскую одежду: темные штаны из грубой материи и светлую косоворотку, – возлюбленный казался еще моложе своих лет. Преклонив перед ней колени и вытирая с ее лица слезинки, он прочитал:

– Как солнце, мне твоя улыбка дорога!
Ты взглянешь весело – я пытку забываю...
Но тверже и острее я лезвия не знаю,
Чем блеск очей твоих перед лицом врага.

То – оскорбленная души твоей святыня
Глядит, безмолвная, как гордая звезда...
Я втайне умилен, тебе молюсь тогда:
И ненавидишь ты, и любишь как богиня.

- Это кто? Бальмонт или Сологуб? – все еще всхлипывая, спросила Полина.
- Петр Якубович...
- Скажи, ты ее больше не любишь?
- Нет. Теперь ты у меня единственная...
- А почему «теперь»?
- Потому что я видел, как ты плачешь...

Полина часто заморгала красными и распухшими от слез глазами и, уставившись в пол, тихо произнесла:

– Ты знаешь, мне порой кажется, что это все зря... Убийства, грабежи... Что мы расскажем своим детям? И будут ли они у нас? Или нас ждет виселица? Мне страшно... А если наша борьба бессмысленна и крестьянская революция – утопия? Послушай, милый, давай все бросим и уедем в Америку. Там нас никто не узнает, и мы начнем жить заново. А?

– Не знаю, возможно, ты и права. Но тогда нам понадобятся деньги и новые паспорта. Придется скрываться и от полиции, и от своих... А значит, нужен еще один экс – последний.

Минула неделя с того памятного разговора, и Михаил готовился выполнить работу, за которую ему уже неплохо заплатили. Неожиданно в окно постучали условленным стуком... Отворив дверь, он увидел Рваного с перекошенным от боли лицом.

Из сбивчивого рассказа абрека стало понятно, что его постигла неудача. Он не только не смог прикончить адвоката, но и сам чуть было не оказался в его руках. Выручили часы, которые Рамазан забрал у застреленного Полиной фельдъегеря во время прошлого налета. Пуля, отрикошетив от серебряной крышки, сломала горцу ребро, и теперь нестерпимо ныл правый бок. Тавлоев морщился, но терпел, пока Полина мазала йодом больное место.

– Да, Рамазан, адвокат этот как заговоренный. Все ему нипочем. Ладно, закончим с почтовой каретой и наведемся к нему домой. А вот там и поговорим... Ты поешь и ложись спать, в сенях постелено. А рано утром поезжай к цыганам. Долго тебе здесь оставаться нельзя. Опасно. Не ровен час, соседи околоточному донесут, что квартирант подозрительный поселился. А мне завтра вечером надо одно важное дельце проверить...

Михаил вышел из хаты во двор. В тишине пели сверчки и в темном небе холодным светом мерцали неприступные мертвые звезды. Луна опустилась так низко, что, казалось, ее можно было достать руками, стоило лишь потянуться. Ночная красота ранней осени совсем не трогала, и на сердце у беглого каторжника было спокойно. Вторую ночь его мучил один и тот же кошмар – картина его собственной смерти. Лихорадочно проснувшись от холодящего спину страха, он уже не мог сомкнуть глаз до утра. Казнь вырисовывалась настолько явно, что еще во сне становилось жутко и хотелось, как в малолетстве, расплакаться.

Виселица стояла посередине тюремного двора. К зарешеченным окнам сырых камер приникли сотни арестантских глаз. Его, одетого в чистое исподнее, в кандалах и под барабанный бой выводят во двор и по ступенькам помогают подняться на эшафот. Ноги подкашиваются, но ему не дают упасть и все время поддерживают сзади. Барабаны ненадолго стихают. Толстый полицейский невнятно и монотонно зачитывает конфирмацию, то и дело вытирая потное лицо грязным платком. Торопливо подбегает тюремный кузнец и выверенными ударами расковывает цепи. Батюшка дает приложиться к кресту и, прочитав короткую молитву, поспешно уходит. Распугав на крыше ворон, по округе разносится жуткая барабанная дробь, и тощий невысокий кат³[3] умелым движением надевает на голову осужденного белый саван, а поверх него набрасывает петлю, заранее смазанную салом. Узника ставят на западню. Офицер, будто страшась неотвратимой Божьей кары, трусливо и неуверенно машет платком в сторону виселицы, и в ту же секунду палач одним махом выбивает подпорки... Приговоренный раскачивается в судорожных конвульсиях и постепенно замирает.

Сегодня наступала третья ночь, и Евсеев боялся, что ужас снова наведается и сон станет вещим. Надо бы, наверное, сходить в церковь и вымолить у Господа прощения, и тогда, возможно, могло бы и полегчать. Правда, в этом случае пришлось бы повиниться во всех

³ Кат (уст.) – палач.

кровавых прегрешениях, а каяться он давно разучился, да и столь тяжкие грехи одними молитвами искупить невозможно.

...Михаил пробудился среди ночи и до рассвета смотрел в серый, как могильный памятник, створ двери... Сон повторился вновь.

Загадочный выстрел

Этот вечер не предвещал неожиданностей. После продолжительного ужина Ардашевы сидели в любимой беседке и, несмотря на дождь и грозу, наслаждались свежим воздухом и привычным напитком – травяным чаем, который Вероника Альбертовна в шутку называла «Ардашевский превосходный». Способ его приготовления был до чрезвычайности прост: надо взять немного листиков клубники, малины, смородины и чуть-чуть лимонной мяты, окатить холодной водой, а затем уложить слоями в заварной фарфоровый чайник среднего размера, залить крутым кипятком и настоять. Через двадцать минут можно приступать к чаепитию.

Из дома, забыв открыть зонт, по дорожке бежала горничная Варвара и испуганно сообщила, что на проводе телефонного аппарата Клим Пантелеевича ожидает начальник сыскной полиции Поляничко. Адвокат раскрыл зонт и, пройдя в гостиную, взял трубку:

– Я слушаю, Ефим Андреевич.

– Вы уж извините, Клим Пантелеевич, что беспокою вас в столь позднее время. У нас снова стряслась беда. Меньше часа назад в своем рабочем кабинете, на почтамте, убит разоблаченный вами на днях господин Тюлькин. В его смерти много неясного, и я опасаюсь, что это одна и та же череда загадочных преступлений, целый месяц сотрясающих нашу губернию. К тому же мне кажется, что вчерашнее нападение на вас как-то связано с сегодняшним происшествием. Похоже, этот проворовавшийся чиновник был застрелен из автоматического пистолета системы «Маузер». Я был бы вам крайне признателен, если бы вы нашли возможность сейчас приехать, чтобы все увидеть воочию. Если вы согласны, я вышлю за вами полицейскую пролетку.

– Хорошо, буду готов через двадцать минут. До встречи. – Клим Пантелеевич повесил трубку.

– Опять что-то стряслось? – Вопрос принадлежал супруге, которая только что зашла в залу.

– Видимо, да. Надобно срочно уехать. Обещали прислать экипаж. Очень тороплюсь.

– Ты знаешь, Клим, я заметила, что примерно месяц назад, после утреннего визита того коммерсанта, впоследствии убитого, по-моему, его фамилия Жих, в нашей семье закончилась спокойная жизнь, и я снова стала за тебя переживать... Мне кажется, ты сильно увлекся расследованием этого дела и совсем забыл обо мне. А ведь у меня никого кроме тебя нет. Бог детей нам не дал. – На глазах у Вероники Альбертовны навернулись слезы.

– Видишь ли, Вероника, страна катится в какую-то пропасть. Людей «шлепают» словно мух. Я не могу на это спокойно смотреть. Сыскное отделение создано только в этом году, да и судебные следователи в основе своей настоящего опыта не имеют. Откуда ему взяться, если всю жизнь они разыскивали похищенный домашний скот и разбирали уличную пьяную поножовщину... А тут убийства, и одно циничнее другого. Но тем не менее я не собираюсь отнимать у полиции хлеб... Понимаешь, в то утро Соломон Жих авансом оплатил мне услуги по отысканию тех, кто... лишит его жизни, если, конечно, такое произойдет. Признаться, я в это не верил и считал, что его опасения преувеличены. Но не прошло и недели, как его задушили прямо на лавочке Николаевского проспекта. И теперь поиск преступника – вопрос чести. Не переживай, я скоро вернусь. – Клим Пантелеевич нежно поцеловал жену в щеку и ушел собираться.

...Безжизненное тело маленького человека еще не было прикрыто простыней. Тюлькин лежал лицом вверх, с широко открытыми глазами, раскинув в стороны руки и разбросав ноги, чем сильно напоминал Петрушку – русскую народную куклу балаганного театра марионеток. В правой руке несчастный сжимал телефонную трубку, а деревянный аппарат фирмы «Сименс и Гальске» валялся рядом. Во лбу зияла дыра, сквозь нее, как через гигантскую замочную скважину, виднелся дощатый, выкрашенный коричневой краской пол. Рабочий стол, бумаги, лежавшие ровными аккуратными стопками, и раскрытые почтовые регистрационные книги были забрызганы уже подсохшей кровью, которая натекла даже в полную окурков пепельницу. Окна были плотно задернуты тяжелыми портьерами.

В сравнительно небольшом кабинете набилась куча народу: Поляничко, Каширин, судебный фотограф, врач, следователь окружного суда Чебышев и почтмейстер Расстегаев. Осмотр трупа, допрос свидетелей и фотографирование места преступления – обычная рутинная работа, без

которой в таких скорбных случаях никак не обойтись. Ефим Андреевич искренне обрадовался появлению адвоката и, пожав ему руку, начал вводить в курс дела:

– Как объяснил Константин Виленович, он был дома, когда зазвонил телефон...

– Позвольте, я сам объясню, – нетерпеливо вмешался в разговор почтмейстер. Поляничко утвердительно кивнул, и Расстегаев стал рассказывать: – Я находился дома, читал сегодняшний свежий номер «Северного Кавказа», вдруг раздался телефонный звонок. Я поднял трубку и услышал взволнованный голос Афанасия Федоровича. Он прокричал только одно слово: «На помощь!» Затем что-то щелкнуло, как будто у него упала трубка амбушюра. Но телефон все продолжал работать, и я подумал, что оказался невольным свидетелем происшествия. Я тотчас же отправился сюда. Открыв кабинет своим ключом, я увидел эту ужасную картину и вызвал полицию. Вот, пожалуй, и все.

– А почему Тюлькин находился на рабочем месте? Да еще так поздно? Насколько я знаю, на время следствия его отстранили от должности, или нет? – внимательно рассматривая портьеру, спросил Расстегаева присяжный поверенный.

– Да, да. Конечно. Могу только предположить, что у него остался запасной ключ от кабинета. Кто мог знать, что он им воспользуется! Несмотря на этот досадный инцидент с казенными деньгами, человеком он был очень ответственным и, видимо, решил исправить ошибки, допущенные при заполнении почтовой документации. Вот и пришел в бывший свой кабинет, когда никого кроме сторожа в здании уже не было. Боялся приезда комиссии.

– Что за комиссия? Откуда?

– Из Владикавказского почтово-телеграфного округа, куда, как известно, входит и наше почтовое ведомство, – заложив руки за спину, пояснял почтмейстер.

– А что говорит сторож? – Ардашев повернулся и вопросительно посмотрел на Поляничко.

– Никакого выстрела он не слышал. Все было тихо, только гром гремел. Посторонних, говорит, в здании не было, кроме уборщицы – семидесятилетней старухи.

– Да, много непонятного, – задумчиво проронил присяжный поверенный.

– Что ж тут непонятного? Все ясно как божий день! – громко заявил следователь, обратив на себя внимание сразу всех присутствующих.

– Разрешите полюбопытствовать, Александр Никанорович, а что, с позволения сказать, вам ясно? – слегка сощурив левый глаз, вкрадчивым голосом хитро спросил Поляничко.

– А все! Как проницатель злоумышленник, как убил Тюлькина и как, незамеченный, скрылся.

– Пожалуйста, поведайте, а мы послушаем, – поглаживая правой рукой усы, плутовато сощурился начальник сыскного отделения.

– Скажу так: преступление готовилось загодя. Убийца еще во время рабочего дня прошел в помещение почты. Естественно, на него никто не обратил внимания. Мало ли посторонних ходит по этим коридорам! Он поднялся на второй этаж, дошел до пожарной лестницы, открыл подобранным заранее ключом навесной замок и залез на чердак. Люк за собой прикрыл. Дождался, пока придет Тюлькин. Спустился обратно, ожидая под дверью, когда загремит гром, а потом заскочил к нему в кабинет и выстрелил. Вот поэтому-то сторож ничего, кроме раскатов грома, и не услышал! Заперев дверь, злоумышленник тем же путем пробрался на крышу, а оттуда, воспользовавшись веревочной лестницей, преспокойненько спустился вниз по водосточной трубе. Вот и все. – Следователь гордо скрестил руки на груди и походил на главнокомандующего, следящего за ходом судьбоносного сражения.

– А мотив? – не утерпел Каширин. – Почему он прикончил этого «таракана»? И зачем ему нужно было обязательно стрелять, если его и линейкой прихлопнуть можно?

– А вот мотив мне неизвестен. Но могу предположить, что его мог убрать сообщник, с которым они, например, не поделили деньги. А может, Тюлькин что-то знал и этим кого-то шантажировал? Да мало ли что могло стать причиной его убийства!

– А что, господа, гильзу-то нашли? – поинтересовался адвокат.

– Нет, к сожалению. Всю комнату облазили, даже заглянули в известную вам голландскую печь – нигде нет, – оправдывался старый сыщик. – Но пуля застряла в стене, и мы ее выковырнули. Вот, полюбуйтесь. – С этими словами он полез в карман и достал свернутый носовой платок. Аккуратно его раскрыл и протянул Ардашеву.

– Смотрите-ка, почти не расплущилась... Явно это не браунинг и не наган. Действительно, похоже, на маузер, – держа кусочек свинца, заключил Ардашев.

– С отсутствием гильзы – тоже все просто! Злодей обмотал пистолет тряпкой, в которой она и застряла, – опять заговорил Чебышев. Его тщеславие пострадало в тот самый день, когда, расследуя кражу казенных денег из этого же кабинета, адвокат в пух и прах разбил его версию о способе проникновения в помещение через окно. И теперь следователь жаждал реванша.

– Весьма возможно, – согласился присяжный поверенный и, предупредив, что скоро вернется, покинул кабинет.

– Умыл! А? Умыл наконец, Никанорыч, адвоката! Вот голова! – похлопывая следователя по плечу, злорадствовал Каширин, расхаживая взад и вперед по кабинету. – Пусть вот Клим Пантелеевич под дождичком погуляет, помокнет, глядишь, и научится полицию уважать!

Как раз в тот момент, когда помощник начальника губернского сыска громогласно восхищался интеллектуальной победой Чебышева, дверь бесшумно открылась, и в проеме возник Ардашев. Его скюртук был совершенно сухим.

– Я, господин Каширин, в отличие от вас предпочитаю пользоваться многими полезными изобретениями человечества. – Адвокат раскрыл зонт и, чтобы дать ему просохнуть, поставил в угол комнаты. – А что же касается версии судебного следователя, то позволю себе с ней категорически не согласиться, поскольку она неверна. Скажите, Александр Никанорович, а кто же тогда повесил замок на место, если, следуя вашим рассуждениям, преступник, захлопнув люк, скрылся через чердачное окно? Мне трудно представить, какой вы найдете ответ. – Чебышев залился густой бордовой краской и напоминал вареную свеклу. – В довершение к этому, если помните, не так давно я рассказывал вам о том, как проверить, был ли замок открыт своим, «родным», ключом или другим, специально для этого изготовленным. И если вы его разберете, то убедитесь в правильности моих предположений. Хотя, откровенно говоря, в этом теперь нет нужды.

– Вероятно, Клим Пантелеевич, вы уже имеете собственную версию происшедшего? – поинтересовался молчавший до поры почтмейстер.

В комнату вошли санитары, погрузили на носилки труп и удалились. Вопрос Расстегаева продолжал висеть в воздухе, и все ждали, что же ответит присяжный поверенный. Клим Пантелеевич приблизился к Чебышеву и раскрыл перед ним ладонь. В ней лежала гильза.

– Вы нашли ее? – вздрогнул тот от изумления.

– Как видите. На газоне, под окном.

– Да, но откуда... и почему там? – развел в изумлении руками следователь.

– Видите ли, Александр Никанорович, у нас с вами совершенно разный подход к расследованию. Вы начинаете с ходу строить версии на основании фактов, лежащих на поверхности, а недостающие звенья в цепи доказательств компенсируете предположениями, а значит, своей фантазией. В результате вы рискуете выбрать ошибочную версию... Я же с самого начала тщательно изучаю все мельчайшие детали, стараясь составить из них картину случившегося. Затем пытаюсь понять, как и почему кусочки одного события рассыпались в той или иной последовательности. А фантазия понадобится только в самом конце... Главное, в отличие от вас, я не строю гипотезы на зыбком песке догадок... Но простите за отступление и давайте вернемся к вопросу господина Расстегаева. Да, убийца все точно рассчитал, и погода в этот вечер ему благоволила – оглушительно перекатывались громовые раскаты и мелкий дождик добросовестно смывал следы ног на примятой газонной траве. Но, слава богу, кой-какие зацепки остались... Для злоумышленника не составило труда раздобыть монтерские «кошки» и, не вызывая подозрений, залезть на телеграфный столб, как раз напротив второго этажа, чтобы с расстояния в две с половиной сажени выстрелить в жертву. В подтверждение моих слов по всему столбу вы найдете свежие и достаточно четкие отметины от этих приспособлений. Так что в данном случае, господин следователь, ваша версия с окном, высказанная в прошлый раз, сейчас была бы как нельзя более кстати... Правда, с той лишь разницей, что вместо ходулей преступник воспользовался электротехнической амуницией. Вот поэтому сторож, находясь внутри, и не расслышал выстрела, а принял его за очередное грохотанье грома. Только вот гильза улетела немного в сторону и оказалась в траве. Кстати, устройство маузера таково, что если его перевязать тряпкой, то от этого может произойти утыкание патрона и пистолет на втором

выстреле заклинит, хотя, возможно, это и позволит вам не потерять гильзу от первого выстрела. Ясно, что ни один уважающий себя стрелок на такой риск не пойдет. Кто знает, сколько раз придется нажать на курок? – Присяжный поверенный методично и безжалостно разбивал доводы оппонента.

Каширин вдруг встрепенулся, вскочил со стула, подбежал к окну, поднял портьеру и, точно слепой, стал водить ладонью по стеклу. Поймав на себе недоуменный взгляд начальника, он еще больше разволновался и, подступив вплотную к Ардашеву, нервно выговорил:

– Полнейший вздор и сушая несуразица! Вы забыли, почтеннейший господин адвокат, что пуля должна была оставить отверстие в стекле, а такового нет! – И, развернувшись, победно проследовал к своему стулу.

– Господин полицейский совершенно прав. Лично мне непонятно и другое обстоятельство: как же убийца мог прицельно выстрелить при закрытом окне и опущенных шторах? Он ведь не мог знать, где в момент выстрела будет находиться Афанасий Федорович, – усомнился в правильности рассуждений Ардашева Расстегаев.

Не обращая внимания на спорные доводы, Клим Пантелеевич открыл коробочку любимого монпансье «Георг Ландрин», внимательно посмотрел внутрь, будто выбирая очередную сладкую «жертву», но потом передумал, убрал конфеты в карман и, улыбнувшись, объяснил:

– Вы правы, господа, но только в том случае, если окна были закрыты, а портьеры опущены. Но поскольку пепельница полна свежих окурков, стало быть, покойный курил в комнате и наверняка открыл окно. А если допустить, что кому-то было известно о том, где и когда будет находиться Тюлькин в этот вечер, и этот господин, договорившись со своим сообщником, позвонил сюда в условленное время, допустим, ровно в девять? Услышав звонок, ничего не подозревающий чиновник приблизился к телефонному столику и, повернувшись лицом к распахнутому настежь окну, снял трубку. В этот момент раздался выстрел, и пуля влетела несчастному в лоб. Ну а потом оставалось лишь прийти сюда, закрыть окна на шпингалеты, опустить занавеси и вызвать полицию, как это и сделал господин Расстегаев.

– Это ложь, оговор и форменный навет. У вас нет никаких доказательств! – задрожал от гнева почтмейстер.

– Извольте, сколько угодно: ну, во-первых, начнем с того, что сегодняшней номер газеты «Северный Кавказ» вы читать никак не могли, потому что он не вышел, как и пять предыдущих. Насколько мне известно, в типографии господина Тимофеева рабочие бастуют уже седьмой день, и местная пресса не печатается целую неделю. Во-вторых, все присутствующие слышали, как вы заявили, что у вас дома зазвонил телефон, вы сняли трубку и услышали, как Афанасий Федорович прокричал всего одно слово: «На помощь!» Затем что-то щелкнуло, как если бы на том конце упал телефон, и вы, почувствовав неладное, сразу отправились сюда. Так? А откуда вам было известно, что Тюлькин звонил именно из своего кабинета, если он сам об этом вам сказать не успел и здесь, как вы нам объяснили, вовсе не должен был находиться? В-третьих, насколько я знаю, единственная в городе ремонтная телеграфная команда находится непосредственно в вашем подчинении, и наверняка найдутся свидетели, которые смогут объяснить, при каких обстоятельствах у них исчезла одна пара «кошек». Что же касается мотива, здесь Александр Никанорович был полностью прав: покойник знал о ваших темных делах, связанных с растратой, и помогал замечать следы, внося исправления в бухгалтерские книги. Он наверняка догадывался и о том, что грабежи почтовых карет и убийства фельдъегерей тесно связаны с личностью молодого человека, дающего уроки вашему сыну. Я имею в виду беглого каторжанина Михаила Евсева. Именно вы заказали Жиху крупную партию драгоценных камней. А с помощью заместителя, вскрывающего для вас всю корреспонденцию Соломона Жиха, вам стала доподлинно известна дата отъезда французских курьеров из Москвы. Позднее, чтобы отвести от себя подозрение, вы разработали план вооруженного налета на поезд еще в пути его следования, приказав сообщникам переодеться в горцев. Но вас кто-то опередил, и вы остались у разбитого корыта. После той неудачи вы продолжили организовывать нападения на экипажи с фельдъегерской почтой и убивать собственных служащих, цинично произнося траурные речи на их же похоронах. А заядлый картежник Тюлькин тем временем все чаще проигрывался. И однажды, когда он пришел к вам снова требовать деньги, вы ему отказали. В отместку за это он

решил совершить кражу, но просчитался и был изобличен. Уговорив полицию оставить его на свободе, вы стремились, прежде всего, сохранить над ним свое влияние, а также иметь возможность в любой момент ликвидировать опасного свидетеля. Напоследок вы решили еще раз использовать вашего помощника и попросили его написать мне письмо с предложением о встрече на Успенском кладбище. Вам казалось, что Рамазан Тавлоев легко расправится со мной, а на следующий день другой соучастник – Михаил Евсеев – без труда убьет Тюлькина. А потом вы бы «случайно» подсказали полиции о возможном совпадении двух почерков: на письме, адресованном мне, и на служебных бумагах, написанных собственноручно покойным. Таким документом могла бы быть, допустим, книга по регистрации посылок, которую в конце каждой недели проверял и подписывал ваш заместитель. Сличение почерков подтвердило бы вашу правоту, и для всех главным злодеем оказался бы мелкий воришка и неудачливый картежник Афанасий Тюлькин. Знаете, впервые я заподозрил вас еще на званом ужине у Высотских, устроенном в честь окончания их дочери Александровской гимназии. Помните, рассуждая об ограблении поезда, вы опрометчиво назвали точное место совершения налета – две с половиной версты от станции Кавказская. А ведь об этом в газетах не писали и, насколько мне известно, никто, кроме Фаворского, этой информацией не обладал. Даже пассажиры не могли точно определить место экстренной остановки в ту ночь...

– Вы не смеете обвинять меня в совершении столь тяжких преступлений и позорить мое честное имя! Я сейчас же пожалуюсь губернатору! – дрожащим от негодования голосом прокричал почтмейстер и вскочил со стула. Было заметно, как его лицо померкло и приняло серый, почти земляной оттенок.

– Эх ты, есена вошь, куда хватил! Каторжанин губернатору жаловаться вознамерился! Видали мы таких кляузников... Было у меня намерение два смутьяна, взбаламутили аж четыре камеры. Еле образумил грешников. Научены уже. А я их старшими назначил по санитарному делу, вот они за порядком и глядят – параша за остальными арестантами выносят. Сидят себе тихо, помалкивают да клопов кормят... Правда, под нарами... Придется и тебя, господин-боярин-милостивый-ты-мой-государь, сегодня ночью уму-разуму поучить. Да что тебе мои уроки-то? Так, детская забава... А вот когда погонят тебя солдаты по Владимирскому тракту в Сибирь, то наши казематы раем земным покажутся! Ты уж мне поверь! Твоя сытая и спокойная жизнь с этой минуты навсегда закончилась и осталась в прошлом, а будущее – не приведи господь пожелать кому! Да только сам ты и виноват, что Бога прогневил, – монотонно издевался над почтмейстером Каширин, пуская ему в лицо папиросный дым.

Расстегаев смотрел на полицейского стеклянными, не моргающими глазами, как вдруг пошатнулся и, придерживаясь рукой за стену, тяжело опустился на стул. Он обхватил голову руками и задрожал всем телом, а потом, потеряв всякое достоинство, зашелся в глухих и беззвучных рыданиях.

Ардашев раскрыл окно. Сквозь открытое пространство в помещение ворвался свежий ветер и, безжалостно растрепав прозрачные шторы, колыхнул тяжелые портьеры. Покружив по стенам, он сбросил со стола несколько бумаг, толкнул дверцу шкафа и умчался обратно, наполнив комнату запахом дождя, мокрой листвы и промозглой осенней сыростью.

34

Накануне

I

15-й драгунский Переяславский императора Александра III полк был расквартирован в Ставрополе уже несколько лет. В начале осени, когда спадала нестерпимая августовская жара, весь личный состав отправлялся на маневры. В расположении самой части оставалось всего два-три дежурных офицера, немногочисленная служба и караульный взвод.

В сторожевой будке у ворот дежурил часовой. Завидев подъезжающий фаэтон, служивый приосанился, одернул гимнастерку и поправил висевшую сзади винтовку. С подножки экипажа легко спрыгнул молодой офицер с погонами ротмистра, с шашкой и серебряным аксельбантом на правом плече – отличительным знаком корпуса жандармов. Вот этот самый аксельбант и сбил солдата с толку, потому как в строевых воинских частях их носили только адъютанты, а таковых в пятнадцатом полку отродясь не было. Часовой вытянулся, собираясь докладывать, но офицер его опередил:

- А проводи-ка меня, голубчик, к отцам командирам.
- Разрешите доложить, ваше благородие?
- Слушаю.
- Все командование отбыло в лагеря. В полку токмо дежурный.
- Вот и веди меня к нему.
- Разрешите доложить, ваше благородие?
- Да что ж такое!
- Сперва я обязан известить полковое начальство. Разрешите выполнять?
- Ступай.

Солдат удалился. Ротмистр едва успел достать пачку любимых папирос «Грация», как из ворот в сопровождении караульного показался офицер.

- Корнет Грановский. Чем могу служить?
- Жандармский ротмистр Фаворский. В недавнем прошлом служил в драгунском полку. Имею срочное дело государственной важности.
- Насколько я знаю, вам уже доложили, что все старшие офицеры на учениях, но если я могу чем-то помочь, тогда пройдемте в штаб.

Вытянутые в линию военные склады, конюшни, казармы для рядового состава, баня, столовая, здание гауптвахты, плац для строевого смотра и конного построения, размеченный краской на квадраты и прямоугольники, площадка для выездки, гимнастический городок, дорожки, посыпанные свежим песком... Все имело правильный, ухоженный и по-военному аскетичный вид. Несмотря на кажущуюся простоту и незатейливость строений, они отличались добротностью и полностью оправдывали свое предназначение, и все же их казенно-белые стены с идеально ровными линиями наводили некоторое уныние и тоску. Одноэтажное здание с черепичной крышей и выкрашенными в голубой цвет оконными рамами, стоявшее неподалеку, оказалось штабом полка. Офицеры прошли в чистую, светлую комнату с небольшим добротным столом посередине, несколькими армейскими табуретами, книжным шкафом с папками, многие из которых были еще и перетянуты бечевкой. В углу стоял сбитый из досок топчан. Дежурный жестом предложил гостю сесть.

- Слушаю вас, господин ротмистр, – начал беседу Грановский.
- Завтра жандармское отделение и полицейское управление планируют проведение одной очень важной операции по обезвреживанию опасных государственных преступников. Я тоже принимаю в ней участие. Но нам необходим еще один человек, прекрасно владеющий стрелковым оружием. Насколько я знаю, в вашем полку имеется офицер, удостоенный императорского приза «За стрельбу из револьвера». Это поручик Васильчиков, Бронислав Арнольдович. Если я не ошибаюсь, лагерь разбит всего в нескольких верстах от города и вам не составит большого труда послать за ним вестового, с тем чтобы уже сегодня поручик мог оказаться здесь. Добавлю, что операция не только одобрена самим губернатором, но и находится под личным контролем министра внутренних дел.
- Я не вижу в участии поручика никаких препятствий, но есть одно обстоятельство: Васильчиков в данный момент не на маневрах, а здесь.
- Он что, болен? – насторожился Фаворский.

– В некотором роде, – уклончиво ответил корнет и тут же пояснил: – Поручик отбывает на гауптвахте десять суток ареста. Но ввиду особой важности вашего дела я имею право принять решение о временном приостановлении возложенного на него наказания. Однако сразу после окончания вашей акции ему придется провести оставшиеся двое суток в той же камере. Кроме того, я должен составить надлежащую депешу для полкового начальства с указанием вашей должности и звания, оповестив командование полка о принятом мною решении, в связи с

исключительными обстоятельствами. Вот, пожалуй, и все формальности. Главное – это согласие самого Васильчикова. Но после месяца ошибочного заточения в тюремном замке у него сложилось далеко не простое отношение к полиции. Сомневаюсь, что после этого он пойдет на ваше предложение.

– Думаю, я смогу его убедить. Надеюсь, вы предоставите мне возможность переговорить с ним наедине, – расправив усы, поинтересовался ротмистр.

– А вот с этим никаких затруднений... Можем пройти хоть сейчас.

– Вот и замечательно. Но прежде я хотел бы знать, какой проступок совершил Васильчиков.

– После освобождения из тюрьмы полковое начальство предоставило ему трое суток отдыха, а на четвертые он, как и другие офицеры, должен был участвовать в конном построении. Мало того что он прибыл на смотр пьяным в стельку, он еще сидел верхом на лошади без упряжи. Ее, как позже выяснилось, поручик продал цыганам, устроив под окнами квартиры ночной концерт с гитарами, плясками и ряженым медведем. Под утро, когда это безобразие стихло, жильцы доходного дома не могли выйти во двор по причине того, что виновник веселья спал в парадном в обнимку с... косолапым, которого сам же и напоил шампанским. Дворник и городской прибыли в часть с жалобами на него как раз в день конного смотра. Наш полковник этих проделок не вытерпел и вlepил ему десять суток.

– Да, история, ничего не скажешь! Ну что ж, пора знакомиться с главным героем, – улыбнулся Фаворский и вслед за дежурным вышел из штаба.

Гауптвахта располагалась сразу за деревянной столовой, чья задняя стена являлась одновременно и частью здания полковой тюрьмы. Караульный провел офицеров по небольшому коридору до последней камеры. Громыхая связкой ключей, он открыл тяжелую дубовую дверь, издавшую такой пронзительный скрип, от которого по телу еще долго бегают мурашки.

– Оставьте нас, господа, пожалуйста, одних, – попросил Фаворский и сам затворил дверь.

– Чем могу служить господам жандармам? Неужели в ту роковую ночь я умудрился научить медведя еще и выкрикивать призывы к свержению самодержавия? – попыхивая трубкой, острил Васильчиков.

– Прежде я хотел бы отрекомендоваться – жандармский ротмистр Фаворский.

– Позвольте узнать: орден Святой Анны IV степени с надписью «За храбрость» вы получили за раскрытие тайного революционного общества гимназистов или, быть может, вам удалось обнаружить антигосударственный заговор воспитанников Михайловского ремесленного училища? А может, супостаты осели в церковных стенах и пытались распространять вредные прокламации среди слушателей духовной семинарии? Или у монахинь в кельях обнаружили склад бомбистов?

– Перестаньте юродствовать, поручик. Но на ваш вопрос отвечу. Будучи в чине штабс-ротмистра 17-го драгунского Нижегородского Его Величества полка, я, так же как и вы, добровольцем отправился на японский фронт... Вы, насколько я знаю, тоже героически проявили себя в Мукденском сражении и за это были награждены именными часами и Георгиевским крестом.

– Вот уж не ожидал... Вы уж извините, ротмистр, что я так сразу, не разобравшись... Словом, располагайтесь, хотя, согласитесь, как-то глупо в данной ситуации приглашать вас сесть, но на сегодняшний день и два последующих, ничего не поделаешь, – здесь мой дом. Так что милости прошу. – Васильчиков подошел совсем близко и после обмена рукопожатиями добавил: – А все-таки чертовски приятно встретить в этой степной глуши человека из славного боевого прошлого. Сражение при Мукдене! Бог ты мой! Ох и дали мы им тогда прикурить! Искренне рад знакомству, но не буду возражать, если вы объясните цель столь неожиданного визита.

– Пожалуй, начну с конца. Я бы хотел просить вас принять участие в одной чрезвычайно опасной конной прогулке... по поимке бандитской шайки. Злодеи грабят почтовые кареты и расстреливают фельдъегерей. Мы считаем, что они виновны в целой череде убийств, гремевших на всю округу. Возможно, именно они и совершили то преступление, в котором вас подозревали. В операции задействован я, еще один полицейский и, надеюсь, вы... Поймите, нам нужен меткий стрелок и кандидатуру лучше вашей мне вряд ли удастся отыскать.

Васильчиков курил трубку и молчал. Но и Фаворский выдерживал паузу. Наконец поручик спросил:

- Когда планируете провести захват?
- Завтра.
- Ну что ж, я согласен. Но только одно условие: я бы не хотел после всего этого досиживать еще два дня в приятном обществе одного паука, двух тараканов и испуганной полевой мыши. Пусть меня выпустят.
- К сожалению, это относится к компетенции полкового начальства. Я лишь могу обещать, что буду ходатайствовать перед командованием о снятии с вас взыскания. Вот и все, что могу обещать. Как видите, не густо.
- Ну, и ладно. А что сейчас? – оживился арестант.
- Я договорился с дежурным офицером, и вас на время освободят. Хотел бы предложить вам отужинать. Моя кухарка приготовила отменное заливное из осетрины, и я бы с удовольствием разделил его с вами. Ничего не поделаешь, тут уж без полуштофа не обойтись. К тому же у меня найдется свободный угол, где вы могли бы переночевать, а завтра, рано утром, мы отправимся в дорогу. Путь неблизкий, и будет уйма времени, чтобы обсудить все детали предстоящего захвата.
- С удовольствием принимаю ваше предложение. Но на пару минут мне надобно забежать к себе домой и привести себя в порядок. А еще пусть мне вернут мое личное оружие.
- Об этом не беспокойтесь. Ну что, вперед?
- По ко́ням!

II

Каширину не спалось. Всю ночь он смотрел в потолок и мысленно прощался с женой, а когда убедился, что она спит, Антон Филаретович тихо, чтобы никого не разбудить, прошлепал босыми ногами по холодному полу в детскую. Переходя от одной кровати к другой, он умиленно рассматривал, будто стараясь навечно запечатлеть в памяти, лица спящих детей: маленькую Дашеньку, шестилетнюю Алевтинку и старшенького Гришу, уснувшего вместе с деревянным наганом, подаренным на день рождения. «Куда же они, сердешные, без отца-то денутся?! Пропадут, как пить дать пропадут!» – мысленно разговаривал сам с собой глава семейства, а комок невыносимо близко подкатывался к горлу, и слезы предательски выступали на глазах. Горестно вздохнув, полицейский взял коробку папирос, нащупал на полочке спички и прямо в исподнем тихо вышел из дома. Примостившись на деревянном покосившемся порожке, он закурил и уже со второй затяжки почувствовал, как понемногу стала уходить тревога. «Да что это я, в самом-то деле, раскис. Может, все и образуется еще. Рано это я себя хоронить-то начал, рано».

Среди всех, кто его знал и кому приходилось с ним сталкиваться, он считался человеком злым и потому малоприятным. Грубость, колкость, издевательские высказывания в адрес окружающих людей были обычной манерой поведения полицейского. И даже подобострастное отношение к начальству все равно не скрывало злого выражения холодных глаз в момент, когда лицо растягивалось в неестественно широкой улыбке. Сказать, что его не любили, было бы не полной правдой – его боялись и оттого тайно ненавидели. Но это на работе, а дома...

Возвращаясь со службы, Каширин часто приносил гостинцы в куляках из синей сахарной бумаги и, поочередно расцеловав носившихся вокруг детей, самолично раздавал сласти, а потом нежно касался губами щеки любимой и единственной – Наташеньки, или Натальи Николаевны, как иногда, переходя на официальный тон, он ее называл. Такое случалось в минуты ссор, что для них было большой редкостью. Для Антона Филаретовича других женщин, кроме жены, не существовало, то есть они были, но именовались они совсем по-другому («бабы», «дамочки», «стервы» и «всяческие финтюрлютки») и предназначались лишь для коротких плотских утех.

История любви этого человека была трагичной и на всю жизнь изменила его самого, безжалостно выпотрошив из него доброту и сострадание к тем, кто не входил в круг его близких.

Десять лет назад тогда еще молодой полицейский служил помощником участкового пристава, перебивался с хлеба на воду и снимал комнатку в сыром подвальном помещении с окном под потолком. А через стенку располагалась харчевня самого низкого пошиба, куда навевывалась вся гольтьба. Соседство, прямо скажем, не из приятных, но был в этом и свой положительный

момент. Антону по-соседски за копейки всегда наливали тарелку наваристого супа и подавали кашу со шкварками. Заметил как-то он, что подходит к дверям трактира статная молодая особа необыкновенной красоты и, боясь войти внутрь, преданно ждет у дверей, пока ее супруг – старый бородатый мужик, занимавшийся частным извозом, до краев не наполнит ненасытную утробу вином и соизволит пойти домой. И тогда, поддерживая мужа за руку и краснея от пошлых выкриков его пьяных собутыльников, она покорно тащила благоверного вниз по Ясеновской улице. От этой печальной картины в груди у Каширина что-то перевернулось, и однажды, не выдержав, он подошел к женщине и предложил помощь...

Вдвоем, подшучивая над пьянчужой, они быстро донесли непослушное тело до хаты и положили на кровать. Наталья, как звали незнакомку, угостила Антона чаем и поведала историю непростой жизни. В девяносто пятом году отец выдал ее замуж за мещанина – Матвея Поликарповича Барыкина, подрядчика по доставке камня с карьеров на городские стройки. Но в прошлом году все изменилось, и городская управа стала устраивать торги по распределению подрядов. Барыкину не повезло, и он остался без заказов. Лошадей с подводами пришлось продать. На вырученные деньги он купил новый экипаж с рессорами, на дутых резиновых шинах и стал извозчиком. Но вино его сгубило. И если раньше он пил только после работы, то теперь запои могли продолжаться несколько дней кряду, и в это время Матвей беспричинно избивал жену, ревнуя к первому встречному. В том, что у них не было детей, он винил только ее, хвастаясь несметным количеством незаконнорожденных отпрысков на стороне. Одним словом, не жизнь, а маята.

Наталья умолкла. Взгляд больших и красивых очей потупился и укатился внутрь, лицо померкло – так водяная лилия закрывает вощеные лепестки, теряя над собой солнце. Женщина разрыдалась, а он не знал, какими словами ее успокоить, и, тихо извинившись, отправился домой, оставив безутешную даму горевать одну. Уже тогда внутри него поселилась и свила гнездо маленькая и подлая мыслишка, которая, как он ни старался ее отогнать, точно серая гадюка, все равно приползала обратно.

...Ту ночь он никогда не забудет. Закончив заполнять в участке бумаги, коллежский регистратор возвращался по темным и кривым городским улочкам, как вдруг рядом с колодцем заметил слабое шевеление. Он остановился. Огонь вспыхнувшей спички высветил знакомое лицо. Барыкин, как старый боров, умиленно хрюкал во сне, а рядом, отсвечивая полированной поверхностью, лежал тяжелый круглый булыжник, которым обычно придавливают деревянные кружки в кадках с капустой или солеными огурцами.... Крика не было. Тишину нарушил едва уловимый глухой хруст, будто кто-то раздавил яичную скорлупу или наступил на сухую ветку в осеннем лесу.

На следующий день Наталья схоронила мужа, а еще через два месяца они обвенчались, и он перебрался к ней, в тот самый дом, куда еще совсем недавно помогал затаскивать пьяного извозчика. Но жить там Каширин не смог. В ночных кошмарах к нему часто приходил усопший Матвей Поликарпович. Покойник улыбался мертвенно-синими губами и манил к себе заскорузлым пальцем с желтым от никотина ногтем. Он дотрагивался костлявой рукой до своей головы, и от легкого прикосновения она начинала распадаться на части, как перезревший арбуз. Извозчик продолжал хохотать, а вместо черепа у него выросла тот самый булыжник...

Они продали дом и скоро отстроили новый – большой и светлый, в стенах которого, как овощи на грядке, стали появляться один за другим: Гриша, Алевтина и Дашенька.

Солнце поднималось, и небосклон начинал медленно светлеть. Ночь уходила в небытие, ощущая напоследок дома и деревья. Из туманного марева возник, мерцая золотом, купол колокольни Казанского кафедрального собора, а на самой вершине могучего креста сидела голубка – редкая и счастливая примета.

«Добрый знак», – подумал Антон Филаретович, затушил папиросу и вернулся в кровать, прильнув к теплому и нежному телу любимой жены. Глаза наконец сомкнулись, и он заснул глубоким и сладким сном, каким обыкновенно спят младенцы или святые в собственной немощи праведники-старцы.

III

Во дворе полицейского управления стояла карета, запряженная парой разномастных лошадей. Правая – каурая, с рыжими впрожелтями и темноватой полосой по хребту, левая – чагравая, темно-пепельного цвета. Фаворский и Васильчиков курили и о чем-то весело переговаривались. Несмотря на проведенную в застолье ночь, оба выглядели бодрыми и находились в приятном, слегка возбужденном расположении духа, которое хорошо знакомо охотникам, собирающимся на большого и опасного зверя.

Наверху, со стороны открытой площадки второго этажа, что-то грохотнуло, брякнуло и застучало каблуками по ступенькам. Офицеры повернулись и застыли как вкопанные: по лестнице, облаченный в пуленепробиваемый панцирь, обвешанный двумя пистолетами и шашкой, спускался маленький и полный человек. Он был бледен, и его трясла мелкая дрожь.

– Кто этот тевтонский рыцарь? – удивился Васильчиков.

– Это и есть наш возница, – тихо пробормотал Фаворский и, обращаясь к сыщику, прокричал:

– В таком случае, господин губернский секретарь, вам следует накинуть плащ, а не то ваши доспехи будут пускать такие блики на солнце, что грабители нас за версту обнаружат. И шашку, пожалуй, снимите. Кучеру она ни к чему.

Каширин неловко кивнул, развернулся и на ватных, почти несгибаемых ногах, громыхая, стал подниматься обратно.

– Я вижу, ротмистр, вы подобрали достойного помощника.

– Что делать, это лучшее, что у нас есть на сегодняшний день.

В это самое время по направлению к карете с другой части двора, шел полицмейстер и возвышающийся за ним Поляничко.

– Доброе утро, господа, как настроение? – приветствовал собравшихся Фен-Раевский.

– Настроение боевое, Ипполит Константинович, да вот, смотрю, ямщик-то наш запаздывает, – усмехнулся начальник жандармского отделения.

– Вы уж, Владимир Карлович, помощника моего сильно-то не обижайте. Побаивается человек, оно и понятно – трое детишек на шее, мал мала меньше. Да и Господь учит – в страхе греха нет, – философски заметил Ефим Андреевич и тяжело вздохнул.

Тем временем Каширин, вскарабкавшись на козлы, занял место извозчика. Офицеры, вооруженные револьверами и двумя драгунскими винтовками, сели в карету и тронулись в путь.

– Ну, с богом, – выдохнул начальник полиции и заметил, как Поляничко украдкой перекрестил уходящий вдаль экипаж.

35

Меч Немезиды

I

На развилке двух дорог экипаж Фаворского ожидал приближения фельдъегерей. Завидев почтовую карету, ротмистр вышел навстречу и знаком приказал кучеру остановиться. Предъявив жетон сотрудника охранного отделения, Владимир Карлович отдал необходимые распоряжения, и два экипажа направились к селу.

В Михайловском почтовики быстро перегрузили опечатанные сургучом мешки в дом станového пристава, и дилижанс с новыми провожатыми, подпрыгивая на кочках, словно крышка закипающего чайника, потерялся в клубах придорожной пыли.

До Благодарного уезда предстояло добраться еще засветло. Каширину предписывалось внимательно обзирать окрестности. А в случае приближения всадников, повозок или даже пеших людей надлежало оповестить офицеров троекратным стуком и увеличить скорость движения.

Жатва к тому времени давно закончилась. В поле горела стерня, и воздух наполнился едким дымом. Несмотря на осень, солнце продолжало обжигать горячими лучами землю и закованного в броню кучера. Его измученное лицо иногда попадало в обзор переднего смотрового окошка, и было хорошо видно, как Антон Филаретович большими глотками опустошал огромную стеклянную бутылку с домашним квасом. Во время коротких остановок у придорожных родников он с удовольствием окатывал себя холодной водой, совсем не обращая внимания на мокрую одежду.

На голом склоне виднелись стоящие неправильными рядами крытые камышом белые хаты, окруженные со всех сторон штабелями кизяка. На вид эти строения были очень непрочны и, казалось, не могли защитить своих обитателей ни от проливного дождя, ни от ураганного ветра.

Мимо проезжали крестьянские подводы, доверху груженные соломой, сеном и хворостом. Одна исхудавшая рыжая лошадка с трудом тянула в гору дроги, уставленные бесчисленными рядами кувшинчиков и крынок всевозможных размеров. Временами попадались пастухи, перегонявшие несметные отары овец на новые пастбища.

Встречные телеги попадались все реже, а последние несколько верст они ехали совсем одни. За жиденькой рощицей кизила, диких яблонь и тутовых деревьев показался экипаж, из которого выскочила дама в элегантной шляпке и белом платье. Будто виденье, она стояла одна посреди пыльной дороги с маленькой белой сумочкой и обмахивалась веером. Карета с ее попутчиками тронулась и, спустившись под гору, скрылась из виду.

Внимательный возница, следуя полученным инструкциям, ускорил ход и условленным стуком привлек внимание офицеров. Через смотровое окошко Фаворский заметил выделяющиеся на светлом фоне платья незнакомки крупные жемчужины черных бус.

– Останавливаться только по моей команде! – приказал ротмистр кучеру-полицейскому и, доставая из кобуры пистолет, объявил: – Внимание, господа, представление начинается!

Почтовый дилижанс, не снижая скорости, пролетел мимо очаровательного создания, брошенного на произвол судьбы. Такой поворот событий явно озадачил приятную особу, и ее лицо выражало крайнюю степень растерянности и грусти. Внезапно лошади остановились. Из приоткрытой двери послышался мужской голос:

– Мадам, садитесь скорее, мы очень торопимся!

Дама, путаясь в собственном платье, поспешила к экипажу, но споткнулась и, выронив в придорожную пыль веер, замешкалась. И тут же выскочил Фаворский, схватил незнакомку в охапку и, совершенно не обращая внимания на пронзительный визг, втиснул ее в карету. Непродолжительная борьба завершилась победой ротмистра. Красавица сидела прижатая с двух сторон офицерами, а из ее сумочки был извлечен браунинг. Не теряя времени, жандарм скомандовал:

– Разворачивайте назад, Каширин, съезжайте на проселочную дорогу и там у воды остановитесь!

Немного проехав, карета стала. Фаворский, держа за руку пленницу, силой потащил ее к одиноко стоящему дубу, раскинувшему ветви у самого края воды. Женщина кричала и брыкалась, пытаясь ударить офицера ногой. Однако, невзирая на ее отчаянное сопротивление, он положил несчастную на траву и, заведя ей руки назад, сомкнул на спине малые ручные цепочки.

Растрепав роскошные волосы, брюнетка уткнулась лбом в землю. Обезумев от непредвиденной развязки, она продолжала звать на помощь. Ротмистр подождал некоторое время и, убедившись, что крики достаточно громко разносятся по всей округе, не спеша достал из кармана носовой платок, свернул его и в качестве кляпа засунул ей в рот.

– Итак, господа, нам необходимо рассредоточиться. Не пройдет и пары минут, как на выручку этой крале сбегутся господа революционеры, а нам предстоит их достойно встретить. Вы, Антон Филаретович, находитесь подле нее и делайте вид, что забавляетесь с ней. – Каширин согласно закивал. – А мы с поручиком тем временем притаимся вдоль дороги. И как только разбойники появятся, откроем огонь из винтовок. Скорее всего, они вооружены только маузерами, поэтому им придется приблизиться к экипажу достаточно близко. Наше превосходство в прицельной дальности позволит уложить преступников с первых же выстрелов. Ну и, как начнется бой, господин губернский секретарь, не забудьте составить нам компанию.

– Все исполню в наилучшем виде, Владимир Карлович, – подобострастно ответил полицейский.

Дама, услышав эти слова, изо всех сил замотала головой и в тщетных попытках освободиться ненароком вывернула скованные сзади запястья, тем самым причинив себе еще большую боль. Она застонала. Но ее страдания никого не тронули.

Фаворский неторопливо приблизился к миловидной особе, присел на корточки и тихо проронил:

– Ну, вот и бусы опять надела на удачу. Да только не помогли они тебе на этот раз...

С винтовками наперевес офицеры разошлись в разные стороны.

– Оно и видно... потаскушка политическая. Ладно, я с тобой позже разберусь. Ты у меня еще такой кордебалет спляшешь! – Поправляя защитный пуленепробиваемый панцирь, помощник начальника сыскного отделения голодным взглядом искоса посматривал на упругую женскую грудь. Воровато оглянувшись по сторонам, он запустил ей под платье руку.

Издали послышался голос Фаворского:

– Каширин! Не увлекайтесь! Я ведь сказал: «только делать вид...». Губернский секретарь безропотно отстранился и сел рядом с дамой.

Гостей долго ждать не пришлось. Они появились, но с другой стороны – откуда их не ждали. На полном скаку всадники неслись к стоящему экипажу. «Черт подери, они распрягли лошадей», – успел подумать ротмистр и, наведя мушку на цель, с поправкой на полфигуры, неожиданно для самого себя выстрелил. Наездник свалился с лошади и, подвернув во время падения ногу, на четвереньках упорно полз вперед к дереву, продолжая огрызаться редкими выстрелами. В ответ раздалась сумасшедшая и безостановочная пальба, схожая разве что с пулеметной очередью. Испуганный Антон Филаретович стрелял не останавливаясь и сразу с двух рук. Не ожидавший столь плотного огня, злодей был вынужден залечь. Благодаря этому Фаворский одним броском настиг нападавшего и мощным ударом кулака по затылку оглушил преступника. Ротмистр вытащил из его обессиленных рук маузер и передал полицейскому.

Другой всадник в это время заходил с тыла и мог оказаться у экипажа в считанные секунды. Васильчиков понимал, что, если даже он побежит ему наперерез – все равно не успеет. Поручик встал во весь рост и, надеясь привлечь к себе внимание, выстрелил из винтовки в воздух. Горец заметил его, развернулся, убрал маузер в кобуру и вытащил шашку. Вращая ее вокруг головы, с улюлюканьем он понесся прямо на противника. Драгун спокойно опустил винтовку на землю и, вскинув револьвер, хладнокровно повел стволом по ходу его движения. Смерть стремительно приближалась. Встретившись взглядом с врагом, офицер спустил курок. Конь споткнулся и вместе с наездником на полном скаку влетел в камышовые заросли. Бронислав, не раздумывая, с азартом охотника, настигающего добычу, ринулся в воду, пытаясь догнать свою жертву. На помощь бросился Фаворский и тоже растворился в непроходимых плавнях.

В то же самое время помощник начальника сыскного отделения, вооруженный трофейным оружием, сидел на земле, с опаской поглядывая на злодея, так и не очнувшегося после сокрушительного нокаута. Немного успокоившись, сыщик почувствовал легкое жжение в области левого предплечья и с ужасом обнаружил ссадину с выступившими на ней редкими каплями собственной крови. Он был ранен! Да еще и при исполнении!

В камышах прогремел выстрел. Из воды, с двумя положенными на плечи шашками, словно пушкинский Черномор, вышел Васильчиков, а за ним устало брел промокший до нитки Фаворский.

– А вот лошадку-то действительно жалко. И как это, поручик, так легко у вас рука поднялась на бедное животное?

– Оставить страдать в болоте раненую ездовую лошадь – еще большее зло, чем этим мучениям положить конец. С таким ранением она бы долго не протянула. Пуля насквозь пробила шею животного, задев, возможно, и всадника. Жаль, что труп этого абрека мы так и не нашли. Зато настоящая горская шашка неплохая награда за удачный выстрел. Похоже, ей не меньше ста лет!

– Да, ловко вы его накрыли! Первым же выстрелом! С треском! Точно шар бильярдный загнали в лузу. Позвольте взглянуть на ваш револьвер?

– Пожалуйста. – Бронислав вытащил из-за мокрого голенища второй пистолет и протянул ротмистру.

– «Мейдзи 26» – оружие японских офицеров. Прекрасный трофей! Неудивительно, что пуля снесла не только всадника, но и лошадь.

– А вы, Владимир Карлович, тоже, смотрю, обзавелись оружием иностранного производства? Разрешите полюбопытствовать? – в свою очередь поинтересовался Васильчиков.

– Да, да, конечно. – Фаворский расстегнул вторую, деревянную, кобуру и передал пистолет поручику. – Австрийский «Манлихер». Он совсем не дорогой, и в отличие от револьвера при перезарядке не нужно каждый раз извлекать патроны из барабана. Достаточно сменить обойму. А ведь иногда этих самых секунд и не хватает.

– Это уж точно, – согласился Васильчиков.

Продолжая обсуждать особенности оружия ближнего боя, офицеры приблизились к экипажу. Под деревом, не сводя глаз с начавшего приходить в сознание захваченного преступника, с маузером в правой руке сидел полицейский. Левая рука Каширина была наскоро замотана куском белой материи, явно оторванном от края платья барышни, и покоилась на обвязанной вокруг шеи перевязи.

– Вы ранены, Антон Филаретович? – взволнованно спросил Фаворский.

– Да, пуля-дура... задела, окаянная, вот и покалечила... кровища ручьем хлестала! Насилу справился. Что поделаешь? Такая, Владимир Карлович, у нас с вами работа, – кряхтя и охая, многозначительно и важно объяснялся сыщик.

– Жаль, что так вышло, а я-то думал, что все остались целы и невредимы. Ну да ладно. Главное – чтобы кость оказалась цела, а там, даст бог, заживет. А я смотрю, студентик-то наш очухался. Ну, что, господин беглый каторжник, допрыгался? Зубы-то обломал? Это тебе не легковых курьеров в упор расстреливать! Здесь боевые офицеры! Так что вставай, руки назад. Вот так! – Ротмистр замкнул на его запястьях ручные цепочки.

– А что, второй супостат ушел, что ли? Или вы его прямо там кончили? – поправляя здоровой рукой сползающий металлический панцирь, поинтересовался Каширин.

– Нет, абрека мы не нашли. Пришлось пристрелить его раненую лошадь. Вдвоем облазили все вокруг, но, к сожалению, безуспешно. Тела нигде нет, только вот шашку подобрали, в камышах застряла. Скорее всего, он кормит раков на дне лимана.

Жандарм подошел к даме, вытащил у нее изо рта кляп, снял наручники, с тем чтобы защелкнуть их уже спереди. Почувствовав, что она свободна, Полина повернулась, обхватила офицера обеими руками и со всей силы вцепилась мертвой хваткой в шею, пытаясь перекусить артерию. Стоящий рядом Васильчиков растерялся и ударить женщину не смог. А Каширин носился вокруг, что-то кричал и размахивал пистолетом, не зная, что делать. Защищаясь, ротмистр резко надавил фалангами больших пальцев на глазные яблоки нападавшей. Дама вскрикнула и ослабла. Фаворский вновь замкнул на руках пленницы оковы. На шее офицера багровым волдырем вздулось место укуса.

Воспользовавшись всеобщим замешательством, студент, с заведенными за спину руками, бросился в сторону камышей, надеясь, видимо, на чудо. Поручик в три прыжка настиг беглеца и, повалив на землю, сильно ударил его под дых. Евсеев от внезапной боли перегнулся пополам и, закатив глаза, упал на колени.

Вдалеке появился казачий патруль. Трое всадников, съехав с дороги, с выставленными вперед пиками, во весь опор неслись к экипажу. Завидев офицера с серебряным аксельбантом на правом плече и в фуражке с синим околышем – отличительным признаком формы жандармов, они подняли пики вверх и сбавили ход. Старший разъезда подъехал вплотную и, осадив вороного, представился:

– Младший урядник Аксаков. Мы услышали выстрелы... Не нужна ли помощь, господин жандармский ротмистр? – Казак залихватски крутанул смоляной ус, ожидая ответа.

– Вы очень кстати. Скоро стемнеет, опасный государственный преступник мог скрыться в камышах. Вы еще успеете их прочесать. А нам пора в обратный путь. Если обнаружите его – живого или мертвого – известите уездного исправника.

Разъезд спешился. Казаки привязали к дереву лошадей. Не обращая внимания на пленницу, мужчины разделись и в одном исподнем, с короткими кавалерийскими винтовками наперевес, разобравшись в цепь, пустились на поиски злоумышленника.

Карета с задержанными преступниками и раненым Кашириным внутри с трудом выбиралась на почтовый тракт. Полина и Михаил уныло молчали, так и не проронив за весь путь ни единого слова. Полицейский, избавившись наконец от ненавистного панциря, клевал носом, то и дело пытаясь прильнуть к плечу дамы. Уставшие за длинный переход лошади сонно плелись по пыльной дороге. На месте возницы сидели двое – Васильчиков и Фаворский. Офицеры тихо переговаривались и дымили папиросами. К утру они въехали в еще спящую столицу губернии.

II

Рамазан открыл глаза. Невыносимая, жгучая боль пронзила израненное тело. Он попытался встать и не смог. Спина тянула назад, будто к ней привязали огромный валун. Лошадь упала прямо на него, и позвоночник не выдержал. Он лежал на небольшом островке, заросшем осокой и мелким кустарником. Дважды мимо проходили казаки, и каждый раз он замирал, чтобы враги не смогли даже почувствовать его дыхание. Ему удавалось только ползти. «Но что ж, это не так уж мало. Главное, выбраться в горы. А там чабаны вылечат и за пару месяцев снова поднимут на ноги», – подбадривал себя Тавлоев. Скоро стало ясно, что вокруг вода и самостоятельно выйти ему вряд ли удастся.

А небо было все усыпано звездами, и веселый круглолицый месяц качался на камышинках, отражаясь в темной воде уснувшего озера. «Да, но как же тогда я здесь оказался? А может, есть коса, отмель или гребень, по которому я смогу вылезти?» Боль его одолела, и Рваный провалился в пустоту. Очнувшись, он опять ухватился за спасительную мысль об отмели как о последней надежде остаться в этом мире, наполненном не только страданиями, но и наслаждениями.

Отломав торчащую из куста ветку, Рамазан стал ощупывать дно. Бесконечное количество раз он срывался в бездну от пронзающих спину миллионов острых стальных иголок и потом снова приходил в себя, продолжая шарить палкой по дну. Наконец ему повезло – он действительно нащупал косу и, обрадованный, почти на одних руках по горло в воде упорно перетаскивал безжизненное туловище все ближе к берегу.

А месяц все смеялся над ним, таранился и строил гримасы, будто предчувствуя близкий конец раненого человека. «Сейчас я пощечочу твою довольную круглую рожу!» – Тавлоев машинально потянулся к тому месту, где обычно болталась деревянная кобура маузера, но там ее не оказалось. От собственной глупости он громко расхохотался и в тот же момент почувствовал под ладонями твердую землю! Слава Аллаху! Он выбрался на сушу!

...В упор на него смотрело пять пар светящихся точек. Волки терпеливо ждали добычу. Медленно, чувствуя беспомощность жертвы, хищники окружали его со всех сторон, не считая нужным даже рычать или скалиться. Он видел их морды и капающие из пасти голодные слюни. И в первый раз за много лет горец залился слезами. Он плакал так горько, как плачет несправедливо наказанный ребенок или обманутая женщина.

Вожак, казалось, только и ждал проявления слабости человека и, ощутив свое превосходство над ним, вонзил клыки в кровоточащую лопатку ослабевшего существа, увлекая за собой остальных. Стая рвала тело грешника на части...

Всю ночь запоздалые путники слышали жуткие, душераздирающие крики, эхом разносившиеся по бескрайним степным просторам. Со страху ямщики сильнее погоняли лошадей, стремясь поскорее миновать гиблое место, откуда доносился нечеловеческий вопль.

Днем обглоданный труп доклевали вороны.

Роковой выбор

Петр Никанорович Савелов человеком был скромным, внешне не приметным, если не считать длинный и слегка заостренный нос да рыжую плешь, прочно поселившуюся в центре большой головы не совсем правильной формы. В свои тридцать пять он так и не отважился завести семью. По правде говоря, он был так же застенчив по отношению к прекрасному полу, как и любой гимназист-подросток, только его робость выражалась не в потупленно-стыдливом взгляде, а в подчеркнуто официальном тоне и холодной манере общения. Словом, с женщинами в его жизни как-то не заладилось. Но сказать, что Петр Никанорович был безнадежно неисправимым холостяком, тоже было нельзя.

Савелов работал провизором в «Красной аптеке», прозванной так горожанами за выкрашенный в гранатовый цвет фасад. Выдавая лекарства или выписывая сигнатуру, он исподтишка наблюдал за каждой молодой и привлекательной посетительницей и часто спрашивал себя: «А что, если эта дама была бы моей женой?» А дальше он фантазировал о том, скольких бы она ему нарожала детишек и каким уютным был бы у них дом. Но побороть стеснительность и перешагнуть черту, отделяющую глухого затворника от общительного и приветливого человека, ему так и не удавалось, и поэтому он все больше закрывался в своей ракушке-работе, превратившись в ханжу. Но витая в воздушных эмпиреях, он иногда мысленно позволял себе вытворять такое!

Вот так и текла бы тихая река размеренного бытия малозаметного аптекаря, если бы вдруг судьба не дала ему шанс – редкую возможность изменить сложившийся уклад и зажечь наконец благополучной жизнью счастливого семьянина. Ведь до этого случая его мечты становились явью только ночью и бесследно исчезали уже под утро вместе со сладкими и разрозненными слепками недавнего сна.

Понедельник начинался как обычно: надлежало проверить невостребованные покупателями лекарства, навести порядок в отчетных книгах по продаже ядовитых веществ и уточнить список новых закупок. Обычная еженедельная рутина.

Открыв шкафчик, он доставал по одному маленькие бутылочки, флаконы и пузырьки, срывал с них корешки с указанием аптеки и фамилии клиента, разбивал залитую сургучом пробку и выливал содержимое в большой таз, чтобы потом выплеснуть во двор. Этот прозрачный флакон был пятым. Еще в руке он почувствовал его необычную тяжесть, и в воду стали плюхаться один за другим крупные и не очень... брильянты, а два из них были немногим меньше вишневой косточки. Пузырек был набит ими доверху. В страхе, что к нему может войти хозяин аптеки, Савелов закрыл дверь кладовой на ключ и, боясь потерять хоть один камень, расстелил в большой миске марлю и перелил в нее содержимое. Брильянты остались на поверхности материи. Аккуратно выбрав пинцетом каждый камешек, он переложил их в суконный мешочек и, завязав, спрятал во внутренний карман сюртука. Сердце выпущенной из рук голубкой вылетало из груди и билось все учащеннее, отдаваясь в ушах спазматическими толчками. Но ржавая заноза беспокойства уже прочно застряла в нем.

«Ну вот, теперь надо сесть и успокоиться», – растерянно подумал провизор, и вместо этого он лихорадочно бросился к уже пустому пузырьку, чтобы прочесть фамилию покупателя, но ярлычка на нем не оказалось. Его не было и среди четырех только что сорванных этикеток. «Чей же он? Ясно, что он пролежал здесь неделю, а может, и две или три, или даже месяц. И совершенно непонятно, как здесь могла оказаться микстура другой аптеки? И почему его не забрали? А что, если о том, что в нем брильянты, вообще никому не известно? Но ведь и я мог не обратить на них внимания и просто вылить содержимое. Конечно! Так, в случае чего, и надобно отвечать. Главное – не подавать виду и вести себя, как будто ничего не произошло. Но все-таки хотелось бы выяснить, кто же все-таки тот покупатель? Ладно. Неделю поработаю, а там скажу, что пришла телеграмма от тетки с Арзамаса, и уеду из этой чертовой Тмутаракани в Москву или Санкт-Петербург и заживу как достойный человек. Жену возьму лет восемнадцати, чтобы во всем слушалась и почитала. А то вот бедного Жиха убили недавно, сорока дней не прошло, а его баба уже с офицериком в открытом ландо по городу колесит! Срам-то какой! Да... А ведь этот Жих ко

мне и приходил. Точно. И микстуру оставлял, и обещал зайти... Стоп! Стало быть, это пузырек из его аптеки!» Жар догадки стиснул обручем голову. Провизор бросился к остальным склянкам и стал судорожно перебирать ярлычки, но фамилии «Жих» не нашел и предположение подтвердилось.

Кто-то дернул ручку двери, и послышались голоса сотрудников: «Петр Никанорович, вы здесь? Вас хочет видеть один господин». «Да, да я уже иду», – ответил Савелов, отворяя дверь.

Мужчина с усами, в котелке и с элегантной тросточкой приветливо улыбался.

– Итак, чем могу служить? – надев маску добродушия, первым начал Савелов.

– Скажите, пожалуйста, не вы ли дежурили шестого августа?

– Постойте, сударь, да разве я смогу припомнить? Почитай, месяц прошел...

– Помните, в тот день на проспекте было убийство господина Жиха?

– Да, конечно. Страшное преступление – упаси мя господи! – перекрестился аптекарь.

– Как раз до этого господин Жих заходил в вашу аптеку, не правда ли?

– Вполне возможно, а в чем, собственно, дело и почему вы задаете мне эти вопросы?

– Потому что я представляю интересы семьи покойного господина Жиха. Я присяжный поверенный, и мне доподлинно известно о том, что вы лжете. Предлагаю вам добровольно отдать то, что находилось в том самом пузырьке. Более того, мне достоверно известно точное количество этих предметов, и в случае попытки обмануть меня я смогу это проверить. Чем скорее вы вернете содержимое, тем вам же будет лучше, и вы останетесь целым и невредимым.

– Вы, очевидно, меня с кем-то путаете, уважаемый господин адвокат. И по какому праву вы разговариваете со мной таким тоном? – Провизор дрожал, но был исполнен достоинства.

– Послушай меня, ты, вша захребетная, мне с тобой возиться некогда! Вспорю кишки, и все – поминай, как звали. Скоро мы снова встретимся, и если к тому времени не передумаешь – ты мертвяк! Так что покумекай на досуге, склянка аптекарская!

Незнакомец спешно покинул торговый зал, а Савелов застыл в оцепенении. Так грубо с ним говорили всего несколько раз в жизни, и все эти случаи он хорошо помнил. «А может, стоит отказаться от этих драгоценностей и снова жить тихо-мирно, пусть скромно, но все-таки спокойно». Но казалось, дьявол вселился в него и перечил, доказывая обратное: «Так и будешь существовать земляным червяком, да? Ни бабы нормальной, ни своего дома, ни детей. Некому будет за твоей могилкой присматривать, и через год она порастет бурьяном и затеряется среди сотен таких же безымянных. Другие всю жизнь о такой удаче мечтают, а ты? А может, эти брильянты вообще не принадлежат этому нахалу? И никакого отношения к семье Жиха он не имеет? Что тогда?»

Остаток дня прошел в раздумьях и сомнениях, а тревога, надоедливая, как зубная боль, все никак не хотела угмониться. Холодные и бездушные кристаллы лежали в кармашке у самого сердца и, казалось, согревали его теплом скорых перемен. И он решил рискнуть. От осознания того, что он не отступил и не испугался, Савелов проникся уважением к самому себе, и, возможно, впервые за много лет в нем пробудилось чувство собственного достоинства.

Его невообразимо тянуло домой, в съемную, расположенную во флигеле комнатку, где он мог помечтать в тишине о будущем. Ноги сами несли провизора по знакомым улицам, и невдалеке показались очертания двухэтажного доходного дома.

В коридоре у выхода на черную лестницу, на ветхозаветном стуле, помнящем, наверное, еще приезд Николая I в Ставрополь, подстелив газетку, сидел незнакомец средних лет, в котелке и с тросточкой.

– Добрый вечер, господин Савелов. Меня зовут Ардашев Клим Пантелеевич. Я присяжный поверенный окружного суда и представляю интересы вдовы господина Жиха. Я был бы вам очень признателен, если бы мы могли поговорить о некоторых чрезвычайно важных обстоятельствах. – Адвокат протянул визитку.

Приняв карточку, провизор внимательно разглядел ее и, не сумев скрыть дрожания рук, неожиданно для самого себя ответил:

– Прошу вас.

От волнения он никак не мог сразу справиться с замком, но дверь поддалась, и Ардашев вошел в комнату. Хозяин зажег лампу, и перед адвокатом предстала унылая картина холостяцкой бедности.

Это было типичное жилье из разряда дешевле может быть только подвал. Узкая, шагов шесть в длину и примерно три в ширину, комната больше походила на просторный гроб, чем на жилище. Единственное окно почти упиралось в кирпичную стену, и от этого днем в ней царил полумрак. От недостатка солнечного света на стенах завелась плесень, и кое-где начали пузыриться и отставать грязно-свинцового цвета обои. Мебель соответствовала помещению. В правом углу стояла крашенная много раз старая железная кровать, письменный стол, этажерка с книгами, три старых стула, для прочности скрепленные прибитыми крест-накрест брусками. При входе стоял большой посудный шкаф, видимо собранный уже внутри комнаты, поскольку из-за узости входной двери втащить его в комнату было невозможно.

Указав Ардашеву на стул, Савелов сел напротив.

– Есть у меня к вам, Петр Никанорович, одна просьбица. Не потрудитесь ли вспомнить одно событие приблизительно месячной давности – шестого числа прошлого месяца, когда на проспекте был убит господин Жих?

– Ну да, припоминаю, и что же?

– Перед тем как сесть на злосчастную лавочку, Соломон Моисеевич заходил к вам и вы продали ему «Капли от мигрени», не так ли?

– Весьма возможно. И что дальше?

– Он передумал и решил оставить микстуру в аптеке, чтобы забрать позже, и то ли случайно, то ли намеренно отдал вам совсем другой флакон. Так вот я и хотел бы забрать его у вас и вернуть жене покойного.

– Вы в этом уверены?

– Абсолютно.

– Послушайте, сегодня утром приходил незнакомый господин, который так же представился присяжным поверенным окружного суда и тоже просил меня вернуть ему какой-то пузырек.

– Да... Дело обстоит гораздо хуже, чем я ожидал, – медленно проговорил адвокат и озабоченно нахмурился, а потом спросил: – А как выглядел мой «коллега»?

– Он несколько моложе вас. Правда, с усами. К сожалению, больше добавить нечего.

– Он, очевидно, вам угрожал?

– Да.

– Послушайте, Петр Никанорович, вокруг содержимого этих флаконов кипят нешуточные страсти, и четверо недавно здравствующих людей, в той или иной форме имеющих отношение к тому, что находится в этой стекляшке, уже отправились на тот свет. Да и вы находитесь на волосок от гибели.

– Я категорически отказываюсь понимать, о чем идет речь!

– Вы зря не хотите прислушаться к моему совету. Поймите, к вам подходил тот, от чьей руки погиб господин Жих! Вы разговаривали с убийцей! И нет никаких гарантий, что вслед за мной он снова не наведается к вам, и тогда...

– Я попрошу вас, господин адвокат, оставить угрозы. А то ведь, не ровен час, мне придется обратиться в полицию.

– Вы знаете, меня бы это вполне устроило. И, наверное, если бы вы передали все властям, вас бы это спасло. Проявите благоразумие и верните то, что вам не принадлежит, тогда, по крайней мере, вы сохраните себе жизнь. Поймите, другой альтернативы нет.

– Мне пора ужинать, и, к сожалению, уважаемый Клим Пантелеевич, я больше не имею возможности продолжать эту бессмысленную беседу и вынужден с вами проститься.

– Жаль, что вы не вняли моим словам. Знаете, я предполагал, что наш разговор может закончиться именно так, и поэтому прихватил с собой вот этот флакончик. Он точная копия того, что ищет преступник. Позвольте, на всякий случай, оставить его у вас. И если душегубец к вам явится – отдайте ему мой пузырек. Возможно, это спасет вашу жизнь. – Клим Пантелеевич поставил микстуру на полку шкафа. – И все-таки, если вдруг передумаете, сообщите мне, и я смогу вам помочь. До свидания.

Ардашев открыл дверь и почему-то обернулся – на него смотрели испуганные глаза уже приговоренного к смерти человека, который наивно рассчитывал перехитрить судьбу, играя с ней в рулетку.

Под звук фанфар

– Разрешите приветствовать истинных героев. – Губернатор подходил к каждому из приглашенных и крепко жал руку.

– В отношении вас, Владимир Карлович, мною направлено представление Его Императорскому Величеству о награждении орденом Владимира IV степени. Надеюсь, пригласите на торжество?

– Непременно, Петр Францевич.

Было заметно, что Фаворскому излишнее внимание доставляет неудобство, и он ждет не дождется, когда весь этот церемониал закончится. Тем более что сегодня он собирался официально просить руки Вероники Высотской. Это решение он принял еще вчера, когда они везли пойманных преступников: «Вот так однажды нарвусь на шальную пулю, и все... Похоронят за казенный счет да отсалютуют напоследок. А через год никто и не вспомнит...»

Из-за недавних нападений на почтовые кареты ротмистру все чаще приходилось бывать на городских кладбищах. И в скорбные минуты прощания с теми, кого не пощадила рука хладнокровных убийц, отвлекаясь от скупых траурных речей чиновников и заунывного бормотания священника, он стал вдруг задумываться о смерти. И каждый раз жандармский офицер чувствовал, как по спине кипятком растекался страх, который он гнал от себя прочь, но так и не мог полностью от него избавиться. Раньше с ним такого не было.

Перед Васильчиковым Рейнбот остановился, улыбнулся, немного помолчал и, протянув руку, сказал:

– Ну, а вам, господин поручик, целых две награды: во-первых, командование драгунского полка освободило вас от отбывания оставшихся двух суток на гауптвахте, а во-вторых, ваше полковое начальство внесло вас в список офицеров, досрочно представленных к присвоению очередного воинского звания. Полагаю, вам снова вернут чин штабс-ротмистра.

– Рад стараться, ваше превосходительство! – Офицер браво стукнул каблуками, склонив одновременно голову. Но уже через мгновение по его лицу пробежала тень безразличия и некоторой усталости.

– Ну, а вы, дорогой мой Антон Филаретович, не уберегли себя. Надо было бы поостеречься! Все только и говорят о вашем подвиге! Сражались геройски и себя не жалели! И поэтому я ходатайствовал о награждении вас серебряной медалью за храбрость IV степени. Ну и позвольте выделить вам на лечение сумму в размере пятисот рублей. – Губернатор протянул казенный конверт из пергаментной бумаги серого цвета.

У сыщика на глазах навернулись слезы радости. Забыв о том, какая рука у него больная, он попытался протянуть забинтованную, висевшую на перевязи руку, но быстро опомнился и, подав левую, проговорил:

– Ваше... высокопревосходительство! Я и впредь, завсегда... Государю нашему императору... верой и правдой... Жизнь готов положить... Премного благодарен... Рад стараться!

– Также хочу объявить, что начальник сыскного отделения господин Поляничко представлен к ордену Станислава III степени с мечами и бантом. Начальник губернской полиции господин Фен-Раевский награждается орденом Святого Станислава II степени. Итак, официальную часть на этом можно считать оконченной и я всех приглашаю пройти в банкетный зал.

Его превосходительство первым направился в соседнюю комнату, где на столе, накрытом белой скатертью, выстроились бутылки с шампанским, коньяком и сухим вином. Рядом теснились вазы с персиками, ананасами и виноградом. Нарезанные дольками апельсины соседствовали с раскрытыми коробками эйнемовских конфет. Прислуживали два официанта.

– Уважаемые господа! Я поднимаю этот бокал за государя нашего, за православную веру, за Отечество – за Русь-матушку и, в вашем лице, за ее бесстрашных сыновей! – Послышался хрустальный перезвон бокалов и негромкие поздравления.

Но, как обычно бывает в таких случаях, из-за официального характера торжества и слишком большого числа начальников присутствующие чувствуют себя неуютно. Каждый был кому-то

подчинен и от кого-то зависим. И потому минут через двадцать банкетный зал опустел. Участники праздника покинули губернаторский дом, разделившись на группы: полицмейстер, Поляничко и Каширин направились в управление, а Фаворский с Васильчиковым медленно шли по бульвару, ведя неторопливую беседу.

– А знаете, поручик, я бы хотел предложить вам отправиться вместе со мной на журфикс к Высотским.

– Рад бы, но, к сожалению, не имею приглашения от хозяев.

– Оно вам и не понадобится. Дело в том, что я собираюсь сегодня вечером просить руки Вероники Высотской. А вы будете моим сопровождающим лицом. Видите ли, Бронислав, я хотел бы считать вас, если, конечно, вы не возражаете, своим товарищем, поскольку в этом городе, кроме вас и господина Ардашева, у меня нет настоящих друзей. Кстати, надеюсь, на журфиксе представится случай вас познакомить. Клим Пантелеевич чрезвычайно интересный собеседник.

– Благодарю за предложение и с радостью его принимаю. Да и об Ардашеве слышал много хорошего... Ну-с, разрешите вас поздравить с окончанием холостяцкой жизни!

– Не будем спешить, Бронислав. А вдруг возьмут и откажут?

– А вот этого точно не произойдет! Вы уж поверьте предчувствиям старого дамского угодника.

– Дай-то бог! Предлагаю встретиться у дома Высотских в восемь.

– Прекрасно!

Офицеры пожали руки и разошлись по разные стороны начинающей покрываться золотом аллеи. Солнце торопилось спрятать лучи за горизонт, небо наливалось свинцом, а холодный северный ветер гнал с востока черные проливные тучи.

38

Вечер неожиданностей

Весть о поимке налетчиков разнеслась по городу с быстротой колокольного звона. На базарах и в лавках об этом только и судачили. Причем реальные события так быстро обросли невероятными деталями, что отличить правду от вымысла было невозможно.

Одни взахлеб рассказывали о банде учителей-грабителей, которые не только «потрошили» почтовые кареты, но и вырезали на телах жертв математические формулы. Другие уверяли, что злоумышленниками верховодила бывшая прусская баронесса, служившая горничной чуть ли не у самого губернатора. И она, подавая чай на служебных совещаниях, заранее узнавала о планируемых засадах, предупреждала сообщников, и потому банда была неуловима.

Для большинства обывателей арест почтмейстера остался незамеченным, и лишь немногие знали о его причастности к налетам и убийствам. Завсегдатаи пятничных журфиксов у Высотских предвкушали возможность услышать о нашумевшей операции из первых уст, с нетерпением ожидая появления полицмейстера и начальника жандармского отделения. Но никому и в голову не могло прийти, что среди гостей окажется еще один участник баталии – недавно выпущенный из одной тюрьмы и тут же угодивший в другую Бронислав Арнольдович Васильчиков.

Появление офицера вызвало если не шок, то, во всяком случае, удивление высшей степени.

– Поручик Васильчиков, господа! За героизм представлен командованием к внеочередному воинскому званию, – отрекомендовал вошедшего Фаворский.

Гости повернулись, оставаясь на своих местах, и только хозяйка, точно потревоженная сойка, подскочила с кожаного кресла и понеслась навстречу молодому сердцееду.

– Если я не ошибаюсь, мы как-то уже встречались с вами на одном из вечеров, не так ли? – кокетливо лепетала Высотская.

– Да, да, вы правы, мадам. Имел честь насладиться вашим приятным обществом.

– И правду говорят: «ничто так не красит мужчину, как военная форма...»

– Знаете, графиня, какие бы предпочтения офицеру ни придавал мундир, он никогда не может сравниться с тем небесным очарованием, которое источаете вы при каждом вашем движении, – заглядывая в глаза привлекательной еще особы, щедро раздаривал комплименты Бронислав.

– О, как вы галантны! Обещаю, что сегодня я просто не разрешу вам скучать. – Подхватив военного под руку, дама уже была готова увести его за собой, но тут вмешался Фаворский, державший за спиной два запакованных в бумагу объемных свертка:

– Виолета Константиновна, не могли бы вы вместе с Аристархом Илларионовичем уделить мне несколько минут?

– Это, наверное, опять связано с бывшей горничной? А может, вы снова хотите что-то узнать об этом Никитине? Но ведь третьего дня я уже все подробно рассказала одному надоедливому следователю... м-м, с какой-то кошачьей фамилией... Разве этого недостаточно? – обиженно надула губы графиня.

– Не беспокойтесь, у меня вопрос совсем иного рода.

– Ну, хорошо, подождите меня здесь, я сейчас приглашу мужа. Он, наверное, в бильярдной. – Она быстро пересекла просторную залу и почти сразу вернулась, а за ней торопливо семенил маленькими, как у гусеницы, ножками толстый граф, не успевший даже отряхнуть испачканный мелом сюртук. На его раздосадованном лице было написано неудовольствие от внезапно прерванной партии.

– О, господин Фаворский! Опять что-то стряслось? Супруга даже не разрешила мне доиграть пирамиду. Но на этот раз, поверьте, господину Ардашеву проигрыша не миновать!

– Видите ли, уважаемые Виолета Константиновна и Аристарх Илларионович, я хотел бы просить руки вашей дочери. – Ротмистр, будто искусный факир, превратил свертки в охапку роз яркого карминного оттенка.

Графиня приняла цветы и растерянно посмотрела на мужа, затем на офицера и, будто очнувшись, улыбнулась. Первым обрел дар речи отец девушки:

– У нас, дорогой Владимир Карлович, возражений не имеется. Человек вы серьезный и будете нашей девочке надежной опорой. – Высотский горячо тряс руку будущему зятю.

– Так быстро пролетело время, и мы уже выдаем единственную доченьку замуж. – Виолета Константиновна беззвучно всплакнула и вытерла крохотным платочком выступившие в уголках глаз слезы. Помедлив, она спросила: – А что Верочка?

– Она еще ничего не знает. Но теперь, когда я вижу, что родители согласны, я хотел бы сделать ей официальное предложение. Где я могу ее увидеть?

– Должна выйти с минуты на минуту.

И действительно, из открытой двери в другом конце гостиной, слегка поддерживая полы белоснежного платья, навстречу родителям спешила дочь. Фаворский, освободив цветы от бумажного плена, двинулся ей наперерез. В центре зала они встретились, и он протянул девушке белоснежный букет:

– Это вам.

– Лилии... Надо же! А по какому случаю? – с трудом выдавила из себя вопрос барышня, чувствуя, как начинают пылать щеки.

– Я получил письмо от родителей, и они благословили меня...

– На что? – дрожащим голосом произнесла Вероника, прижав цветы к груди.

– Я хотел бы просить вашей руки. Вы согласны стать моей женой?

Будто в полусне она смотрела немигающими глазами на офицера и, едва шевеля розовыми губами, произнесла:

– Не знаю... Наверное... Ну да... Да... Я согласна.

Известие о предстоящей помолвке Фаворского и Вероники тут же разнеслось среди гостей, и эта новость, словно ширма, заслонила собой все недавние происшествия.

В музыкальном салоне остались одни дамы, поздравляющие графиню с удачным выбором дочери. Мужская половина прочно оккупировала бильярдную и курительную комнаты. Ардашев сильно раздосадовал хозяина дома, закончив прерванную партию очередным выигрышем. Отставив кий в сторону, адвокат вышел на свежий воздух. Из сада доносилась приглушенная речь Фаворского, и присяжный поверенный направился к беседке.

– А вот и Клим Пантелеевич пожаловал. А я только хотел вас познакомить: поручик Васильчиков, Бронислав Арнольдович, прошу любить и жаловать.

– Ну, какой уж я Арнольдovich! Просто Бронислав или как вам будет угодно, уважаемый Клим Пантелеевич. Признаться, я немало наслышан о ваших добрых делах. Что скрывать, Клара Сергеевна от вас просто без ума! – горячо жал протянутую адвокатом руку офицер.

– Благодарю вас. Рад, что представилась возможность познакомиться с вами поближе. – Ардашев присел на край лавки и, повернувшись к Фаворскому, спросил: – Ну и как там ведет себя эта революционная парочка?

– Арестованная оказалась Полиной Ивановной Воротынцевой. Ранее подозревалась в вооруженных нападениях в Тифлисе и Екатеринодаре, но достаточных улик против нее тогда не собрали. Вину не признает, на следствии отмалчивается. А ее сообщник батюшку попросил в камеру пригласить: хочу, дескать, исповедаться. Пожалуйста! Я бородатого унтера из тюремного конвоя священником нарядил и к нему направил. Так этот последователь Карла Маркса столько ему о своих злодеяниях наговорил, что у служивого нервы сдали. Повалил он студентика на пол и давай ему револьвером в рот тыкать – передних зубов как не бывало. Еле уняли «батюшку». На следующий день Чебышев очную ставку проводил между ним и Полиной. Завели их в кабинет – сидят, молчат. Друг на друга смотрят. Тут дверь открывается, и охранник докладывает, что, мол, следователя к начальству срочно просят. Чебышев из коридора – в соседнюю комнату... Тут-то они и разговорились... Вот мы с ним у потаенного окошка обо всех их темных делах и наслушались. Но Воротынцева все равно отказалась давать показания. А вот Евсеев во всем повинился. Благодаря его признаниям почтмейстеру теперь пожизненная каторга светит. Студент подробно рассказал, как они на поезд напали, как актера пытали, как почтарей грабили и убивали, как он Тюлькина из маузера через открытое окно по приказу Расстегаева положил. Не забыл упомянуть и о нападении на вдову. Только вот на вас, Клим Пантелеевич, он сильно разобиделся за тот случай, когда вы над его головой керосиновую лампу вдребезги разнесли. Но в убийстве Жиха сознаваться не хочет и клянется всеми святыми, что не их рук это дело. Следователь ему, конечно, не верит и считает, что сделали они это по указке почтмейстера. А так арестант он образцовый: молится с раннего утра до позднего вечера. Икон в камере навешал. Кается беспрестанно. Теперь уже настоящий батюшка из острожной церкви его каждый день навещает. Святой отец говорит, что ведет он себя как настоящий монах-отшельник. Наверное, прощение вымолить хочет. Да поздно. Виселицы не избежать. – Ротмистр замолчал и затушил папиросу.

Поручик тем временем наполнял трубку табаком, используя в качестве тампера⁴ выдвинутый из складного ножа инструмент для чистки конских копыт.

– Вижу, Бронислав Арнольдovich, вы обладатель настоящего «cavalier». Позвольте взглянуть?

– Да, пожалуйста. – Васильчиков протянул Ардашеву изделие лионских мастеров. Выполненная из оленьего рога ручка в сумерках отливала тусклым блеском.

– Да, надо французам отдать должное. Этот кавалерийский перочинный нож на удивление хорошо продуман, – рассматривая вещицу, вслух рассуждал присяжный поверенный. – В нем можно найти все, что необходимо наезднику: длинное и тонкое обоюдоострое лезвие, универсальный экстрактор⁵ патронов для разных калибров, портативные кусачки, пробойник для починки узды и даже инструмент для чистки копыт. А вы, я смотрю, с его помощью еще и трубочку набивать приспособились.

– Трубка, скажу я вам, Клим Пантелеевич, вещь одушевленная. У нее, как у любого человека, имеется свой характер и настроение. Для того чтобы понять ее и научиться получать удовольствие, нужно время и терпение. Ведь это своеобразный ритуал. Выбрав свободную минуту, я позволяю себе расслабиться и забыть про армейскую суету. Тут ведь настрой особенно важен: прежде всего надо удобно расположиться, ну, например, сесть в любимое кресло и не торопясь, аккуратно забить табаком чашку... Да и раскуривать ее надобно неторопливо, потихонечку... Знаете, иногда мне кажется, что вместе с дымом уходят все проблемы, накопившиеся за день. Трубка возвращает меня к чувству прекрасного, давая возможность с

⁴ Тампер – прибор для набивки табака в трубку.

⁵ Экстрактор – приспособление для выбрасывания стреляной гильзы из оружия.

упоением любоваться плавной красотой линий на извилистых узорах дерева. Она будет служить долго и преданно... и никогда не изменит. Такую верность вы не отыщете в женщинах.

– Прекрасные слова, Бронислав Арнольдович! В свое время я заметил странную особенность – скорее трубка курит вас, нежели вы ее.

– Именно так. А вы, по всей вероятности, уже отказались от этого удовольствия?

– Да, пришлось перейти на монпансье.

Рядом послышались чьи-то голоса, и, судя по всему, в сад вышли двое. Густая и еще зеленая листва яблонь надежно скрывала беседующих, но ветер донес чей-то возбужденный голос:

– Тоже мне герой нашелся! Если воинские звания будут давать всем, кто переспал с похотливой вдовой и поколотил желторотого студента, то у нас скоро вся армия будет ходить в штабс-ротмистрах! Кто его сюда притащил? А Виолета Константиновна тоже хороша! Весь вечер с ним! Да и фамилия какая-то смешная – Васильчиков!

– Вы уж извините, но, по-моему, говорят обо мне. – Офицер встал и направился туда, откуда послышалась речь.

– Милостивые господа, только что один из вас неуважительно отозвался в мой адрес. Я бы хотел знать, кто именно осмелился говорить столь непочтительным образом? – Широко расставив ноги и попыхивая трубкой, поручик смотрел в лицо двум господам.

– А почему, собственно, мы должны отвечать на ваши вопросы? Кто вы такой, чтобы нас допрашивать? – Набравшись смелости, Пейхович даже попытался сделать полшага правой ногой, но струсил и ограничился шарканьем, похожим на неудачный реверанс.

– Повторяю вопрос: кто назвал мое имя? Если я не услышу ответа, то мне придется вызвать на дуэль вас двоих. – На лбу у офицера шнурками вздулись две багровые и толстые жилы, сходящиеся к носу.

– Я к сказанным словам не имею никакого отношения, – поспешил оправдаться Доршт, сделав назад полшага.

– Стало быть, говорили именно вы, сударь, – сдержанно-раздраженным голосом резюмировал поручик.

Пейхович молчал. Васильчиков тем временем неторопливо сдергивал поочередно с каждого пальца правой руки коричневую перчатку, и через мгновение неременный атрибут повседневного офицерского мундира полетел в лицо коммерсанта.

– Я вызываю вас, господин... как вас там зовут... на дуэль. А чтобы уравнивать шансы между военным и штатским – стреляться будем через платок. Дуэль завтра, на рассвете... в семь... у лодочной станции Ртищевой дачи. Позаботьтесь о секунданте.

Пейхович, не проронив ни слова, развернулся и пошагал к дому.

К этому времени Фаворский и Ардашев уже стояли рядом. Клим Пантелеевич поднял брошенную перчатку и, передав ее Брониславу, проговорил:

– Поручик, вам придется изменить решение: Пейхович – человек не военный и принимать участие в дуэли на «тяжких» условиях может лишь в исключительном случае, каковым данный инцидент не является. Это противоречит правилам. А значит, стреляя друг в друга, любой из вас совершит преднамеренное убийство. Более того, вы ставите в сложное положение господина Фаворского, присутствующего при этом разговоре. В случае обнародования этого факта на карьере ротмистра можно будет поставить крест, – убеждал разгоряченного офицера адвокат.

– Если для кого-то следующий классный чин или новое воинское звание выше понятия офицерской чести, то я очень сожалею, что имел неосторожность считать этих людей своими друзьями. К сожалению, нам не по пути. А дуэль может не состояться только по одной причине – либо до нее меня убьют на другом поединке, либо этот господин незамедлительно принесет свои извинения. О секунданте я позабочусь сам. Честь имею, господа! – Васильчиков ушел.

Фаворский закурил и вместе с папиросным дымом выпустил досадное замечание:

– Ну что, Клим Пантелеевич, хорош финал? А? Знаете, мне иногда кажется, что эту смертельную карусель нам никогда не остановить. Ну, посмотрите, злодеев поймали, награды раздали. Я успел даже попросить руки Вероники и получил согласие... Да и Васильчиков вроде бы успокоился. Звание ему вернули. Так нет! Надо было этому Пейховичу выйти в сад и наговорить целый воз обидной ерунды! Когда же кончится эта круговерть?

– Когда найдем убийцу Жиха, – заложив руки за спину, проговорил Ардашев и медленно пошел в дом по каменным плитам садовой дорожки.

39

Сатисфакция

I

В лампе почти выгорел керосин, и, потрескивая, она коптила последними чадными вспышками, отсвечивая то синим, то красным пламенем. Мирно тикали настенные часы. Напротив окна, в кресле, укутавшись в теплый шотландский плед, сидел человек. Он чувствовал, как его тело покрывается липким, как мед, потом, а во рту опять становится сухо. Дрожащей рукой он поднял стакан и, стуча зубами о стеклянный край, вылил в себя содержимое. Чиркнув спичкой, закурил. Хрустальная пепельница белела в папиросных окурках, которые, попадая в отблески света, казалось, двигались и наползали друг на друга, напоминая собой жирных опарышей, до поры спокойно обитавших в старой навозной куче и теперь кем-то внезапно потревоженных.

«За поповым перелазом подралися как-то разом: поп и дьяк, и пономарь, и губернский секретарь...» – нелепая детская считалочка прочно засела в мозгу и крутилась как заезженная патефонная пластинка. «Какая глупость! Погибнуть от руки полкового пьяницы, бабника и хама? Уйти навсегда в темную и холодную бездну по слепому жребию? Отдать жизнь в руки нелепого случая?» – Мысли глухими толчками отдавались в усталой голове, и кровь шумела в ушах, заглушая угасающее шипение фитиля. Но силы встать и наполнить лампу керосином не было. Страх, всепоглощающий и неизлечимый, как заморская лихорадка, покрывал и опутывал тело паутиной мелкой дрожи; он сковывал волю и судорогой сводил одеревеневшие скулы. В животе противно урчало, а к горлу подступал удушливый комок.

Пейховичу, как и любому другому человеку, хотелось жить, но отказаться от дуэли – значит выставить себя посмешищем в этом маленьком глухом городишке, где каждый каждому сват, брат и деверь. После такого бесчестья ему придется уехать отсюда навсегда. «А как все хорошо складывалось! Но поручик спутал все карты, и уже через пару часов меня может вовсе не быть! И в это невозможно поверить!»

Никогда раньше вопросы смерти не овладевали сознанием коммерсанта с такой силой, как сейчас. Да и кто станет задумываться об этом в молодости? Вот лет в семьдесят или восемьдесят, а то и позже... Когда человек становится немощным и уставшим от жизни, когда пища уже не доставляет былого удовольствия, когда слабеет зрение и трясутся руки, тогда, видимо, и возникает мысль о вечном сне, который представляется уже не столь нежеланным. Однажды глаза закрываются, и человек больше не просыпается. Люди в таких случаях говорят: «Да, бедный Яков... Он уже очень дряхлый. И это, пожалуй, даже лучше для него».

«Но я молод, черт побери! Мне нравится жизнь! Я не хочу умирать!»

Усилием воли он встал и на тяжелых, словно протезных, ногах с трудом доплелся до окна. Светало. Первые робкие блики солнца двигались по земле на ощупь и постепенно набирали силу, отвоёвывая пространство для нового сентябрьского утра. На крыше соседнего дома сидела грациозная черная кошка и старательно вылизывала густую шерсть. Мимо прогрохотала телега, а за ней выскочила крохотная, но злая собачонка и зашлась рваным лаем, пытаясь нагнать страху на идущую ровным шагом рыжую лошадь. Проснувшиеся воробьи весело купались в клубах придорожной пыли, чирикавая от удовольствия на разные лады. Молчаливые деревья, окутанные утренним паром, просыпались от таинственных снов и благодаря легкому восточному ветру стряхивали с листьев капли ночной росы.

С ужасом негоциант понял, что эта картина уже не для него и скоро он может навсегда лишиться этого... Он никогда больше не увидит, как цветет вишня, не услышит утренней трели соловья, не почувствует запах ночной фиалки, раскрывшейся тихим и теплым вечером. Он

никогда не обнимет женщину и не ощутит ее горячее дыхание. Никогда больше... Никогда больше... Теперь ему стало ясно, что все его прежние волнения по поводу срыва многообещающей сделки или недостачи товара – мелочь, не стоящая и ломаного гроша.

«Кто-то из великих сказал, что смерть – это врата в покровы вечности. И, наверное, именно там обитает Бог. А значит, если я погибну, то смогу наконец его увидеть. А потом я встречу недавно умершую мать и так рано ушедшего отца», – пытался найти успокоение в философских рассуждениях коммерсанта, но и это не помогало. Беда казалась неминуемой, и в оконных предрассветных тенях мерещилось лицо хихикающей старухи с гнилым и беззубым ртом...

Яков рывком задернул шторы и медленно опустился в кресло; будто пытаясь отгородиться от надвигающейся катастрофы, он придвинул стол на себя. От ощущения безысходности навернулись слезы, его нижняя челюсть затряслась, плечи вздрогнули, и пальцы рук, вцепившись в столешницу, стали судорожно царапать скатерть. Пейхович плакал.

II

Поручик открыл глаза, зевнул и, сладко потянувшись, соскочил с кровати. Он чувствовал себя великолепно. С удовольствием раскурив трубку, Васильчиков ощутил уверенность в том, что удача и на этот раз не изменит ему. Спокойствие перед поединком – вещь незаменимая, но для дуэли через платок это не особенно важно. Совсем другое дело – драться на тридцати шагах. Перед такой схваткой необходимо иметь твердую руку, верный глаз и холодный рассудок. Сейчас же все по-другому – судьба сама сделает выбор.

Стреляться через платок придумали в России, и здесь не может быть ни раненого, ни промахнувшегося. Ведь из двух совершенно одинаковых пистолетов только один будет заряжен и никто не знает, кому он достанется. Противники, выбрав поочередно оружие, должны будут взяться за диагонально противоположные концы карманного платка и по команде распорядителя нажать одновременно на уже взведенные курки. И только оставшийся в живых поймет, в чей пистолет вложили патрон...

Поручик давно не боялся смерти, потому что терять ему на этой земле было нечего. Он не имел ни дома, ни жены, ни детей. Что ожидало его в старости? Скучная офицерская пенсия и смерть в приюте для немощных и калек? Стоило ли дорожить таким будущим? Он жил одним днем и широкой горстью черпал в жизни все, что хотел. Сдерживать свои прихоти и страсти Васильчиков не считал нужным.

Для драгунского офицера это была далеко не первая дуэль, и еще на заре военной карьеры он выработал для себя определенный образ мыслей, за который якорем цеплялся рассудок, оставаясь холодным и лишенным всякой сентиментальной ерунды. Бронислав никогда не задумывался о целесообразности поединка и понимал, что стоит лишь начать об этом рассуждать, как незаметно в душе поселится сморщенная, как яблочная гниль, плесень человеческого страха. Мягкая зараза быстро выест изнутри все честолюбивые помыслы и благородные намерения, превратив смельчака в труса, отчаянного храбреца – в тщедушного паникера.

К каждой дуэли офицер тщательно готовился, соблюдая неписанный ритуал, выработанный им самим за годы пистолетных поединков. Сколько их было? Точно он затруднялся на этот вопрос ответить, но наверняка более десяти. И каждый раз он готов был погибнуть, не терзая душу вопросами о загробной жизни.

Васильчиков оставил тлеющую трубку в пепельнице и, подойдя к маленькому зеркалу, висевшему над умывальником, улыбнулся самому себе. В медной чашечке он развел помазком мыло и, взбив пену, стал равномерно и с удовольствием накладывать на лицо белые хлопья пены, каждый раз отчего-то мысленно сравнивая себя с Дедом Морозом. Острая «Solingen» безукоризненно снимала щетину, придавая коже привычную гладкость. Тщательно смыв остатки мыла, поручик промокнул лицо вышитым рушником, подаренным матерью перед отправкой на Дальний Восток.

Переодевшись в чистое белье, он вскипятил на примусе чайник и налил заварки. На русско-японском фронте перед атакой офицеры старались не принимать пищу и ограничивались одним

чаем. Это давало шанс выжить и не умереть от заражения в случае прямого ранения в живот. Да и быстрота реакции у сытого человека намного хуже, чем у того, кто испытывает легкий голод.

Наградные карманные часы фабрики «Павел Буре» с рельефным изображением императорского герба на крышке показывали почти половину седьмого. Опоздание более чем на пятнадцать минут не позволялось, и надо было спешить. Повезло – мимо дома проезжал пароконный пустой фаэтон. Офицер запрыгнул в коляску и, тронув за плечо возницу, распорядился: «К Ртищевой даче».

Миновав мощенные речным булыжником городские улицы, коляска потрусила по грунтовой дороге. Уже немолодая пара гнедых насилу вытащила экипаж на гору. Внизу, окутанная утренней дымкой, блестела зеркальная гладь спящего в тишине пруда.

III

Поручик приехал первым. Корнет Аверьянов был уже на месте. С небольшим опозданием появилась открытая коляска. Из нее вышли два господина. В первом угадывался непосредственный виновник происходящего – Яков Пейхович, рядом – его вчерашний собеседник – Вениамин Доршт, выполняющий, судя по всему, обязанности секунданта.

– Итак, господа, – начал Аверьянов, – прежде разрешите оговорить общие правила. Исходя из того, что именно поручик Васильчиков посчитал себя оскорбленным, ему и принадлежит право выбора оружия и условий поединка. Об этом было объявлено еще вчера – дуэль на пистолетах, в упор и только с одним заряженным оружием, что, как вы знаете, запрещено. Поэтому, во избежание неприятностей с законом, предлагаю, чтобы каждый из дуэлянтов собственноручно написал прощальное послание о том, что он сам решил свести счеты с жизнью, положив эту записку в нагрудный карман сюртука. Текст простой: «Ухожу из жизни сам. Прошу никого не винить». Не забудьте указать сегодняшнюю дату. – С этими словами корнет вытащил из кожаного саквояжа походную чернильницу, перья и обычную ученическую тетрадь.

Поручик размашисто, на полстраницы написал, возможно, последние в своей жизни слова. Вырвав резким движением лист, он предъявил текст секундантам и после их одобрительного кивка спрятал предсмертную записку в карман кителя.

Настал черед Пейховича, который долго рассматривал кончик пера, будто стараясь оттянуть неминуемую развязку. Но, обмакнув его в чернильницу, он явно перестарался, и на бумаге расплылась огромная, похожая на опухоль, черная клякса. Окинув присутствующих извиняющимся взглядом, он повторил попытку и написал требуемый текст. От излишнего волнения Яков оторвал лист неровно, отчего послание приобрело вид неправильной трапеции. Со стороны секундантов замечаний не было, и свернутая вдвое бумага опустилась на дно его внутреннего кармана.

– Перед тем как мы приступим к выбору оружия, я попрошу вас еще раз ответить: не считаете ли вы возможным разрешить конфликт мирным путем? – вел установленный порядок корнет.

– Мой доверитель готов отказаться от дуэли, – не сговариваясь с Пейховичем, торопливо проговорил Доршт.

– А вы, Бронислав Арнольдович, согласны на примирение?

– Видите ли, к сожалению, оскорбительные слова, произнесенные этим господином, касались не только меня, но еще и опорочили честь одной уважаемой мною дамы. А это значит, господа, что я намерен драться, – сухо вымолвил Васильчиков.

Поручик уже давно для себя решил, что понятие чести выше простого обывательского желания выжить во что бы то ни стало. И даже в том случае, если судьба распорядится иначе и он исчезнет в воздушной оболочке небытия, победа все равно останется за ним: он не сдался, не дрогнул и сохранил единственное, чем дорожил, – репутацию смелого и бесстрашного офицера.

– И все-таки, я еще раз обращаюсь к вам, господин Васильчиков, с предложением изменить принятое решение, – старательно выговорил Доршт.

– Я уже дал ответ и не вижу оснований для его пересмотра.

– Но позвольте, зачем же ставить на карту свою жизнь из-за каких-то слов, – не унимался финансист.

Пейхович дотронулся рукой до предплечья секунданта и обреченно проговорил:

– Оставьте, Вениамин Яковлевич, эти попытки. Они бесполезны.

Видя непреклонность однополчанина, корнет достал из кармана двухкопеечную медную монету и пояснил:

– Теперь, господа, необходимо выбрать оружие. Кому выпадет это право – решит жребий.

– Орел, – проронил Яков и закусил губу.

– Решка, – сказал поручик.

Монета взвилась вверх и тут же упала.

– Орел, господа. А значит, вам первому выбирать оружие, – обращаясь к противной стороне, заключил корнет и вытащил из саквояжа пару пистолетов. В сопровождении второго секунданта он исчез за раскидистыми кустами боярышника и зарядил только один револьвер. Вернувшись, он протянул для выбора оба оружия Пейховичу.

Бледный как полотно Яков неуверенным движением взял в руки ближний к нему пистолет и прислонил его к груди, как ребенок прижимает любимую игрушку, боясь, что ее отберут. Голос его дрожал, но был исполнен достоинства.

– Я готов, господа. – Коммерсант нервно сглотнул солоноватую слюну, смешанную с привкусом крови прокушенной губы.

Васильчиков не раздумывая протянул руку за оставшимся револьвером и стал напротив Пейховича. Аверьянов тем временем вынул из саквояжа кусок ткани и, отойдя в сторону на десять саженей, объявил:

– Господа, прошу вас взяться за концы платка. Стреляться – на счет три.

Ствол пистолета поручика метил как раз в сердце противника, который тоже направил оружие в грудь своего визави, одновременно удерживая левой рукой край материи.

Все молчали, затаив дыхание.

Корнет скомандовал:

– Раз. – Яков поднял глаза к небу, и в животе у него сделалось тоскливое, противное, почти обморочное замирание. – Два. – Поручик с отрешенным видом смотрел куда-то вбок. – Три. – Выстрел рваной струной рассек утреннюю тишину неба, подняв из насиженных гнезд прибрежной травы гнездившихся птиц. Звук отразился от гладкой поверхности воды и, многократно от этого усилившись, эхом разнесся далеко по округе, привлекая внимание случайных людей. Они останавливались и с озадаченным видом недоуменно вертели головами по сторонам. Пороховой дым рассеялся, и в нем, как в ушедшем сне, растворились без остатка очертания второго человека, только что здесь бывшего. На месте дуэли остался стоять... Васильчиков. Пейхович, с широко раскрытыми глазами и наивной, будто детской улыбкой, лежал на спине, разбросав руки, словно пытаясь обнять бескрайнее небо.

Доршт, не сумев сдержаться, отвернулся и суетливо полез в карман за платком. Поручик вернул пистолет корнету и, не обращая ни на кого внимания, молча зашагал в гору, насвистывая мотив полковой песни. Пораженные его спокойствием, секунданты, казалось, вросли в землю, не в силах сдвинуться с места. Шагов через пятьдесят Васильчиков остановился и, обернувшись, крикнул:

– Господа, вам желательно поскорее убраться отсюда.

Вышедшие наконец из ступора Аверьянов и Доршт опомнились и догнали офицера. Поравнявшись с ним, корнет спросил:

– Послушайте, поручик, вы так равнодушны ко всему случившемуся, что создается впечатление о вашем полном безразличии к собственной судьбе. Неужели вам совершенно наплевать на свою жизнь?

– Вот и лето закончилось... Теперь дожди, слякоть, а с нею – полнейшая провинциальная скука, – грустно проговорил поручик, оставив вопрос без ответа.

Узоры смерти

Смотрю – и что ж в моих глазах?
 В фигурах разных и звездах
 Сапфиры, яхонты, топазы,
 И изумруды, и алмазы,
 И аметисты, и жемчуг,
 И перламутр – все вижу вдруг!
 Лишь сделаю рукой движенье –
 И новое в глазах явленье!

А. Е. Измайлов

– Ох и урожайный нынче год, Ефим Андреевич! Как Жиха порешили на Яблочный Спас, так дальше все наперекосяк и пошло; только подбирать и успеваем... что ни день, то новый труп. Вон, второго дня ни с того ни сего коммерсант на пруду застрелился. А каким гоголем ходил, а? Важный был, как Евгений Онегин! Смотрю как-то – идет, индюковатый такой, но все на нем чин чинарем: перчаточки белые, тросточка, сюртучок с галстуком и котелок... А как же без котелка-то? Без котелка никак нельзя, особенно когда жара под тридцать градусов... А я вам вот что скажу, Ефим Андреевич: вся эта интеллигенция и плевка не стоит. Вот возьмите и пошлите их на боевое задание, как нам с Фаворским давеча пришлось... Что ж, думаете, справятся они со злодеями-то? Нет! Назад такого драпу дадут, что о-го-го! – поминай, как звали! Одного я в толк взять не могу – ну кому этот аптекаришка не угодил? Жил хуже дворника: ни семьи, ни угла... а его хрясть и в самую животину ножичком, как кабана, – дымя папироской, рассуждал теперь уже коллежский секретарь Антон Филаретович Каширин. На груди его засаленного сюртука на георгиевской ленте серебром переливалась недавно полученная медаль за храбрость.

– Это вы, Антон Филаретович, верно подметили. Мотив этого убийства непонятен. Украсть у него – что с голого рубашку снять... Да и в аптеке о нем отзывались неплохо: «тишайший был человек, безобидный; врагов у Петра Никаноровича не было, но и дружков закадычных тоже не водилось». Вот такую нам с вами задачку арифметического свойства душегубец и подкинул, – потягивая носом табак с подушечки большого пальца, сокрушался Поляничко.

Несмотря на распахнутое окно, в тесном помещении находиться было невыносимо и главным образом из-за тошнотворно-приторных запахов внутренностей мертвого человека, заполонивших комнату. От одного их вида могло стошнить. Именно это и произошло со следователем судебного департамента, имевшим неосторожность первым из всей следственной группы войти в незапертую дверь провизорского жилья. Уже четверть часа из дворовой уборной, то утихая, то снова усиливаясь, доносились раскатисто-гортанные звуки, которыми Чебышев, выворачиваясь наизнанку, «пугал» жильцов доходного дома.

...Провизор Савелов сидел на старом деревянном стуле, широко расставив ноги и удерживая окровавленными руками вывалившиеся из разрезанного живота внутренности. Он так и умер, удивленно рассматривая собственные кишки, через тонкие стенки которых было видно съеденную за ужином пищу. Кровь растеклась по комнате в три разных ручья, соединившихся в одно русло уже под самой дверью.

Первой обнаружила убитого молочница. Она, как обычно, рано утром принесла к порогу аптекаря крынку свежего молока и случайно обратила внимание на подернутый пленкой, бурокрасный кровяной сгусток. Толкнув дверь, торговка остолбенела от представшего перед ее глазами ужасного зрелища и была не в состоянии пошевелиться. Страх сковал мышцы и начисто лишил женщину голоса, и она, испугавшись внезапно нахлынувшей беспомощности, потеряла сознание. На громкий стук упавшего тела выглянули соседи. Они-то и вызвали полицию.

В комнате все было перевернуто буквально вверх дном. Под этажеркой валялись книги самого разного содержания. Весь пол был усеян брошенными бумагами, белье растянутой гармошкой вывалилось из платяного шкафа, а письменный стол злобно скалился пустой чернотой выдвинутых ящиков. На его зеленой матерчатой поверхности виднелась стеклянная чернильница, держатель для перьев и несколько цветных карандашей.

Пытаясь снять картину преступления, фотограф многократно менял фокус объектива, перебирал пластины и, точно алхимик, жег в металлической воронке магний. Наконец он разобрал аппарат и покинул комнату. Прибывший доктор недовольно поморщился и, пересилив себя, потратил не более двух минут на осмотр покойника. Не скрывая брезгливого отвращения, он сорвал с неубранной кровати простыню и набросил ее на почившего провизора. Обращаясь к только что вошедшему следователю, медик проронил:

– Думаю, что причина смерти и так ясна. Что же касается времени совершения преступления, то, по всей вероятности, это произошло вчера, где-то между восемью и девятью часами вечера.

– Только что я окончил опрос соседей, и, как следует из их объяснений, они видели мужчину в надвинутой на глаза кепке, поднимающегося на второй этаж. Было это вчера вечером, приблизительно около четверти девятого. Особого внимания на него никто не обратил. Правда, дворник заметил, что одет он был в старый лапсердак и клеенчатый фартук, а в руках держал банку с крысиным ядом. Поднимаясь по лестнице, бормотал одно и то же: «Крыс, мышей травим – гривенник берем», – реабилитировал себя в глазах сыщиков Чебышев.

В это время у шкафа Каширин сосредоточенно перебирал вещи провизора. На полках стояли: тяжелая бронзовая статуэтка в виде готового взлететь со скалы оленя, несколько цветастых, с росписью под хохлому, чашек с блюдцами из разрозненных сервизов; пузатый заварной чайник с приветливой и доброй надписью «Рождество Христово»; пепельница с кнопкой из слоновой кости посередине, нажав на которую можно было запустить пружину, и дно, словно шторы, раздвигалось в разные стороны, отчего пепел и выкуренные папиросы проваливались в специальный бункер; пустой мутный графин с желтой от высохшей воды отметиной на боку и медицинские пустые пузырьки с приклеенными этикетками.

На полу сиротливо таращился единственным живым глазом в серую стену поломанный детский калейдоскоп, раздавленный чьей-то безжалостной ногой. Помощник начальника сыскного отделения поднял теперь уже бесполезную игрушку и, приложив на манер подзорной трубы, стал медленно вращать, а затем, полностью разочаровавшись, швырнул детскую забаву в угол.

На нижней полке на пачке журналов фривольного содержания под названием «Иллюстрированные анекдоты» покоился толстый фолиант в дорогом кожаном переплете с названием, выполненным золотой вязью на черной обложке: «Мир драгоценных камней». Каширин открыл книгу как раз в том месте, где была закладка, и, взяв ее в руки двумя пальцами, картинно продемонстрировал окружающим обнаруженную визитную карточку. Не сумев сдержать нахлынувшего волнения, он многозначительно проговорил:

– Кое-кто снова ухитрился опередить полицию. Правда, на этот раз нам придется подвергнуть это лицо форменному допросу. Полюбуйтесь, господа: Ардашев, Клим Пантелеевич, присяжный поверенный окружного суда.

– Вот вы, Антон Филаретович, и потрудитесь пригласить сюда господина адвоката. Он, вероятно, еще дома, но после обеда в суде должны начаться слушания по делу об оскорблении городского головы писателем Кургучевым. Насколько я знаю из газет, Клим Пантелеевич представляет интересы этого молодого сочинителя. Так что потрудитесь найти его до начала судебных заседаний, – по-свойски распорядился Поляничко.

– Доставлю с эскортом, быстро и в наилучшем виде, – с готовностью отрапортовал коллежский секретарь и твердым, чуть ли не строевым шагом вышел из комнаты, оставив за собой гулкий топот каблучков в пустом пространстве лестничного марша.

– Сдается мне, Ефим Андреевич, в этом преступлении имеется некий сакральный подтекст. Согласитесь, перед нами не банальное убийство, вызванное тривиальным противопоставлением отдельного индивидуума обществу, а демоническая антитеза библейскому альтруизму, обусловленная особым церемониальным обрядом, – подняв указательный палец вверх, красноречиво изрек Чебышев.

Поляничко собирался ответить, но нюхательный табак уже возымел неотвратимое действие, и старший сыщик губернии разразился однообразной, как хлопанье куриных крыльев, чередой чихов, прерываемых только словами: «Прости, Господи!» Хорошенько прослезившись, он удовлетворенно вытер рукой выступившие от умиления слезы и выдал трудно переводимую на иностранный язык фразу:

– Так-то оно так, Александр Никанорович, но ежели с кем такое случится, вот тебе и пожалуйста!

Заскрипели потревоженные ступени парадного, и белая простыня, накинутая на покойного, точно привидение, колыхнулась от сквозняка. Протяжно завывали несмазанные петли, и открылась входная дверь. На пороге появился Каширин. Следом за ним вошел присяжный поверенный.

У самого входа Ардашев остановился, внимательно рассматривая пол, стены, изломанные и перепачканные предметы обихода, будто высыпаемые кем-то из опрокинутого мусорного ведра и раскиданные в беспорядке по всей комнате. Он еще ни к чему не прикасался, ничего не искал, он только стоял, смотрел и пытался представить себе, что делал в этой комнате человек, поисками которого он занимался уже второй месяц. Скользя взглядом по лицам присутствующих, адвокат проронил:

– Да... Событие сие наиприскорбнейшее. Будет ли мне дозвоительно осмотреть тело?

– Я не возражаю, – запросто согласился Чебышев.

– Какие уж тут могут быть запреты, – поддержал следователя Поляничко.

Доктор поднял простыню и пояснил:

– Судя по всему, покойный оказывал преступнику решительное сопротивление. Об этом свидетельствуют как следы изорванной одежды – рваный рукав, треснутые по шву брюки, – так и ссадины, синяки и кровоподтеки на теле. Скорее всего, злоумышленник нанес потерпевшему удар острым колющим предметом в живот и, не вытаскивая, потянул его на себя, вследствие чего разрезал несчастному брюшную полость до самого правого подреберья. Смерть наступила примерно между восемью и девятью часами вечера. – Врач, видя, что Ардашев отвернулся, прикрыл мертвеца материей.

– Итак, господа. Чем могу служить? – поинтересовался присяжный поверенный, поднимая с пола помятую трубу брошенного калейдоскопа.

– Как вы можете объяснить, что у погибшего найдена ваша визитная карточка? – скороговоркой выпалил Каширин.

Клим Пантелеевич продолжал рассматривать детскую игрушку, игнорируя полицейского.

– Потрудитесь, господин адвокат, отвечать на вопросы должностного лица! – взвизгнул легким нервным фальцетом «орденоносец».

– Хорошо. Но раз уж вы хотите прибегнуть к моему формальному допросу, то будьте добры сформулировать причину, согласно которой я должен буду ознакомить вас с конфиденциальной информацией, полученной мною в процессе сугубо личной беседы с моим доверителем, пусть и уже навсегда почившим.

– Да что же это такое, Ефим Андреевич, сколько же мне терпеть эти издевательства? – обиженно прогнусавил коллежский секретарь, пытаясь получить поддержку начальства.

– А я всегда вам говорил, что напрасно вы ссоритесь с Климом Пантелеевичем. Ничего хорошего из этого не выйдет. Вам, Антон Филаретович, как и мне, от дружбы с господином Ардашевым одна только польза. – И, обращаясь уже к самому присяжному поверенному, в теплой, товарищеской манере добавил: – Видите, Клим Пантелеевич, такая вот катавасия приключилась – сплошной лабиринф⁶. Без вашей помощи нам никак не обойтись. Так уж не обессудьте, помогите старику спокойно до пенсии доработать.

– Я очень сожалею, но в интересах дела позволю себе на ваши вопросы не отвечать, поскольку это может повредить расследованию и преждевременно раскрыть мои планы. Но взамен этого я дам одно обещание: не позднее послезавтрашнего вечера я берусь представить вам человека, который отравил французов в поезде, задушил господина Жиха, ну и, в конце концов, вчера между восемью и девятью часами вечера совершил это тяжкое преступление. Естественно, я препровожу это всеми необходимыми доказательствами вины названного злоумышленника. Поверьте, я сделаю все, чтобы он не сумел уйти от заслуженного и справедливого возмездия. Однако я не собираюсь претендовать на лавры разоблачителя. Вам достанется право первым сообщить как своему начальству, так и вездесущим газетчикам об

⁶ Лабиринф (уст.) – лабиринт, путаница, загадка.

удачно законченном расследовании серии убийств, потрясших город. Итак, принимаете ли вы мои условия? – Поигрывая калейдоскопом, адвокат ожидал ответа.

В комнате воцарилось неприятное молчание. Первым не выдержал Каширин:

– Но отравителем французских ювелиров является покойный ныне артист Варшавского театра Аполлон Абрашкин. А его, как следует из показаний Евсеева, убил Рамазан Тавлоев. Вам также известно, что в убийстве Жиха подозревается все та же шайка во главе с почтмейстером. И с какой это стати мы должны верить вам, а не следствию...

Закончить коллежскому секретарю не дал Чебышев:

– Да и откуда, Клим Пантелеевич, мы можем знать, что вы не ошибаетесь в своих предположениях? Ведь дело по убийству Жиха уже направлено в суд и завтра начнутся слушанья. Знаете, я очень уважаю ваши методы расследования, но ведь, как говорится: «и на старуху бывает проруха». В случае вашего просчета мы потеряем время и в результате этого упустим убийцу, – торговался следователь. – Вот если бы у вас имелись какие либо доказательства, подтверждающие правильность ваших версий и вы могли сейчас их нам представить, тогда, вполне возможно, мы и согласились бы принять названные условия.

– Ну хорошо. Как вы помните, из письма, переданного мне через нотариуса, следует, что господин Жих купил у лица, выдавшего себя за курьера фирмы «Бушерон», некоторое количество брильянтов, не так ли, Ефим Андреевич?

– Да, да. Вы же мне это посланьице и передали...

– А где же, позвольте вас спросить, находятся эти драгоценности?

– Ну, возможно, у этой, как ее... у вдовы, – попытался быстро сориентироваться следователь.

– Нет, господа. Камни, принадлежащие семье Жих, спрятаны здесь. – Ардашев отвернул крышку трубки калейдоскопа и высыпал в ладонь целую горсть обработанных алмазов. – Из-за этих бездушных кристаллов убили отца и сына Делавинь, господина Жиха, артиста Абрашкина и бедолагу Савелова. Правда, злоумышленник недооценил выдумку провизора и не заметил расставленный мною капкан... Я попрошу вас сохранить этот факт в тайне до послезавтрашнего вечера, и, пожалуйста, не забудьте составить опись полученных брильянтов. Ну а после изобличения преступника потрудитесь передать драгоценности вдове – Кларе Сергеевне Жих. Надеюсь, теперь мои условия приняты?

Потрясенные холодным блеском камней, полицейские чины онемели и, точно китайские болванчики, согласно закивали головами.

– Вижу, мы договорились. Ну а я вынужден откланяться. Хотелось бы надеяться, что вчера вечером калейдоскоп сделал завершающий поворот и выбросил свой последний смертельный узор.

41

Дорога на эшафот

I

Дело по обвинению банды Расстегаева слушалось в Ставропольском окружном суде коллегией из двенадцати присяжных заседателей. У дверей дежурил усиленный наряд городских. Избранная публика пускалась в зал только по билетам, и за неимением свободных мест многим пришлось довольствоваться ожиданием новостей в узких коридорах казенного здания. Представители самых известных дворянских и купеческих фамилий с нетерпением ожидали начала процесса.

Адвокатам надеяться на удачу не приходилось. Все подсудимые, за исключением Полины Воротынцевой, так до сих пор и не выговорившей ни единого слова, вину свою признали полностью и в содеянных преступлениях раскаялись без остатка.

В сопровождении конвоя в зал ввели подсудимых. Облик этих людей говорил сам за себя: Евсеев за время следствия отрастил усы и бороду и, облаченный в серый арестантский халат и

обутый в деревянные тюремные сандалии, с православным крестиком на шее, смотрел на происходящее отрешенно-непонимающим взглядом и беззвучно молился, едва шевеля губами; Расстегаев представлял собой жалкое и трусливое существо, когда-то пребывавшее чиновником высокого полета. Небритый, в чужом грязном картузе и рваном сюртуке, бывший почтмейстер походил на бездомного опустившегося бродягу. Он все время смотрел в пол, боясь встретиться глазами с теми, кого еще несколько недель назад называл друзьями, приглашая на день рождения жены, или расписывал пулечку под дегустацию нежного бордо. Вчерашние приятели превратились в злорадно-любопытствующих наблюдателей его унижения. Они с довольным и в то же время осуждающим видом покачивали головами, припоминая подсудимому времена его счастливой и роскошной жизни. И лишь один человек заслуживал уважения и вызывал интерес у всей этой серой обывательской массы – Полина Воротынцева. Ее длинные густые волосы нежно обнимали плечи, укрытые простой белой косынкой с незатейливым узором. Легкая голубая сорочка и широкая темная юбка до пят не могли скрыть очарования стройной фигуры. Окинув зал презрительным и надменным взглядом, она заняла место за ограждением.

Как есть в России намоленные веками старые церкви, в коих царит ощущение легкости и светлого, парящего добра, так в противовес им существуют и залы судебных заседаний, отяжеленные сгустком наговоренной порчи, человеческого гнева и не отпущенных грехов. Стены, пол и потолок этой большой комнаты вместили в себя весь неразстворимый груз людского страдания, опутавшего невидимыми тенетами окружающее пространство.

Председательствовал на процессе судья Гриневицкий. Накрахмаленный воротник, казалось, поддерживал жилистую, уже в морщинах судейскую шею, а желтое, измученное желудочными коликами лицо спряталось за натянутой маской служебного безразличия. Глубоко посаженные глаза служителя Фемиды потерялись за серебряным пенсне. Широкий мясистый нос, сплошь покрытый тонкими красными, паутинообразными прожилками, явно свидетельствовал о пагубном пристрастии к пьянству. Судью мучило похмелье, и, налив из графина стакан воды, он сделал несколько жадных, нервных глотков, отчего кадык судорожно заходил взад и вперед. Мучения добавлял и застарелый геморрой, из-за которого Кондратий Поликарпович беспрестанно ерзал в высоком резном кресле. Но пора было открывать заседание, и, наскоро исполнив формальности, председательствующий дал слово товарищу прокурора уголовного департамента господину Трепачко.

Поучительно-наставническая речь Лавра Акимовича изобиловала статьями уголовного уложения, заученной за годы латынью и несколькими расхожими высказываниями древних мудрецов, имена которых, по старости, он частенько путал:

– Так же как молния прорезает тьму и внезапно освещает пространство, как удар грома и потоки дождя благодатной грозой очищают воздух, облегчают дыхание – так и вердикт присяжных «виновен» устраняет все тягостные недоразумения и успокаивает негодующих честных людей...

Назначенные судом «бесплатные» адвокаты Евсеева и Воротынцевой откровенно халтурили и к участи своих подзащитных относились безразлично. Приглашенный супругой почтмейстера из столицы присяжный поверенный Самуил Яковлевич Эльдерман изрядно потел, пытаясь представить Расстегаева «слабохарактерной и послушной жертвой, испугавшейся жестокого убийцы – главаря шайки Михаила Евсеева», и, надо сказать, частично это ему удалось:

– Вся вина моего подзащитного заключается лишь в том, что он вовремя не сообщил в полицию о том, что Евсеев и Воротынцева под угрозами смерти заставляли его снабжать злоумышленников информацией о маршруте, времени и дате следования почтовых карет. А значит, и судить господина Расстегаева мы можем лишь по статье 128 уложения – заведомое укрывательство преступления. Что же касается нападения на французских ювелиров, следовавших на московском поезде, то здесь вообще никакой вины подсудимого нет. Беглый каторжанин Михаил Евсеев попросту оговаривает его, стремясь таким образом уйти от ответственности за организацию налета. Но, как следует из материалов данного уголовного дела, господа Делавинь ранее уже были кем-то отравлены и выстрелы, произведенные Евсеевым и Тавлоевым, попали в уже мертвые тела. Я не адвокат Евсеева, но и он не может в этом случае нести ответственность за убийство, которое не совершал. В лучшем случае, возможно, господин прокурор смог бы попытаться доказать попытку умышленного смертоубийства, но тогда

следовало бы отправить дело на дополнительное следствие. И уж совсем нелепым выглядит желание возвести обвинение на Евсеева, а через него и на господина Расстегаева в преднамеренном убийстве Соломона Моисеевича Жиха. Достаточных подтверждений этому в материалах обвинительного акта не имеется. Следствие ссылается на показания торговли сладостями Анастасии Грядкиной, которая не только якобы видела Евсеева, убегавшего с места преступления, но и узнала его позднее, на так называемом опознании. Ваша честь, я прошу удалить из зала присяжных заседателей, поскольку у меня имеется ходатайство о признании одного из доказательств негодным. – Переведа дух, Самуил Яковлевич ожидал реакции суда.

– Прошу вас, господа, на некоторое время оставить зал судебного заседания и пройти в первую совещательную комнату, – поддержал адвоката председательствующий.

Двенадцать совершенно разных по возрасту, полу и роду занятий людей поднялись с мест. Мещане, купцы, врач, учитель гимназии, служащий акцизного ведомства, музыкант из оркестра при местном театре и отставной полковник Самурского пехотного полка один за другим покинули залу.

– Итак, уважаемый суд, я прошу вас удовлетворить ходатайство о признании не заслуживающим доверия доказательства – протокола опознания гражданина Евсеева по следующим основаниям, а именно: вместе с Михаилом Евсеевым предстали еще два статиста: некто по фамилии Иванов и гражданин Кипятков. Как мне удалось выяснить, Иванов – не кто иной, как многократно судимый за конокрадство цыган тридцати семи лет от роду, а гражданин Кипятков – письмоводитель в полицейском участке. Понятно, что среди черного как смоль Иванова и полицейского служащего очевидица Грядкина выбрала Евсеева, одетого в этот же самый арестантский халат. Но это далеко не все. Свидетельница, как следует из протокола, поставила внизу свой росчерк. Но на самом деле эта женщина неграмотная и расписываться не умеет. Знаете ли, я не поленился и навел на ее участкового пристава, надзирающего за своевременным сбором торговых податей в этом районе. Так вот он и показал мне ее подпись – простой и незамысловатый крестик. Фактически этот документ является чистой воды фальсификацией. А посему я ходатайствую о признании протокола опознания не заслуживающим доверия документом и, стало быть, негодным доказательством, – промакивая платком выступивший на лбу пот, закончил Эльдерман.

– Прошу вас, господин обвинитель, высказать свои соображения на этот счет, – обратился к прокурору судья.

– Ваша честь, я считаю доводы присяжного поверенного надуманными и необоснованными. Следственное действие проводилось в точном соответствии с установленными правилами. Все представленные для опознания лица имели одинаковую одежду и похожий внешний вид. Я не вижу оснований для удовлетворения заявленного ходатайства.

– Ну, хорошо. А как вы можете объяснить подпись в документе от имени свидетельницы, если, как говорит господин адвокат, она не умеет расписываться? – допытывался судья.

– Ваша честь, я не присутствовал при отборе ее подписи, – сухо ответил прокурор.

– Ну, а каково же будет ваше мнение, господа присяжные поверенные? – Гриневицкий пристально смотрел на адвокатов Евсеева и Воротынцевой.

– Мы полностью согласны с мнением коллеги, – пристыженно опустив глаза, ответили щеголевато одетые молодые люди.

– Ходатайство о признании протокола допроса гражданина Евсеева негодным (сентября месяца, числа десятого, сего года) удовлетворено в полном объеме, – стукнув деревянным молотком, судья огласил постановление. – Попрошу секретаря пригласить присяжных заседателей для продолжения слушаний. – Барышня в строгом черно-белом одеянии, сильно похожая на классную гимназическую даму, быстро поднялась с места и прошла к совещательной.

Судебные баталии продолжались еще три дня, и лишь в пятницу следствие было окончено. Заслушав прокурора и адвокатов, публика с нетерпением ждала, когда подсудимые получат право на последнее слово.

Первым выступал Расстегаев. Приподнявшись со скамьи, надворный советник суетливо оглянулся по сторонам и, глядя куда-то блуждающим взглядом, проронил:

– Простите великодушно. У меня и награды имеются: медаль «За усердие» и Станислав III степени – всего год назад как вручен. Я ведь столбовой дворянин. Роду нашему больше пяти

веков... А меня вот бес попутал. Вы уж, господа, не обессудьте... – Его руки судорожно тряслись, сдавленный голос нервно дрожал, и, не сумев больше вымолвить ни слова, он тяжело опустился на скамью.

– Госпожа Воротынцева, будете ли вы говорить? – задал обязательный вопрос председательствующий.

Девушка ответила лишь отрицательным покачиванием головы и презрительно-надменной усмешкой в сторону судьи.

– Подсудимый Евсеев?

– Господь рассудит. – Михаил встал на колени и, возвысив руки к воображаемому небу, разразился громкой и продолжительной молитвой: – Тебе, Господи, единому Благому и Непамятозлобному, исповедую грехи моя; Тебе припадаю, вопия недостойный: согреших, Господи, согреших, и несмь достоин воззрети на высоту небесную от множества неправд моих. Но, Господи мой, Господи, даруй ми слезы умиления, единый Блаже и Милостивый, яко да ими Тя умолю, очиститися прежде конца от всякого греха: страшно бо и грозно место имам проити, тело разлучився, и множество мя мрачное и безчеловечное демонов срящет, и никтоже в помощь спутствуяй, или избавляй...

– Достаточно, подсудимый, – грубо оборвал кающегося грешника председательствующий.

Гриневицкий зачитал короткое резюме в отношении подсудимых, после чего присяжные заседатели удалились в совещательную комнату. Наступило томительное долгое ожидание. Но прошло не более пятнадцати минут, как раздался звонок.

– Суд идет... Прошу встать! – послышался возглас судебного пристава. Старшина присяжных заседателей зачитал вынесенный вердикт.

Михаила Николаевича Евсева, мещанина по происхождению, признать виновным. Полину Ивановну Воротынцеву, дворянского происхождения, признать виновной. Дворянина Расстегаева Константина Виленовича признать виновным, но заслуживающим снисхождения...

...Резолюцией окружного суда Михаил Николаевич Евсеев был приговорен к смертной казни через повешение.

Полина Ивановна Воротынцева приговорена к смертной казни через повешение.

Расстегаев Константин Виленович был приговорен к лишению всех особенных, лично и по состоянию присвоенных прав и преимуществ, а также осужден на семь лет каторжных работ. Опытный адвокат искренне ликовал, торжествуя победу, и поздравлял своего подзащитного, который почему-то совсем не радовался предстоящему каторжному будущему и тихо всхлипывал, по-детски вытирая грязным рукавом слезы, исподволь поглядывая на красивую жену. «Семь лет! Как пить дать не дождется! Изменит... Бросит... Сука», – проносилось в воспаленном мозгу убитого горем бывшего почтового начальника.

Корреспонденты всех трех местных газет на ходу дописывали в блокнотах последние слова зачитанных приговоров и торопились в редакции, чтобы успеть передать материал в утренние газеты, с кричащими заголовками сенсационных статей.

У самого здания окружного суда собралась малочисленная, человек восемь-десять, стайка молодых людей (преимущественно гимназистов старших классов), с растянутой выцветшей простыней, на которой корявыми черными буквами было выведено: «Позор царизму! Свободу героям революции». Когда осужденных выводили на улицу, молодежь начала забрасывать их цветами, а одна юная девушка исхитрилась и поцеловала Евсева в щеку. И в этот момент Полине вдруг показалось, что Михаил на мгновение очнулся от религиозного летаргического сна, и в его глазах промелькнуло хорошо знакомое пламя безудержной и дерзкой отваги. Но оно быстро угасло, превратившись в слабый, еле живой огонек, в конце концов совсем потухло в лишенном рассудка взгляде, отняв у нее слабую надежду на его прозрение.

Полина так и не заметила, что той юной и отчаянной девушкой была... Вероника Высотская.

II

Если у человека остается три или четыре недели жизни, он старается отодвинуть мысль о трагической развязке на неопределенное будущее. Но по вечерам сознание приговоренного

неотвратимо фиксирует, что путь до могилы сократился еще на сутки. А ведь было время, когда тюрьма и смерть представлялись ему чем-то далеким и не имеющим к нему никакого отношения. Да и с ним ли это было?

Два с половиной шага в ширину и четыре в длину. По внутреннему полицейскому циркуляру, на каждого заключенного в России отводится одна кубическая сажень тюремного пространства, или четыре с половиной квадратных метра в европейском метрическом исчислении. Но через некоторое время и эта невеликая площадь сузится до размеров могилы. Или нет? «А если за гранью жизни – новая жизнь? Или вообще бессмертие? А может, там другое состояние? А что, если душа, вырвавшись наконец из тесной клетки человеческого тела, обретает иную форму?» – так или почти так мыслит каждый обреченный на смерть узник. Но если об этом думать постоянно, то можно сойти с ума... А чтобы этого не произошло, арестанты пытаются каким-то образом отвлекаться. Кому-то это удается, а кому-то нет. Одни считают кирпичи в стенной кладке, другие – птиц, пролетающих мимо зарешеченного окна, третьи принимают бегать по камере, размышляя днем и ночью, как совершить побег, а иные читают жития святых, поют псалмы и произносят молитвы, найдя смысл существования в покаянии. Но как только они слышат о том, что кого-то помиловали или ожидается царский манифест, – сразу появляется надежда, тоненькая, как весенняя травинка, а вместе с нею и неумная жажда жизни.

Так было и с Евсеевым. Уйдя полностью в себя и беспрестанно молясь, он надеялся обрести утешение и отвлечься от невыносимо тягостных мыслей о скорой смерти. В его подсознании была надежда на чудо, на всемогущего Бога, на всепрощающее русское православие. Со стороны же могло показаться, что заключенный уже потерял рассудок. Но это было далеко не так. Михаил с нетерпением ждал еженедельной положенной встречи со священником – единственным близким для него теперь человеком. Святой отец внимательно слушал причитания грешника и всеми силами стремился ему помочь. Но стоило священнослужителю покинуть камеру, как в холодное помещение бесформенной черной гидрой бесшумно вползал липкий и тягучий, как расплавленная смола, страх. В эти жуткие минуты узника начинало трясти, будто в малярийной лихорадке: по спине поднимался озноб и морозил затылок, во рту становилось сухо.

Визгливым детским плачем скрипнула дверь, и в камеру вошли двое: первый – высокого роста, широкоплечий офицер с пышными пшеничными усами, второй – тщедушный человечек, с бледным, заостренным, как у худой церковной крысы, лицом, в юфтовых сапогах с подвернутыми голенищами, в коричневой, мешковато сидевшей на нем тужурке.

Офицер зачитал отказ в помиловании. А штатский тем временем внимательно и как-то оценивающе осмотрел заключенного:

– Все ли вам понятно?

– Да, – едва шевеля растрескавшимися губами, ответил Евсеев.

– Попрошу засвидетельствовать это собственноручно и расписаться. – На столе появились бумага, чернильница и перо.

Буквы у Михаила распрыгались вверх и вниз на полвершка от строчки. Рука не то что дрожала, а ходила ходуном. Стиснув скулы, он поставил подпись. Визитеры вышли, дверь захлопнулась. И время тут же будто сорвалось с цепи и безудержно понеслось вперед, притягивая, словно магнитом, роковые минуты скорой казни. Оно безжалостно давило арестанта свинцовой тяжестью, то останавливаясь, то стремительно пролетая мимо него, тем самым еще больше усиливая приближающийся ужас.

Все стало ясно, когда охранник принес стопку чистого белья и спросил, не будет ли каких-либо пожеланий. Бывший студент только мотнул головой и забился в правый дальний угол камеры под икону Ильи Чудотворца. До самого утра он так и не сомкнул глаз, находясь в полубреду.

Багряным, кровавым заревом пробивался сквозь тучи пасмурный осенний рассвет. На решетках камеры висели круглые, размером с вишню, капли дождя. Снизу доносилось людское многоголосье, редкий стук топора, плач двуручной пилы и по-военному отрывистые команды тюремного начальства, сдобренные ядерной порцией площадной брани. Было тяжело, и хмуро, и страшно. Шум во дворе вскорости стих. Виселицу установили.

По коридору эхом разнеслись шаги, зазвенели ключи, и на пороге появился все тот же охранник. Не говоря ни слова, он сомкнул на руках заключенного малые ручные цепочки и вывел

из камеры. Михаил, в серых просторных шароварах и в белой рубаше, отстукивал деревянными сандалиями последние на этой земле шаги. Арестанты, охранники и обслуга при встрече останавливались и с состраданием смотрели обреченному человеку вслед.

Толстая дубовая дверь распахнулась и навсегда оставила позади прошлое, а с ним ушла и робкая надежда на чудесное спасение. Настоящее же возвышалось на постаменте, ощериваясь пеньковой петлей и выставленными подпорками.

Евсеев побелел как полотно. Его глаза бессмысленно смотрели вперед. Рубаша прилипла к спине и покрылась холодным потом. Пальцы на ногах свела судорога, и от этого казалось, что страдалец передвигался на отмороженных, неживых ногах.

Немолодой уже полицейский с длинными и седыми усами скороговоркой зачитал конфирмацию и предоставил несчастному последнее слово. От страха язык арестанта раздулся и заполнил собой весь рот. Он попытался что-то произнести, но раздалось лишь тупое мычанье.

На эшафот поднялся батюшка, перекрестил грешника и, дав поцеловать крест, поспешил уйти. Ударил барабаны.

Черное облачение с прорезями для глаз надежно скрывало лицо государственного исполнителя казни. Вот только тощая фигура да юфтевые сапоги с подвернутыми голенищами выдавали в нем вчерашнего, похожего на худую церковную крысу, посетителя камеры смертника. Видимо, уже тогда он прикидывал рост и вес своей жертвы.

Солдат охраны снял с рук несчастного оковы и, перепрыгивая через ступеньку, суетливо покинул эшафот. На голову Михаила неожиданно упал саван и закрыл собой небо. Стало тяжело дышать. За несколько секунд в его голове пронеслись тысячи мыслей и воспоминаний: мать, ее ласковые и теплые руки, сладкий запах сдобных куличей на Пасху, первая рыбалка с отцом, радость от новых, пахнущих кожей, красных детских ботинок, молодая учительница по чистописанию, подобранный дворовый щенок, безжалостные кулачные бои среди гимназистов, необузданная студенческая попойка, метель в день похорон отца и... Вероника.

Палач одним махом набросил на шею несчастного веревку. Поставив приговоренного узника на западню, он выжидательно посмотрел в сторону полицейского, вытирающего со лба пот. Их глаза встретились, и офицер, поборов нерешительность, точно рубанув шашкой, махнул наотмашь платком в сторону виселицы.

Кат⁷[7] умелым движением вышиб подпорки, и недавний студент забился в конвульсиях, будто по нему пустили электрический ток. А потом вдруг затих, и... грешная душа его вырвалась наружу, покинув беспомощное тело. Экзекуция состоялась. Круг замкнулся.

...Казненный в Ставропольском тюремном замке холодным сентябрьским утром 1907 года мещанин по происхождению, Михаил Евсеев, так никогда и не узнал, что государь император смилостивился над бывшей дворянкой – Полиной Воротынцевой – и величайшим соизволением своим заменил ей казнь через повешение на бессрочные каторжные работы. Ее отправили в Акатуй, на Нерчинскую каторгу – самую страшную в России.

42

И снова купе № 8

До отхода поезда оставалось еще минут двадцать. Носильщики умело управлялись с нагруженными доверху тележками с чемоданами, саквояжами и сумками отъезжающих. Их громкие «посторонись!» были слышны в разных концах перрона. Пассажиры суетливо поглядывали по сторонам, боясь потерять багаж или сесть не в тот вагон. Торговцы снудью навязчиво предлагали купить в дорогу жареного цыпленка, сушеной астраханской воблы и

⁷ Кат (уст.) – палач.

гигантских вареных раков. Мальчишки – разносчики газет выкрикивали самые хлесткие сенсационные новости, шныряя между людьми.

В здании вокзала, рядом с раскидистой пальмой в кадке, за столиком у окна сидел человек. Пустая кофейная чашка говорила о том, что посетитель в безукоризненном черном сюртуке, атласном темно-синем галстуке, с выбивающимся накрахмаленным белым воротником сорочки находится в зале для пассажиров первого класса как минимум четверть часа. Отсутствие на его лице модных в России усов с клиновидной бородкой или хотя бы бакенбардов придавало незнакомцу вид европейца. Казалось, он всецело увлечен чтением последнего номера «Русских ведомостей» и до всего остального ему нет никакого дела. Но неожиданно он поднялся, взял трость и, оставив на столе медную монету, вышел на перрон.

У синего вагона первого класса стоял офицер с небольшим кожаным чемоданом. Он ждал своей очереди. Проходящий мимо человек неожиданно обернулся:

– Господин штабс-ротмистр! Далеко ли собрались!

– Здравия желаю, Клим Пантелеевич! Вот вознамерился навестить родителей. А то ведь совсем позабыл, как мои старики выглядят. А вы кого-то провожаете? – Подавая проводнику левой, перебинтованной рукой серую картонку билета, Васильчиков поднял чемоданчик и уже занес ногу на железную ступеньку.

– Скажу вам по секрету, Бронислав Арнольдович, я здесь по очень важному делу, связанному с тем преступлением, в котором вас некогда подозревали. Убийца как раз в этом поезде, и его надобно обезвредить, – заговорщицки прошептал Ардашев.

– Не нужен ли вам помощник? – поднимаясь в тамбур, поинтересовался драгунский офицер.

– Не откажусь, Бронислав Арнольдович. Но сначала давайте занесем этот багаж в купе. Какое ваше?

– Восьмое.

– А вот как раз и оно. – Ардашев прошел внутрь и тяжело плюхнулся на место.

Васильчиков поставил чемодан и браво отрапортовал:

– Готов немедленно приступить к поимке злодея!

– Да, да. Сейчас пойдем. Только вот передохну немного, – устало проговорил адвокат. – Да и вы... присядьте-ка на минуту. – Офицер сел напротив. – Надо же, Бронислав Арнольдович, какое совпадение, а? – изумленно пробормотал присяжный поверенный.

– О чем вы, Клим Пантелеевич?

– Ну, купе – восьмое. И французы тоже ехали в восьмом... Помните эту трагедию? Их вначале кто-то отравил... Это потом уже залетели налетчики и открыли стрельбу.

– Да, конечно. Фаворский мне подробно рассказывал об этом чудовищном злодеянии.

– А как же вы собрались мне помогать, а сами вон с больной рукой ходите? Опасная рана или так? – участливо побеспокоился Ардашев.

– Да нет, пустяковый ожог. Ничего серьезного, – смущенно махнул больной рукой офицер.

– Скажите, Бронислав Арнольдович, а родители-то ваши, случаем, не в Варшаве живут? – покручивая в руке трость, с невинным видом спросил присяжный поверенный.

– Ну да, в Варшаве, а что?

– Да нет, я так... просто хотел уточнить, – растерянно пробормотал Ардашев. – Ну да ладно.

Пора. Вот, возьмите, – Ардашев протянул Васильчикову запечатанный конверт.

– Что это?

– Там написано имя преступника, которого я с вашей помощью должен буду сейчас арестовать. Там же указан вагон и номер его купе. Знаете ли, дело это опасное, всякое может случиться, поэтому лучше уж заранее представлять, с кем придется иметь дело.

Офицер нервным движением надорвал край конверта и вытащил сложенный вдвое лист бумаги. Развернув его, он прочитал: «Вагон первого класса. Купе № 8. Бронислав Арнольдович Васильчиков». Штабс-ротмистр на мгновенье замер, а потом зашелся в надрывном, неестественном хохоте. Успокоившись, он попытался резко встать, но опешил – прямо в лоб ему смотрело вороненое дуло браунинга.

– Сядьте, Васильчиков, сядьте! И попрошу без глупостей! Я-то ведь привык вначале стрелять, а потом уже предупреждать. Так что ведите себя прилежно, – не убирая оружие, спокойным

тоном предупредил присяжный поверенный. Открыв дверь, адвокат окликнул проводника. Увидев офицера под прицелом пистолета, служащий слегка растерялся.

– А пригласи-ка сюда, любезный, вон тех господ, – показывая в окно на двух покуривающих и лениво развалившихся на скамейке носильщиков, распорядился Ардашев. В одном из них легко угадывался маленький и толстый Каширин. Вагоновожатый тотчас же бросился выполнять приказание.

– Честно говоря, Клим Пантелеевич, я не ожидал, что все так произойдет. И как это вы догадались? – опуская руку под скатерть, наигранно удивился Васильчиков.

– Руки на стол! – резко скомандовал Ардашев, красноречиво сопроводив слова поднятым на уровень глаз противника пистолетом. Васильчиков подчинился.

– Не беспокойтесь, Клим Пантелеевич, вам не придется стрелять. Я умею достойно проигрывать.

– Одного понять не могу. Ради чего вы столько людей загубили? Да и зачем вам все это?

– Скучно, знаете ли, жить без риска. А ведь любой риск требует вознаграждения. Вот я и придумал себе некий денежно-брильянтовый приз. Согласитесь, деньги – есть степень свободы и независимости от идиотов, а таковых, как вы знаете, в русской армии хоть отбавляй. А люди? Да нет, мне их совсем не жалко. Ведь каждый из них готов из черной зависти спалить усадьбу ближнего или поднять на вилы более трудолюбивого соседа только лишь за то, что он богаче, – глядя в окно, рассуждал Васильчиков.

– Удобная теория для душегубства. Казненный на днях фанатик-эсер, наверное, тоже прикрывался каким-нибудь учением... По-моему, эти революционеры молятся на некоего прусского коммуниста-утописта Маркса, прославлявшего так называемую диктатуру пролетариата, или, если хотите, узурпацию власти узким кругом лиц. Ну а вы, со своим циничным эгоизмом, тоже не особенно далеко от них ушли. Боюсь, штабс-ротмистр, и вас ждет все та же петля, что и Евсева.

– Лучше уж быть повешенным, чем закончить жизнь никому не нужным, больным стариком в какой-нибудь нищей богадельне. А впрочем, Клим Пантелеевич, доказать мою вину вам будет совсем не просто. Да и улик, насколько я понимаю, у вас нет, – отпустил ядовитую усмешку офицер.

– Здесь позволю себе с вами согласиться. И в самом деле, у меня лично улик маловато, потому как главные доказательства находятся на вас самих. Вот взять хотя бы обожженную соляной кислотой вашу левую руку или высыпавшиеся из пузырька кусочки разноцветного обработанного стекла – прекрасно выполненная господином Дорштом имитация драгоценных камней, которые, как вам кажется, надежно спрятаны в тайнике. Чем не доказательства?

– Так, значит, понимая, что дни провизора сочтены, вы заранее оставили эти стекляшки в его квартире? Выходит, на живца ловили? – Васильчиков начал медленно привставать, и от негодования на скулах у него заходили ходуном желваки, а правый глаз стал бить нервный тик.

– Полноте стоять, господин офицер. Вы бы сели... Я сказал сесть, Васильчиков! – спокойным, но твердым голосом приказал Ардашев и для большей убедительности снова приставил ко лбу противника дуло пистолета. Офицер подчинился. – Я долго уговаривал Савелова вернуть драгоценности и предупреждал его об опасности... Да все напрасно, он меня не послушал. А что касается настоящих алмазов, то аптекарь все-таки вас обманул... Не досмотрели вы как следует его комнату, – говорил Ардашев, опуская браунинг.

– А где же они были? – сиплым голосом спросил штабс-ротмистр.

– В детском калейдоскопе. – Бывший поручик молча смотрел в окно. Клим Пантелеевич продолжал: – Скажите, Бронислав Арнольдович, а для чего было устраивать это изуверское хакари несчастному провизору? Или у вас уже жиганский форс появился? А может, вы вырабатывали свой фирменный садистский почерк? Русский Джек-потрошитель?

– Он не верил, что я смогу его убить, и просто насмехался надо мной. Кто бы мог подумать, что в этом тщедушном человечке набралось столько безрассудной отваги?! Вот я и не выдержал.

– Ну да, конечно! Жих, стало быть, вас не раздражал, и за это вы его не очень больно придушили и отправили на тот свет. А что до французов – то они вообще были очень милые люди, и поэтому им, по сравнению с другими, невероятным образом повезло: их отравили сладким шоколадом, с ядовитой начинкой из тисового дерева. Вот уж знал бы господин Новак –

главный городской садовник, что, сажая в Воронцовском саду тисовую аллею, он заранее обрекает отца и сына Делавинь на смерть. Но если откровенно посмотреть правде в глаза, то вы, Васильчиков, – самый заурядный уголовник! И не надо строить из себя такого борца с несправедливо устроенным миром! Не надо! Да, согласен, вы храбрый и далеко не глупый человек, но, к сожалению, это, как говорят юристы, есть полный и исчерпывающий перечень всех ваших достоинств.

По коридору раздались спешные шаги, и в дверь просунулась голова одного из «носильщиков». Первым начал говорить адвокат:

– Насколько я понимаю, Антон Филаретович, вы следили за мной, но почему-то посчитали для себя необязательным проследовать за объектом наблюдения до конца... Ну да ладно, чего уж там... Как вы помните, второго дня я обещал, что передам в руки полиции злоумышленника, совершившего все четыре убийства. Вот, соблаговолите принять под белые ручки – штабс-ротмистр драгунского полка Бронислав Арнольдович Васильчиков. – Потрясенный Каширин оцепенел, не сумев вымолвить ни слова. Тем временем присяжный поверенный продолжал: – Этот человек представляет серьезную угрозу, и потому, господа полицейские, при его конвоировании проявляйте особую бдительность и осторожность. – Убрав под сюртук пистолет, Ардашев направился на выход.

Придя в себя, Каширин сомкнул на запястьях штабс-ротмистра малые ручные цепочки и достал служебный «смит энд вессон».

– Давай! П-шел, п-шел! – рявкнул на офицера сыщик, ткнув его в спину дулом пистолета. Васильчиков остановился и окинул полицейского таким пристально-холодным взглядом, каким обычно смотрит удав на несчастного кролика. Каширин втянул голову в плечи и, взведя от страха курок, направил револьвер на задержанного. Не обращая внимания на угрозу, штабс-ротмистр развернулся и сам пошел на выход. – Стоять! Я сказал, стоять! – истерично завопил полицейский, несясь по коридору за арестованным. Позади с чемоданом молча следовал второй филер.

Раздался удар колокола станционного смотрителя, и перрон стал пустеть. Лоточники неторопливо складывали товар в баулы и перебирались на новое место. Свободные носильщики стайкой курили у ограды, подсчитывая заработок. Накачав себя паром, поезд стал медленно разгоняться и, набрав скорость, скрылся из виду, оставив бесконечно прямую параллель стальных рельсов да незатейливую поперечность шпал.

43

Finita la comedia

Весть о том, что главным злоумышленником является драгунский офицер Васильчиков, мгновенно разнеслась по полицейскому управлению, но комичность ситуации заключалась в том, что никаких доказательств, кроме слов присяжного поверенного, у полиции не было. Штабс-ротмистра поместили в камеру для временно задержанных и даже попытались один раз допросить. Но ни следователь, ни Фен-Раевский, ни даже сам многоопытный Поляничко – никто не мог добиться от Васильчикова каких-либо признаний. Офицер откровенно посмеивался над всеми, делая вид, что ему не понятно, в чем его подозревают, и грозил «гнусным полицейским ищейкам» страшным судом и небесными карами.

Героя русско-японской войны обыскали с ног до головы и ничего компрометирующего не обнаружили. Наличествующих вещей в чемодане было немного: трофейный японский пистолет, карты, несколько трубок, две пачки табаку фабрики «Габай», два полотенца и нижнее белье; из кармана изъяли перочинный нож, пару серых перчаток и двести тридцать рублей наличными. И все. К тому же, как назло, куда-то запропастился Ардашев. Домой он не заезжал и в полиции не показывался. На поиски присяжного поверенного отрядили Каширина с двумя городовыми.

Учитывая важность текущего момента, Фен-Раевский созвал совещание. Пред светлыми очами главного полицейского начальника губернии предстали: старший судебный следователь Кошкидько, следователь Чебышев, начальник сыска Поляничко и жандармский ротмистр

Фаворский. Но не успели чиновники занять свои места, как в дверь робко постучали. На пороге появился Каширин. С видимым подобострастием он обратился к полицмейстеру:

– Разрешите доложить, ваше превосходительство?

– Да бросьте вы эти свои чиновничьи почтения, Каширин, говорите же скорее, – нервно постукивая карандашом о крышку стола, торопил подчиненного Фен-Раевский.

– Адвокат скоро будет. Он, оказывается, опять участвует в процессе по делу этого писателя... ну как его? Кургучева! – обрадованно вспомнил полицейский.

Действительно, ждать пришлось недолго, и в комнату свежим вихрем влетел обрадованный Ардашев.

– Что ж, господа, прошу извинить, что заставил вас ждать, но я не мог пропустить судебное заседание. Слава богу, мой клиент выиграл дело!

– Насколько я понял, Клим Пантелеевич, вы считаете, что именно господин офицер и есть тот самый дерзкий и безжалостный преступник? – не обращая внимания на сообщение об очередном успехе присяжного поверенного в суде, с некоторым сомнением в голосе спросил Фаворский.

– Мне очень жаль, но такова действительность.

– Мы были бы вам весьма признательны, если бы вы поделились с нами вашими соображениями, – проговорил полицмейстер.

– Извольте. Но прежде я бы хотел выяснить, что вам удалось обнаружить при личном обыске? – осведомился Ардашев.

– Ничего подозрительного мы, к сожалению, не нашли.

– А где его вещи и оружие?

– Одежда находится у меня, а пистолет и шашка – в несгораемом шкафу комнаты дежурного офицера, – пояснил Каширин.

– А позволительно ли будет мне взглянуть на них?

– Конечно. Антон Филаретович, не считайте за труд, принесите-ка сюда чемодан и оружие Васильчикова, – попросил полицмейстер. Исполненный холопьяго раболепства, Каширин стукнул каблуками, дважды кивнул и поспешно вышел, чтобы уже через несколько секунд появиться вновь. Он принес кожаный чемодан небольших размеров, открыл его и, отступив назад, потерялся в тени громоздкого шкафа.

Ардашев внимательно осмотрел вещи задержанного. Его внимание привлекла почтовая квитанция, пара перчаток и складной перочинный кавалерийский нож. К трофейному револьверу присяжный поверенный интереса не проявил, но шашку рассматривал довольно пристально. Вытащив клинок, он положил его на стул и обратился к Фаворскому:

– Будьте добры, Владимир Карлович, одолжите-ка мне на время ваш меч-кладенец. – Ротмистр с готовностью отстегнул холодное оружие и протянул Ардашеву. Рядом с ножнами драгунского офицера он разместил ножны жандармского ротмистра – они совпали. Затем присяжный поверенный совместил клинок Фаворского и Васильчикова, клинок последнего оказался короче примерно на полвершка.

– Таким образом, господа, вы видите, что две одинаковые шашки имеют разную длину клинков. Это говорит о том, что клинок штабс-ротмистра укорочен, а пустое пространство ножен закрыто изнутри для того, чтобы им можно было воспользоваться в качестве контейнера. Минуту терпения. – Адвокат взял изъятый перочинный нож и, легко разогнув клепки, надрезал кожу на ножнах, а затем разъединил две деревянные половинки, так что получилась щель, из которой на стол высыпалось три бордовых и множество прозрачных, похожих на бриллианты, камней. Клим Пантелеевич их внимательно пересчитал и разделил по цвету на две кучки.

– И как изволите это понимать? – барабаня по столу пальцами, пробормотал Кошкидько.

– Я думаю, этот вопрос было бы лучше адресовать лично штабс-ротмистру. Мне кажется, его как раз и не хватает, – ответил Ардашев.

Задержанного привели почти сразу. Судя по заспанному лицу, с нервами у кавалериста было все в порядке. Городовой усадил его на табурет и вышел. Первым начал полицмейстер:

– Штабс-ротмистр Васильчиков, признаете ли вы себя виновным в убийстве Соломона Жиха, господ Делавинь и аптекаря Савелова?

– Что за вздор! Сдается мне, что господин Ардашев уже успел заразить вас чумой своих болезненных предположений, – обнажив здоровые зубы, нагло улыбнулся офицер.

– Ну, Клим Пантелеевич, вам и карты в руки, – махнул в сторону Васильчикова Фен-Раевский.

– Откровенно говоря, я даже не считаю нужным вообще вести какую-либо полемику с этим человеком. Его вина в каждом злодеянии подтверждается огромным количеством улик, а посему нет нужды в покаянных исповедях злоумышленника. К тому же он хорошо понимает, что его ждет, и поэтому признаваться ему нет никакого резона. Итак, если позволите, я изложу детали. – Скрестив руки на груди, адвокат стоял перед открытым настежь окном и, казалось, сосредоточил все внимание на двух старых липах, давно посаженных чьей-то неопытной рукой слишком близко. За десятилетия их коряжистые ветки сплелись воедино, образуя густую и прочную сеть зарослей. Холодные осенние северо-западные ветра сбросили с них значительную часть наряда, оголив темные, изрезанные глубокими морщинами стволы, и от этого деревья напоминали немолодых, обнаженных дам, стыдливо прикрывающих уродливую старушечью наготу остатками бурой, полуживой листвы. – Находясь в любовной связи с Кларой Жих, тогдашний поручик узнал о том, что Соломон Моисеевич собирался закупить довольно значительную партию драгоценных камней, большая часть из них, как нам теперь известно, предназначалась для господина Расстегаева. Заранее имея информацию о времени прибытия курьеров в Ставрополь, Васильчиков выехал в Харьков, чтобы с тамошней станции сесть на проходящий кавказский поезд. И, конечно же, переодевшись в платье священника, было намного легче втереться в доверие к двум иностранцам, перевозившим драгоценные камни на довольно значительную сумму. Батюшка угостил ничего не подозревавших французов конфетами с гремучей смесью из снотворного и ядовитого семени тисового дерева и, дождавшись, пока отец и сын Делавинь уснут, проник в их купе с целью завладения драгоценностями.

– Неужели это растение настолько ядовито? – не сдержал удивления полицмейстер.

– Да. Это действительно так, Ипполит Константинович. Самое опасное действующее вещество – алкалоид токсин содержится почти во всех частях дерева, а особенно в семенах и хвое. Токсин поражает нервную систему и органы пищеварения. Еще Юлий Цезарь в своих сочинениях упоминал о его смертоносном свойстве. Конечно, проще было бы воспользоваться, например, цианистым калием. Но для этого пришлось бы зарегистрироваться в аптечном журнале продажи ядовитых препаратов. Этого, по понятным причинам, Васильчиков сделать не мог. Естественно, алкалоид токсин по сравнению с цианидом более слабое вещество, но в комбинации со снотворным эта коварная отравка завоевывает человеческий организм очень быстро. О странном священнике нам, если помните, рассказывал и начальник акцизного управления Гайваронский, и Пейхович, и господин Доршт. Наблюдательный немец, будучи превосходным ювелиром, подметил одну очень важную деталь – у батюшки на груди висел не наперсный крест, а панагия. Из этого следовало, что он не простой приходской священник, а самый настоящий архиерей, и это вполне обоснованно вызвало подозрения. Во-первых, для такого сана он был слишком молод; во-вторых, несмотря на строжайший пост, столовался в вагоне-ресторане, прилюдно нарушая православный запрет; ну и, в-третьих, священнослужителя такого уровня на вокзале после прибытия поезда никто не встречал, что, согласитесь, очень странно. А когда на съемной квартире убитого актера мы нашли весь этот гардероб, то все стало на свои места.

– Позвольте, Клим Пантелеевич, но ведь мы считали, что именно Абрашкин и был тем самым переодетым батюшкой. При чем здесь Васильчиков? – задал вполне закономерный вопрос Чебышев.

– В самом деле, такой вывод напрашивался сам собой, если бы не ряд других обстоятельств, полностью исключая данную версию. Если вы помните, сам артист был уже далеко не молодой человек, и в таком случае его возраст по отношению к церковному сану не вызвал бы недоумения ни у Гайваронского, ни у Доршта. Не забывайте также, что по средам Абрашкин исполнял роль Добчинского в «Ревизоре». Нападение на поезд имело место как раз в среду, так что участвовать в театральной постановке и одновременно оказаться в том злосчастном поезде он попросту не мог. Знаете, меня насторожил запомнившийся всем большой кожаный чемодан, с которым вояжировал церковнослужитель. Согласитесь, мало кому приходилось видеть владыку с громоздкой ношей. Ведь для этого у него всегда найдутся помощники... Да и почему-то он не сдал его в багажное отделение, а оставил в купе. Некоторое время я не мог найти логичного

объяснения этому факту, но, встретив сегодня на вокзале штабс-ротмистра в форме и со скромным чемоданчиком, я все понял. Его большой собрат был необходим для того, чтобы уместить в нем военную форму с ее обязательным атрибутом – драгунской шашкой. Туда же можно было при необходимости спрятать и украденный саквояж французских курьеров. В любой момент события могли развернуться таким образом, что Васильчикову пришлось бы поменять обличье, и вот тогда из купе вместо церковного сановника вышел бы бравый офицер 15-го драгунского Переяславского полка. Брильянты могли легко поместиться в потайном отделении ножен, а саквояж, в случае опасности, можно было просто выбросить в окно. Но в дело вмешался «его величество случай» – на поезд был совершен налет, и грабители тем самым отвели подозрения от пассажиров кавказского скорого. Теперь из материалов следствия нам известно, что Полина Воротынцева также ехала в одном из вагонов и сорвала тормоз Вестингауза на условленном участке дороги, чем помогла сообщникам проникнуть в купе № 8. Да только они опоздали и остались ни с чем. «Наводка» господина Расстегаева не помогла. Еще в поезде, сразу после налета Евсеева и Тавлоева, Васильчикову стало ясно, что при таких обстоятельствах не имеет смысла уничтожать саквояж и сопроводительную бумагу торгового дома «Бушерон», адресованную Соломону Моисеевичу, а также своеобразный пароль – письмо господина Жиха, посланное в Париж некоторое время назад. Они могли ему очень пригодиться. Поручик ясно понимал, что продажа такого количества ценностей вряд ли будет возможна, особенно после того, как о разбойном нападении растреляют во всех газетах, да и значительной прибыли эта сделка уже не принесет. И только один человек мог заплатить за них хорошую цену – тот, кому они предназначались, – Соломон Моисеевич Жих. Вот тогда и возник у Бронислава Арнольдовича дерзкий план с использованием давнего приятеля из Варшавского театра, находившегося в Ставрополе на гастролях – Аполлона Абрашкина. Кстати, именно он ранее и одолжил Васильчикову театральный костюм священника. Выполняя указание поручика, артист, представившись французом и курьером Торгового дома «Бушерон», продал господину Жиху украденные драгоценности, получив за это от Васильчикова небольшое вознаграждение в виде ювелирного украшения – известной вам бабочки и еще некоторого количества камней. Деньги поручик отправил посылкой в Варшаву на центральный почтамт с указанием «до востребования» на свое имя. Об этом свидетельствует запись в почтовой книге, откуда я и переписал номер квитанции с любезного согласия господина Расстегаева – нашего недавнего почтмейстера. Я думаю, господа полицейские, вам будет не сложно телеграфировать в Варшаву, с тем чтобы содержимое упомянутой посылки было проверено. И если там окажутся наличные деньги, то вы немедленно получите еще одно неопровержимое доказательство вины штабс-ротмистра в убийстве двух курьеров Торгового дома «Бушерон». Хотя не исключаю, что вместо денег вы можете обнаружить там старые журналы или подшивку давнишних газет. Кто знает?

Васильчиков вскинул на присяжного поверенного удивленный взгляд.

– Как прикажете понимать ваше сомнение, Клим Пантелеевич? – спросил полицмейстер.

– А где гарантия, что, допустим, покойный Тюлькин или Расстегаев не вскрыли посылку еще здесь? – парировал Ардашев. – Итак, все складывалось по разработанному преступником плану, но опять в стройный ряд запланированных событий вмешался слепой случай – в театре Соломон Моисеевич узнал в актере мнимого француза, накануне продавшего ему камни. Аполлон Абрашкин сообщает о неприятном разговоре поручику, после чего тот и принимает дерзкое решение – вторично завладеть драгоценностями. Осуществить этот план можно было только при одном условии – убрать Жиха, другого выбора и не могло быть.

– Выходит, если бы Жих тогда не побоялся и обратился бы в полицию, поведав нам об артисте, то он остался бы цел? – расправляя напомаженные усы, спросил Поляничко.

– Несомненно! Более того, он тем самым спас бы и Абрашкина. Ведь в операции по устранению коммерсанта он играл роль наживки, и ему в дальнейшем была уготована та же печальная участь, что и Соломону Моисеевичу, поскольку артист – единственная ниточка, ведущая к преступнику. И если бы впоследствии актера не убили бандиты, то его обязательно прикончил бы Васильчиков. А полиция, найдя церковное облачение на его квартире, приняла бы Абрашкина за главаря шайки. Если бы, конечно, смогла определить, что французы были мертвы задолго до вооруженного налета, – разъяснил присяжный поверенный.

– Складно излагаете, Клим Пантелеевич. Вам бы романы писать, а не сутяжничеством заниматься. Правда, намудрили несколько, но сюжетец, скажу я вам, занятный получился, – иронизировал штабс-ротмистр.

– А дальше будет еще интересней, Бронислав Арнольдович... Итак, следует заметить, что Жих был очень осторожным человеком, но пойти в полицию по понятным причинам не мог и поэтому был вынужден сам отправиться на встречу. Тем ранним утром он навестил меня, изъяснялся туманно и казался очень обеспокоенным. – Ардашев повернулся к присутствующим, достал коробочку монпансье, открыл ее и продолжил: – Кстати, я предложил ему угоститься вот такими же конфетками, он отказался, заявив, что бережет зубы. Понятно, что я был несказанно удивлен, когда узнал от вдовы, что ей передали монпансье «Георг Ландрин», найденное у ее мужа. А лоточница, обнаружившая убитого, как вы помните, также свидетельствовала, что покойный купил у нее леденцы «Москва» в круглой коробке. Их у него не нашли. Как позже удалось установить, Соломон Моисеевич пришел на встречу, имея во внутреннем кармане сюртука одну коробочку монпансье «Георг Ландрин», где драгоценные камни, все, кроме брильянтов, были залиты карамелью и по внешнему виду почти не отличались от настоящих леденцов. А в купленную у торговли перед встречей круглую коробку монпансье «Москва» он положил всего три аналогично замаскированных рубина. Абрашкин, подойдя к Жиху, видимо, поинтересовался наличием камней. Можно предположить, что осторожный Жих достал из саквояжа монпансье «Москва» и передал ему как раз эту круглую коробку, сказав, что в ней все драгоценности залиты карамелью. А в доказательство своих слов он указал на эти три рубина, облитые уже застывшим сиропом. Затем, скорее всего, он убрал леденцы в саквояж. Вполне возможно, что после этого Абрашкин ушел якобы за деньгами, а на самом деле рассказал Васильчикову, что в саквояже Жиха под видом монпансье находятся драгоценные камни. Поручик подкрался сзади и, накинув удавку, задушил несчастного негодяя, после чего забрал круглую коробку леденцов, наивно полагая, что она полна драгоценностей. Это потом Бронислав Арнольдович понял, что его жестоко обманули и ему досталось лишь три рубина, но было уже поздно. На следующее утро он был препровожден в острог по подозрению в убийстве мужа своей любовницы. Полицию ничуть не насторожило наличие в кармане трупа пузырька с каплями от головной боли, на котором сохранился ярлычок «Красной аптеки» – ближайшей от места роковой встречи. Согласитесь, учитывая, что Жих имел собственные аптеки, приобретать микстуру в чужом заведении было, по меньшей мере, странно. Да и почему он не положил их в саквояж, а оставил в сюртуке? Но загадка, как вам уже известно, объяснялась просто. Соломон Моисеевич, зная, что алмазы в бесцветной прозрачной жидкости становятся невидимыми, наполнил водой пузырек с брильянтами и закупорил его. Драгоценности стали прозрачными и незаметными для человеческого глаза. Позднее, зайдя в аптеку, он купил микстуру в такой же точно бутылочке и, подменив ее, попросил провизора оставить «лекарство» у него, поскольку он якобы собирался на деловую встречу и держать эту склянку при себе ему было неудобно. Итак, алмазы остались в «Красной аптеке». Их позднее обнаружит Савелов, не подозревая, что эта находка станет для него роковой. Забегая вперед, скажу, что на его квартире я оставил пузырек с мнимыми брильянтами из горного хрусталя, искусно выполненные по моей просьбе господином Дорштом. Но вместо воды я залил туда слабый раствор соляной кислоты. Мой расчет оправдался – преступник после убийства Савелова открыл «Капли от мигрени» и, ничего не опасаясь, вылил в руку содержимое вместе со стекляшками. Кислота обожгла ему левую руку. – Ардашев указал на штабс-ротмистра. – Приняв подделку за настоящие драгоценности, он добавил к ним и те три камня, которые были в круглой коробочке монпансье. Так что среди двадцати девяти стеклянных «брильянтов» вы найдете и три настоящих рубина. На столе я их отделил от кусочков горного хрусталя. – Присяжный поверенный тяжело опустился на свободный стул.

– Да, но как Васильчиков узнал, что Жих заходил в «Красную аптеку»? Как ему удалось выйти на Савелова? – недоумевал Поляничко.

– Видите ли, поручик, еще находясь под стражей, уже вызвал у меня подозрение, но точных доказательств его вины у меня не было. И тогда, как раз перед его освобождением, я умышленно рассказал вдове, что кроме уже найденных драгоценностей осталась не обнаруженной ее самая ценная часть – брильянты редкой огранки. Вскользь упомянул и об аптеке. Видимо, случайно она поведала об этом Васильчикову... А он, надев партикулярное платье, направился к аптекарю и

попытался получить от него камни. Провизор, понятное дело, не признался, что завладел сокровищами. Когда же я навел Савелова, то он и рассказал мне об этом визите. Правда, описать внешность незнакомца он так и не смог, упомянув только про усы. Мне же было понятно, что злоумышленник еще раз захочет наведаться к нему. Об этом я его предупредил и посоветовал, пока не поздно, вернуть брильянты вдове, но он отказался. Тогда мне ничего не оставалось, как уйти, оставив в шкафу эту ловушку, надеясь в дальнейшем по ожогу определить преступника. Что, собственно, и произошло.

– Скажите, Клим Пантелеевич, а с какого момента вы стали подозревать Васильчикова? – не удержался от вопроса Фаворский.

– Откровенно говоря, у меня было несколько кандидатов в злоумышленники, но определенные улики с самого начала свидетельствовали о том, что убийство совершил военный и, скорее всего – офицер кавалерии. Видите ли, господа, случайно оказавшись на месте злодеяния, я обратил внимание на некоторые, заслуживающие тщательного изучения, детали. Ну, например, позади лавочки я обнаружил хорошо видимый след от каблуков. Там же я нашел выпавший из подковки сапожный гвоздь необычного вида – со шляпкой в форме треугольника. Четкий вдавленный след и выпадение гвоздя объяснялись просто: затягивая на шее жертвы удавку, злоумышленник перенес всю тяжесть своего тела на пятки и потому глубоко вогнал каблуки в не успевшую высохнуть землю, а слабо державшийся в подковке гвоздь, прилипнув к почве, остался на месте. Причем было заметно, что металлические набойки изрядно стерлись, но такая форма и рисунок особенно популярны у офицеров. А следы с этими набойками сильно отличались от других, оставленных случайными людьми, поскольку расстояние между подошвами получалось достаточно широкое, из-за того что преступник ставил ноги параллельно одна другой, раздвигая ступни гораздо сильнее обычного. Такая походка соединена с большим уклонением от прямой линии – то есть как бы «вразвалку». Обычно это свойственно кавалеристам. Что же до обнаруженного мною гвоздя, то, как я потом выяснил, ими пользуются только варшавские сапожники. Об этом мне сообщил местный обувщик, выполняющий заказы для артистов нашего театра. Аналогично оказались подбиты и лакированные туфли Аполлона Абрашкина. Но металлических набоек на них не было. А значит, он не убивал Жиха. К тому же, как вам хорошо известно, отношение роста человека к величине его ступни выражается некой формулой; из нее следует, что рост человека примерно в 6,876 раз больше длины его стопы. Там же я измерил следы, и в последствии оказалось, что они могли принадлежать Васильчикову, а не замученному до смерти актеру, совсем невысокого роста. Правда, на тот момент, кроме него, были и другие соискатели на звание злодея...

– Позволю себе заметить, достопочтенный Клим Пантелеевич, что полиция давно проверила все факты и убедилась в моей полной невинности и абсолютной непричастности к убийству Жиха, – недовольно выговорил длинную фразу драгунский офицер.

– Что до вашего алиби, господин штабс-ротмистр, то цена ему – в базарный день – копейка. И я готов объяснить почему. Как известно из письма Соломона Моисеевича, встреча по обратному обмену драгоценностей на деньги была назначена на вечер понедельника, шестого августа. Как раз в этот день на вашей квартире, расположенной в Европейском переулке, в ста саженях от Николаевского, царило веселье. В этой шумной суматохе можно было выйти на балкон невысокого второго этажа и, перемахнув через низкое кованое ограждение, оказаться на центральном проспекте, как раз перед Соборной горой, где и была назначена фатальная встреча. А далее все развивалось так, как я уже рассказал. Убив Жиха, вы, вероятно, вернулись назад через входную дверь, но пьяная компания этого не заметила. Правда, вы, Бронислав Арнольдович, допустили один несомненный просчет – забыли избавиться от коричневых перчаток с продавленными следами от струны. Одна из них потом была брошена вами в лицо господину Пейховичу, вызванному на поединок. Волею случая я оказался рядом и, подняв ее, заметил малозаметные разрезы ткани. В этом легко убедиться, ведь они находятся в чемодане.

Чебышев нетерпеливо подскочил со стула и, разглядывая на свету перчаточную пару, подытожил:

– В самом деле, с тыльной стороны отчетливо видны тонкие бороздки...

Тут же вмешался Поляничко:

– Так что же получается! Пейхович погиб на дуэли! А мы-то уверовали, что он сам застрелился, и батюшка в церковном отпевании отказал... Да и похоронили его на отшибе, рядом с самоубийцами, – сокрушался Ефим Андреевич. – Вы уж, Антон Филаретович, сообщите его родственникам правду. Пусть побеспокоятся да исправят ошибку, – дал указание Каширину начальник и кивком попросил адвоката продолжить.

– Отдельного пояснения заслуживает вопрос, касающийся орудия убийства. Надо отдать злоумышленнику должное – за достаточно короткое время он ухитрился все тщательно рассчитать. Прежде всего, он сумел незаметно снять струну с пианино в музыкальном магазине, с тем чтобы, оставив ее на месте преступления, бросить тень на будущего покупателя этого инструмента и тем самым навести полицию на ложный след, что, к сожалению, ему удалось. – Адвокат укоризненно посмотрел на Каширина, отчего сыщик смутился и потупил взгляд. – С самого начала мне не давал покоя тот факт, что брошенная злоумышленником в кустах удавка оказалась слишком коротка для того, чтобы ею можно было задушить столь полного человека, каковым являлся Соломон Моисеевич. Да и характер повреждений, нанесенных потерпевшему, явно свидетельствовал об использовании более тонкой, а значит, с музыкальной точки зрения более высокой по звучанию струны. Я задался вопросом: «Где, по мнению преступника, можно было ее снять и не вызвать подозрения?» И понял: «В доме самого господина Жиха». Ведь никому и в голову не придет искать орудие убийства в пианино, принадлежащем покойному. На эту мысль меня натолкнули оброненные моим доверителем слова о том, что его подушка якобы пахнет табаком. Как вы знаете, погибший был человеком некурящим и мог остро чувствовать такого рода запахи. Как вам известно, господа, усы и волосы курильщика надолго впитывают в себя дым, легко передающийся ткани. А значит, вполне возможно, что в его кровати действительно находился тот, кто курит. Допустив такую возможность, я попытался осмотреть музыкальный инструмент в доме Клары Сергеевны. И знаете, мне повезло. Я нашел место, откуда сняли струну, служившую для извлечения ноты «ре» второй октавы. И хотя убийца попытался это скрыть, поставив на ее место новую, но она, во-первых – была слабо натянута, а во вторых – заметно отличалась от слегка потемневших от времени старых струн. – Штабс-ротмистр смотрел на Ардашева ничего не понимающими глазами. – Однако, откусывая щипцами кавалерийского перочинного ножа нижнюю часть будущей гарроты, злоумышленник слегка зацепился эполетом за соседнюю струну и оставил на ней хорошо видимые серебристые ворсинки, присущие форме именно 15-го драгунского полка. Я даже не стал их собирать, потому что именно внутри пианино это вещественное доказательство сохранится наилучшим образом, являясь еще одной бесспорной уликой, хотя доказательств и без того хватает. Вот и все, господа, на этом позвольте считать эту детективную антрепризу оконченной. – Присяжный поверенный открыл коробочку любимых монпансье и отправил в рот прозрачную конфетку.

– Желаете ли что-либо сказать в свое оправдание, господин штабс-ротмистр? – вежливо поинтересовался Фен-Раевский.

– Откровенно говоря, я чертовски устал, слушая эти криминальные новеллы, и хотел бы вернуться в камеру. Посмотрим, как вам удастся доказать всю эту ересь присяжным заседателям, – зло выговорил Васильчиков и, не дождавсь команды, сам протянул руки для надевания оков. Задержанного увели.

Полицмейстер поднялся из-за стола и подошел к Ардашеву:

– Позвольте принести вам, Клим Пантелеевич, глубочайшую благодарность и выразить особую признательность за вклад в дело торжества законности и правопорядка. Я буду ходатайствовать перед самым генерал-губернатором и городским головой о даровании вам звания почетного гражданина нашего города.

– Благодарю вас, Ипполит Константинович, за столь высокую оценку труда скромного присяжного поверенного. Да ведь я всего-навсего исполнил предсмертную волю своего доверителя. Что ж до почетного звания, то, думаю, после сегодняшнего выступления в судебном заседании в защиту молодого писателя городской голова вряд ли поддержит вашу инициативу. Но все равно – спасибо. Однако мне пора. – Слегка поклонившись присутствующим, Ардашев направился к выходу.

Налетевший внезапно из-за угла холодный осенний ветер чуть было не сбил котелок с головы присяжного поверенного. Сильными и резкими порывами он, точно рассерженный дворовый

пес, захватывал и трепал в разные стороны полы его черного сюртука. Темно-синее небо уже наполнилось таинственной свинцовой тяжестью, готовое в любой момент опрокинуть на землю тысячи водопадов. Еще не улетевшие в теплые края ласточки низко кружили над землей и громко голосили, будто призывая беспечных горожан скорее спрятаться от неизбежного ливня. Миновав колокольню и спускаясь по белокаменным ступенькам соборной лестницы, Ардашев на мгновение остановился, невольно залюбовавшись величественной красотой Николаевского проспекта. Его прямая, переходящая в бесконечность линия терялась в грязно-серых облаках, виноградными гроздьями повисших над горизонтом. Осенняя свежесть предгрозового воздуха приятно дурманила голову и отвлекала от грустных, свойственных этому времени года мыслей о скоротечности человеческого бытия. Внезапно, словно по чьей-то команде, откуда-то сверху сорвались первые робкие капли дождя и крупными, но редкими горошинами рассыпались по крышам и подоконникам окрестных домов, выстукивая водяными палочками беспорядочную барабанную дробь. Одинокое прохожие открывали зонтики или искали укрытие в надежде переждать непогоду. Привычно выкидывая вперед трость, Клим Пантелеевич уходил все дальше и дальше, пока совсем не скрылся из виду, растворившись в мутной густоте темно-лилового марева, окутавшего притихшие улицы.

44

Последнее плавание

Жалкий, кряхтящий от перенесенного шторма парходик надрывался, сопел и, точно разбуженный старик, прокашливался черным смрадом, силясь побороть надвигающийся из-за горизонта шторм. «Кострома» неуклюже цепляла носом волну, то опускаясь до самой ватерлинии, то вдруг снова отчаянно подпрыгивая вверх. Громко выпустив пар, старая посудина натужно вошла в фарватер порта Коломбо.

Утлое, «беременное» сотнями арестантов суденышко неприкаянно скиталось по морям, отшвартовавшись от Карантинного мола Одесского порта еще месяц назад. За долгие дни морского странствия заключенные, томившиеся в темных и сырых трюмах-казематах, почти полностью потеряли прежний, людской, облик и превратились в человекоподобные существа, управляемые простейшими инстинктами.

Прильнув к иллюминаторам, пораженные красотой увиденной земли, каторжане заворожено молчали. Изумрудно-зеленая громада кокосовых зарослей поднималась из девственно голубых вод Индийского океана и дарила ощущение сказочной нереальности, какого-то недавнего парадиза, откуда только что улетели ангелы, испугавшиеся, видимо, этой ржавой консервной банки, насквозь пропитанной злобой и насилием. Продолав почти полпути до Сахалина, «Кострома» стала на якорь в порту английской колонии – острова Цейлон.

Всем членам корабельной команды было разрешено спуститься на берег. На судне осталась только вахтенная смена да трое из десяти сопровождающих конвойных. Они утешали себя тем, что следующая остановка, в Сингапуре, позволит им полностью наверстать упущенное. Но сейчас красный свет фонарей притонов был не для них. Уличные бордели манили в свои грешные покои морских скитальцев со всего света. Индуски, китайки, мулатки непонятного рода и племени и даже несколько дам европейского вида навязывали себя прохожим, пытаясь затянуть их в приоткрытые двери публичных домов. Таверны и придорожные забегадки, устроенные на манер английских пабов, завлекали прохожих звуками патефонов и звонким женским смехом.

Когда окрестности острова пленила голубая темнота ночи, по трапу корабля под российским флагом слегка покачивающейся походкой на берег сошел матрос.

– Эй, проспал, что ли? – крикнул вахтенный старшина, но, так и не дождавшись ответа, махнул счастливчику рукой, добавив: – Ты уж, браток, выпей там за меня да красоток местных не забудь пощупать! Ох, говорят, они тут и горячие! – Ответа не последовало, и раздосадованный невниманием моряк стал обходить верхнюю палубу. Откуда-то снизу донесся едва уловимый стон. Не долго думая, он спустился вниз. Стон повторился вновь. Дежурный открыл цепной ящик

и остолбенел... Внутри него лежал раздетый донага окровавленный молодой матрос вахтенной смены со связанными руками и ногами. Из его рта торчала грязная тряпка арестантской робы. Кровь залила несчастному лицо, а за левым ухом белела треснутая черепная кость. Из образовавшегося отверстия сочилась кровь и был виден пульсирующий мозг. Но человек еще жил. Старшина тут же поднял тревогу, и подоспевшая охрана вытащила раненого. Теряя сознание и едва шевеля губами, он рассказал, что один из каторжан упрямил вывести его на вторую палубу, чтобы посмотреть, возможно в первый и последний раз в своей жизни, на этот тропический рай. Доверчивый паренек в нарушение всех предписаний согласился, тем более что за долгое плавание арестант научил его играть на гитаре. Злоумышленник, воспользовавшись халатностью и неискушенностью моряка, нанес ему несколько страшных ударов по голове, переоделся в его одежду и скрылся. К утру несчастный скончался.

Как позже выяснилось из сопроводительных документов, совершивший дерзкий побег преступник был приговорен Ставропольским окружным судом за двойное умышленное смертоубийство к лишению всех особенных, лично и по состоянию присвоенных прав и преимуществ, а также осужден на смертную казнь через повешение. Уличить его еще и в гибели двух иностранных подданных обвинению так и не удалось, поскольку во вскрытой варшавскими властями посылке на его имя лежали подшивки старых газет. Позднее высочайшим указом государя, учитывая его прежние боевые заслуги, смертную казнь заменили вечной каторгой на острове Сахалин. Фамилия его была... Васильчиков – бывший штабс-ротмистр 15-го драгунского Переяславского императора Александра III полка, расквартированного в городе Ставрополе.

...А еще через десять дней «Кострома», проходя Лаперузовым проливом, попадет в свирепый шторм. Борясь с налетевшим норд-остом и переваливаясь с бока на бок, точно старая неповоротливая утка, судно направится к берегу и окажется во власти густого молочного тумана. Штурманский офицер потеряет из виду Крильонский маяк и собьется с курса. Пытаясь обойти надвигающуюся с северо-востока полосу льда, плавучая тюрьма на полном ходу наскочит на острые скалы Камня Опасности. Корабль потонет. Спасти никого не удастся.

45

Синий конверт

Первый снег выпал рано, и деревья, еще не успевшие сбросить листву, удивленно стряхивали с веток легкое пушистое одеяние, принесенное издалека холодными ветрами. Солнце, возмущенное неслышанной дерзостью торопливой зимы, нещадно жгло землю, превращая белое покрывало в липкую и непролазную грязь, медленно поглощавшую город. «Покупайте самые лучшие в мире галоши Товарищества Российско-Американской резиновой мануфактуры «С.-Петербург»! Галоши «Треугольник» – полное ручательство за доброкачественность!» – кричала яркая рекламная афиша, установленная на крыше двухэтажного купеческого особняка, как раз напротив дома присяжного поверенного Ардашева.

– Клим Пантелеевич, вам письмо, – проворковала горничная, оторвав адвоката от задумчивого созерцания улицы через большое венское окно гостиной. Синий конверт слегка вытянутой, непривычной формы покоился на подносе рядом с канцелярским ножом из китового уса и по количеству разнообразных штемпелей и ярких цветных марок мог быть отнесен к иностранной корреспонденции.

Легким движением Ардашев вскрыл конверт без обратного адреса и, развернув сложенные второе листы, стал читать написанное ровным женским почерком послание:

«Уважаемый Клим Пантелеевич, смею надеяться, что это письмо поможет мне хотя бы немного избавиться от чувства вины перед Господом, перед моим покойным мужем и перед Вами.

Я прекрасно понимаю, что Вы разгадали этот ребус, составленный отчасти мною, а отчасти теми роковыми обстоятельствами, которые с самого начала окружили меня и не отпускали до самого конца. Но, несмотря на это, Вы великодушно не выдали меня, наверное, потому, что выполняли волю Соломона, просившего в своем последнем письме сохранить честь нашей семьи (как Вы и говорили, судебный следователь позволил мне ознакомиться с нотариальным посланием мужа).

Я не хочу кривить перед Вами душой и поэтому признаюсь: с самого начала я была не искренна с Соломоном и меня интересовали только его деньги. Правда, человеком он был добрым и больше всего на свете ценил домашний уют и тихое семейное счастье. Выйдя за него замуж, я наконец-таки стала жить так, как мне хотелось. Что может быть ужаснее, чем гордая ницета разорившейся дворянской семьи?! Когда плачешь всю ночь напролет из-за того, что нечего надеть на выпускной гимназический бал! Когда, вырядившись в слишком просторное платье старшей сестры, ловишь на себе презрительные взгляды сверстниц и слышишь их издевательски безжалостные и колкие насмешки!

Я рассказывала ему об этом, он жалел меня, закрывая глаза на мои взбалмошные выходки и сумасшедшие траты. Но удивительное дело! Очень скоро деньги перестали приносить радость, а Соломон все больше и больше раздражал меня своей преданной и слюнявой любовью. Он старался мне всячески угодить, а я ненавидела этого размазню за полнейшее отсутствие собственного достоинства.

И вот именно в это время я случайно познакомилась с Брониславом. Это был совершенно другой человек – полная противоположность мужу. Поручик во всем хотел быть первым. Он, как Вам известно, достаточно быстро шагал по карьерной лестнице, но глупая дуэль перечеркнула его предыдущие заслуги, и служба ему наскучила. И только со мной ему было хорошо и спокойно. Да и я теряла с ним счет минутам и часам, совсем забывая об опостылевшем супружестве. Но потом, как Вы знаете, о нашей связи стало известно, и разразился грандиозный скандал, и муж, чтобы сберечь семью, принял решение покинуть вместе со мной Россию.

Он не скрывал от меня того факта, что собирался купить на умопомрачительную сумму немалое количество драгоценных камней, с тем чтобы, продав их большую часть, мы могли бы не только купить уютный дом на французском побережье Атлантического океана, но и, открыв там собственную ювелирную мастерскую, безбедно жить. Но ведь тогда я должна была бы навсегда расстаться с Брониславом...

Знаете, примерно с полгода назад мне в руки попал один французский роман о придворной даме, которая, в силу тяжелой и безысходной ситуации, была вынуждена жить с нелюбимым, но очень богатым человеком из окружения короля. Но неожиданно она встретила молодого человека из обедневшего дворянского рода и без остатка влюбилась в него. Офицер, понимая, что он не в силах окружить графиню богатством и роскошью, достойной ее красоты, решил порвать с ней. Тогда несчастная женщина решила сама распорядиться своей судьбой. Она понимала, что только смерть мужа могла сделать ее богатой наследницей, способной соединить себя и любимого брачными узами.

В ее поместье росли тисовые деревья. От садовника ей стало известно, что из этой хвои можно приготовить быстродействующий яд, способный убить человека. Любовь толкнула ее на преступление, и она отравила мужа. Но полиция смогла раскрыть это злодеяние, и несчастную надолго упрятали в тюрьму. Узнав об этом, ее возлюбленный отрекся от нее и вскоре женился на другой, совсем юной избраннице. Не сумев перенести предательства, от тоски и горя графиня сошла с ума.

Конечно же, такой финал меня не устраивал, да я не смогла бы пойти на столь тяжкий грех. Сама не знаю почему, я поделилась этой историей с Брониславом. Он долго и внимательно слушал меня, а потом вдруг стал расспрашивать о предстоящей сделке Соломона. Однако же тогда я не придавала этому никакого значения.

Соломон, извещенный телеграммой о дате прибытия курьеров французской ювелирной фирмы, будто предчувствуя беду, разволновался и стал сожалеть о том, что он не знает посланцев в лицо. Но, слава богу, они

должны будут предъявить ему его же собственное письмо, отправленное в Париж как раз перед нашей с ним последней поездкой.

Обо всем этом я и рассказала Васильчикову, и в его глазах промелькнул зловещий огонь азартного игрока, и он, как бы невзначай, уточнил у меня день их приезда. Я назвала ему эту дату, ведь наш отъезд во Францию должен был состояться вскоре после покупки камней. Ох, Господи! Я поняла, что проболталась, но оставила все как есть. Право же, Клим Пантелеевич, да откуда же я могла знать, что события начнут развиваться столь страшным образом! Совсем скоро Бронислав на некоторое время исчез, сославшись на служебные дела.

Однако не прошло и двух дней, как сделка состоялась. Правда, вместо двух курьеров появился всего лишь один, но каких-либо сомнений у моего супруга это обстоятельство не вызвало. (Впоследствии Вы сами мне подробно об этом рассказали, восстановив происшедшее до мельчайших подробностей. Надеюсь, Вы не станете на меня гневаться за то, что мне приходилось притворяться, будто об этом я узнавала впервые.)

Утром следующего дня, когда я осталась дома одна, кто-то постучал в окно моей комнаты. Выглянув, я увидела поручика, он держал в руках какой-то ящик, обшитый мешковиной. На его крышке химическим карандашом был выведен адрес: г. Варшава, Центральный почтамт, Васильчикову Б.А., до востребования. Объяснив, что очень торопится, он попросил меня отправить эту посылку. В ней, как он сказал, находились разного рода японские трофеи, которые он не может больше держать на своей квартире. Я согласилась и спрятала ящик в погребе. Но в тот день я так и не нашла времени сходить на почту. А уже на следующий день из газет стало известно о нападении на поезд. Я не могу объяснить, как это случилось, но я, повинувшись необъяснимому дурному предчувствию, вскрыла ящик и обнаружила там пачки денег. Вот тогда-то мне и стало понятно, что это и есть деньги Соломона, а значит, и мои... Откуда мне было знать, что замышляет Бронислав? От греха подальше я решила все-таки эту злосчастную посылку переслать по назначению, правда, заменив содержимое – вместо денежных купюр я набила ее старыми газетами.

А потом был этот проклятый «Вишневый сад», наше возвращение домой посередине спектакля, расстроенный Соломон и беспокойная ночь, полная кошмарных снов. Утром, сразу после ухода мужа, Бронислав снова появился у меня. Он вел себя как-то странно и, выпив кофе, так же внезапно ушел. Вечером этого дня Соломона не стало.

Испуганная случившимся, сама не зная почему, я пришла на квартиру к поручику и, увидев следы пьяного разврата, горько расплакалась, понимая, что этот человек больше всего на свете любит самого себя. Неожиданно появилась полиция, и Васильчикова арестовали. Признаться, я не сразу поняла, что это сделал он. Узнав, что мой муж был задушен фортепьянной струной, я бросилась к своему пианино и только тогда неожиданно для себя все поняла. Видимо, пока я варила ему кофе на примусе, он снял с пианино струну. Я испугалась, и мне не оставалось ничего другого, как на место прежней вставить новую... Ведь только так я могла отвести подозрение не столько от Васильчикова, сколько от себя... Позднее, после внезапного нападения бандитов, я слышала, как Вы, Клим Пантелеевич, пытались играть на пианино и даже открывали его крышку. Вы обо всем догадались, но ничего не сказали, а просто ушли. Я представляю, что Вы тогда обо мне подумали! Я ведь не только скрыла следы преступления, но и помогла убийце моего собственного мужа. А разве был у меня другой выход? Но за этот тяжкий грех я до конца своих дней буду вымаливать у Господа прощения!

А дальше? Дальше уже сама судьба стала забавляться со мной так, как ей заблагорассудится! Но Господь послал мне моего ангела-хранителя – Вас, дорогой мой Клим Пантелеевич! Вы вернули мне часть драгоценностей и затем помогли их продать и даже пообещали, что вскоре найдете и брильянты. Об этом я рассказала Брониславу, и он бросился на их поиски. Конечно, я могла предположить, что поручик убьет аптекаря, но разве в этом есть моя вина? Бедный провизор нечаянно попал в водоворот этих событий, и его выбросило как маленькую рыбку на берег после шторма. Он пал жертвой обстоятельств. Я здесь совершенно ни при чем. Но в конце концов правда восторжествовала, Вы изобличили злодея и предали его суду, а

брильянты оказались у меня. И слава богу! Теперь я могу самостоятельно и без всякого опасения распоряжаться огромным состоянием и постараться поскорее забыть кошмар этих последних месяцев.

Дорогой Клим Пантелеевич! Вы единственный человек, перед которым я испытываю чувство вины. Из-за меня Вы сами оказались перед мучительной и трудноразрешимой дилеммой: нарушить волю покойного и поступить так, как велит Ваша совесть, или, наоборот, соблюсти последнее желание Соломона и перешагнуть через свои жизненные принципы. Вы выбрали второе. Убедив полицию в моей невинности, Вы тем самым сохранили мое доброе имя и мою честь. Спасибо Вам за Ваше благородство!

Засим откланиваюсь,
вечно помнящая о Вас Клара Жих.
Октября, 27 дня, 1907 года.

P.S. Я живу, как и мечтал Соломон, на скалистом Атлантическом побережье, но по другую сторону океана. Мне нравится Америка, и я постараюсь навсегда забыть Россию и этот ужасный 1907 год.

«Ну, вот теперь, кажется, все», – горько усмехнувшись, подумал Ардашев и небрежно бросил письмо на стол. Заложив руки за спину, он так и остался стоять перед окном, с интересом наблюдая, как молодая мать отчитывала непослушного пятилетнего мальчугана, норовившего вырваться у нее из рук и пуститься вниз по Николаевскому проспекту.

Город жил спокойной и ничем не примечательной жизнью.

«Мне кажется, что чем лучше написан детектив, тем больше он заставляет думать. Лично мне нравится, когда автор угощает читателя не только острой приправой преступления, но и десертом из любопытных фактов. В таком случае детектив еще и образовывает».

*Иван Любенко,
из интервью*

Цикл ретродетективов Ивана Любенко о расследованиях Клим Ардашева – замечательная альтернатива «фандоринскому» циклу Бориса Акунина! Присяжный поверенный Окружного суда, харизматичный сыщик-интеллектуал стоит на страже Российской империи без страха и упрека!

Выйдя в отставку, Клим Пантелеевич Ардашев, бывший начальник Азиатского департамента МИД России, мечтал о жизни провинциального отшельника-сибарита. Но не тут-то было: неожиданно убивают его знакомого ювелира Соломона Жиха, а тот в предсмертной записке просит Ардашева позаботиться о его красавице-жене Кларе... Расследование трагической смерти Жиха заводит Ардашева в дебри человеческих чувств и отношений: любовь оборачивается предательством, а предательство – прощением...

ISBN 978-5-699-88053-9

9 785699 880539 >

